

Саша
Саин

ИСПЫТАНИЯ
СИОНСКОГО
МУДРЕЦА

Саша Саин

Испытания сионского мудреца

«Алетейя»

Саин С.

Испытания сионского мудреца / С. Саин — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-41-6

Остросюжетная повесть, где комическое и драматическое, смешное и грустное рядом. По накалу страстей эта повесть – психологический триллер. Главный герой попадает в круговорот испытаний, где все присутствует: от моббинга до откровенной дискриминации, и только его жизненный опыт, профессионализм и врожденная способность распознавать людей – их враждебные намерения, часто спасают его от поражений! Нелегко путь эмигранта, даже в демократической стране! Эта книга будет интересна для тех, кто уже покинул родину, напугает тех, кто собирается ее покинуть, и очень порадует тех, кто этого делать не собирается. В своей книге автор ни о ком ни хорошо, ни плохо не отзывается, не его цель, как психолога-психоаналитика, раздавать награды кому-либо или порицать кого-либо. Психоаналитик – это тот же патологоанатом, только на душевном уровне, и в отличие от патологоанатома иногда может помочь! Все же это не пособие по психологии, а художественное произведение. Конечно, автор, как психолог, не мог не показать глубинные подсознательные процессы у личности: не то что на поверхности лежит и выдается за истину, а то, что скрыто – то в чем и себе не признаешься! У нас у всех есть свои чертики в голове, надо иметь силу и честность в этом признаться, а для этого разобраться, в первую очередь, в самом себе!

ISBN 978-5-907189-41-6

© Саин С.

© Алтейя

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

С. Саин

Испытания сионского мудреца

Часть I

Карьерная лестница сионского мудреца

Глава 1

Эксперт по тоталитаризму

«Много о вас хорошего слышал, к сожалению, должность главврача в настоящее время занята, – без интереса ответил по телефону владелец клиники, узнав, что я согласен и на меньшее, обрадовался: – Милости просим, приезжайте!». И эта клиника была связана с горами, холмами, но находилась не на возвышенной части, а в самом низу – не на горке, а под горкой! «Что это означает?! – спросил я жену. – В этот раз мы в яме?! Наше падение?!». «Ну и шутки у тебя!» – сказала жена. Ждать пришлось недолго, когда я зашёл внутрь и выбрал в вестибюле место в кресле так, чтобы хорошо просматривался вход и все двери, а сам был мало заметен. Вскоре появились во входных дверях: пожилой – лет 60-ти, полный мужчина среднего роста, в шерстяной кофте, и – лет сорока, худощавая в юбке, энергичная блондинка. Он шёл мрачный и никого не искал взглядом, а она всё кого-то искала! Завидев меня, сидящего в кресле, тут же уверенно направилась в мою сторону, приветливо улыбаясь, протянула руку для приветствия. «Кокиш! – назвалась она. – Здравствуйте, а вы доктор...!» – произнесла она мою фамилию. Удивился её наблюдательности не очень характерной для немцев: «По каким признакам она меня сразу вычислила, интересно?». Он был седеющий, но ещё «сохранившийся» брюнет – редкий «ёжик». Недовольное удлинённое лицо, подозрительный, даже презрительный, раздражённый взгляд! Чем-то напоминал чёрного цепного Барбоса! Она, больше, лису, но с челюстями саранчи, костлявым лицом, тонким носом. Он тоже протянул руку и Шнауцером назвал! – «Так вот, почему похож...!» – понял я. Затем он без особого энтузиазма обронил: «Ну хорошо, доктор, пойдёмте в конференц-зал». Там, на фоне минеральной воды, и состоялась беседа. «Это моя правая рука – администратор! – указал он на фрау Кокиш, и добавил: – У меня нет от неё никаких секретов!». После моего повествования о себе, Шнауцер оживился, в особенности узнав об акупунктуре, гипнозе и других моих способностях. Он даже «зажётся», лицо его сияло! Я видел, что он готов меня уже сразу оставить работать! Чувствовался в нём нетерпеливый человек сразу зажигающийся, но также, вероятно, быстро остывающий и легко разочаровывающийся. Она тоже сияла и улыбалась. У них был вид, как будто на улице нашли оба по 1000 долларовой купюре. «Вы нам очень подходите!» – сказал Шнауцер. «Да, да! – живо согласилась и Кокиш. – Вы еврей, да?» – спросил она как бы сострадательно. «Да, так получилось», – в очередной раз сознался я. Сам бы, конечно, не сказал! Быть евреем достаточно плохо, но объявить себя евреем – это уже хулиганство, это агрессия! И если еврей это делает, то из хулиганских побуждений, когда хочет похулиганить! «Наша немецкая бюрократия меня возмущает! – возмутился Шнауцер. – Такого врача, как вы, не признать в полном объёме как Facharzt (врач-специалист)! А вы знаете почему? – объяснил он: – Потому что сами не имеем хороших врачей! Но я вас возьму, вы вызываете у меня сострадание». «Ну и выражения у тебя, Петер! – ужаснулась фрау Кокиш. – Нет, чтобы сказать: – Вы мне подходите, своим ярким внешним видом и излучением приятным! Так ты говоришь: – Из-за моего сострадания вы мне подходите!». – «Да, ты права, Силке! Я не так выразился, но доктор, я думаю, меня понял.

Кстати, доктор, она мне сразу сказала, что вы еврей!». «По имени», – скромно произнесла Силке. «Так вот, по какому признаку она меня уличила! Неужели это единственный признак?! Не верится, но приятно. Да нет же, она ведь меня ещё и узнала!» – понял я.

«Единственная наша проблема, – сказал заговорщически Шнауцер, – это наш главный врач!». Силке охотно кивнула. «Он хороший человек! – дальше совершил ошибку Шнауцер. Силке брезгливо скривилась. – Да, Силке! – заметил это Шнауцер. – Действительно хороший, но он находится под сильным влиянием команды врачей! Они им руководят, а не он ими! Я, конечно, – продолжал Шнауцер, – могу вас взять на работу и без его согласия! Но тогда у вас жизнь будет сложной и не доставит удовольствия! Поэтому лучше, если он с вами побеседует и даст своё согласие». «Только ты, Петер, будь при этом, – посоветовала Силке Кокиш, – а я выйду!».

Через пару минут «ввели» примерно 50-летнего хорошо упитанного, но с недовольной миной – обиженно надутого пухлогубого главного врача. Поздоровавшись со мной и назвавшись Зауэр (кислый в переводе), он вяло и без энтузиазма, задав несколько вопросов, взял в первую очередь в руки мои документы – *Bewerbung* (резюме), и стал тщательно, как лабораторные анализы их изучать. Шнауцер за ним наблюдал. «Вы непризнанный специалист психотерапевт – *Facharzt*, а жалко! – начал «сутяжничать» главный врач. – Нам как раз признанный специалист нужен!». «Но у вас же есть *Weiterbildungsermдchtigung*! (право провести специализацию)! – возразил Шнауцер – Вот он и станет *Facharzt* (специалистом)! Он ведь и так *Facharzt* и отличный специалист! Другое дело, что в Германии что-то нужно доделать». «Много, очень многое нужно доделать!» – охладил его пыл главный врач. – «Так он же не идёт на ваше место! Он будет ассистентом, пока! – ещё меньше успокоил он Зауэра. – Да ведь, доктор! Вы же согласны!» – обратился ко мне Шнауцер. «Конечно! – подтвердил я и усилил свою близость к народу: – Мне работа с больными доставляет больше удовольствия, чем административная!». «Но вы работали как оберарцт (замглаврача), значит вы переквалифицированный для ассистента!» – нашел другой довод против меня Зауэр – (кислый по-русски). «Так получилось, – скромно объяснил я, – некому было работать». Зауэр недоверчиво, искоса на меня глянул и опять уткнулся – «спрятался» в документы! Желая его отвлечь, размягчить, я налил ему и себе минеральной воды. «Это как-то не так получается! – как «тонкий» психолог обратил Зауэр внимание на мой жест вежливости. – Вы же у нас в гостях, а не наоборот! Значит, мы вас угощаем, а не вы нас!». – «Вечно я вляпываюсь в проблему «напиться»! – вспомнил я неудачный вступительный экзамен в мединституте по физике в 1969 году, когда у экзаменаторов попросил разрешения напиться! И меня сполна «напоили» до следующего года, когда опять поступал! Но в этот раз у меня уже был диплом в кармане и даже «с отличием»! И рядом сидел не ректор мединститута – таджик-антисемит, а тоже, возможно, антисемит, но пока на моей стороне – немец. И я сам не был уверен, нужно ли мне так уж лезть в это болото да еще – «под горку»! Поэтому решил расчитаться за унижение в молодости: – Ничего, это всё равно! Не придавайте такое уж большое значение такой мелочи!» – великодушно улыбнулся я. «Ну ладно, доктор, идите! – сказал Шнауцер, желая разрядить обстановку. – Мы сейчас с главным врачом решим вопрос, как с вами быть». Шнауцер остался с главным врачом, как я понял, выламывать ему руки.

«Ну что?» – подбежала ко мне в коридоре Силке Кокиш. «Мне кажется, я ему не понравился! Он не поверил, что после работы оберарцтом, можно желать работать обычным врачом! Он не поверил, что работа с больными может доставлять удовольствие», – уточнил я. «Это он такой! – раздражённо бросила Силке Кокиш. – А вы подождите результат! И мне тоже очень интересно, что они решат!». Примерно через час ожидания, сказал Силке Кокиш: «Я поеду, нужно дать людям спокойно решить вопрос! Зачем я буду «сидеть над душой», а завтра я позвоню!».

«Ну что?» – спросила жена, когда я вышел. «Думаю, что возьмут! – уверенно сказал я. – И главный врач будет дураком, если этого не сделает! Тогда все его промахи будут оцениваться, что они из-за того, что меня не взял! Ему выгоднее меня взять и доказать, что я плохой врач, чем не взять! У него сейчас проигрышная ситуация, но мне его не жалко, он настоящий, неприятный – «правильный немец!»».

«Доктор я вас возьму, но денег много не могу платить! Меня никто не поймёт, я всем мало плачу! Но вам готов платить 3,5 тысячи Ъ (евро), согласны?» – позвонил на следующий день Шнауцер. «Согласен!» – сразу ответил я. «Ну хорошо, тогда я дам о себе знать в течение нескольких дней», – почему-то вяло произнес Шнауцер. «Ну что?» – спросила жена. – «Я, кажется, совершил ошибку!»». – «Какую?». – «Сразу согласился на предложенную мизерную зарплату! С торгашами так нельзя! Будет пытаться еще меньше дать! Ну ладно! Если что, поставлю его в следующий раз на место!».

«Давайте встретимся, где-нибудь на автобане в месте отдыха! – через несколько дней вновь позвонил Шнауцер. – Я хочу вас познакомить ещё с моей сестрой! – объяснил он. – Она тоже участвует в нашем предприятии, как инвестор! Или же мы приедем к вам в гости?» – тут же предложил Шнауцер компромиссный вариант. «Приезжайте в гости! – выбрал я второй вариант, чувствовалось его желание нас посетить. – Хочет посмотреть наш материальный уровень и социальный статус, как иностранцев! – объяснил я жене. – Как перед предоставлением нам гражданства, нас посетили из орднунгсамта (служба слежения за порядком), посмотреть квартирные условия: не алкаши ли или другие асоциалы. Вот и он хочет, перед тем как нас «купить», еще раз товар посмотреть – приём торговца! Не хочет kota в мешке покупать! Хоть и нахваливает, но удивлен моему быстрому согласию на маленькую зарплату, значит не дорогой товар, и мог дешевле или вообще не покупать! Как видишь, я не ошибся! А сейчас, в зависимости от того, как мы живём, и новую цену соответственно ниже назначит. Если мы бедные, то еще меньшую зарплату определит, если богатые, то все равно не большую!».

В назначенный день Шнауцер приехал, но не с сестрой, а один. «Она не смогла», – объяснил он, зайдя в квартиру, и внимательно всё рассматривая. Чувствовалось, что наше «богатство» его не впечатлило, но и не шокировало. Чисто в квартире, новая, но недорогая мебель, зато обилие русской кухни и водки его расслабило, и он признался, что хотел бы меня в качестве главного врача видеть, но не сейчас! Хотя главный врач и очень хороший человек! «Хорошо, – сказал Шнауцер на прощание. Мы были уже как хорошие, давние знакомые: Я вам пришлю трудовой договор! И я бы хотел, чтобы вы через месяц, самое позднее, уже работали! А о проблеме переезда не беспокойтесь! Я и за переезд заплачу, и квартиру подыщем!»». И это было бы так, если б Шнауцер был какой-нибудь Собаков, например! Не корми «местных» у себя дома, давно понял я! Не делай им дорогих подарков! Угощай их не больше, чем чашечкой кофе и желательно без молока, и уж точно без сливок! Они это за Bestechung (подкуп) примут и за твою слабость – Unterwerfung (подчинение)!

«Знаете, доктор, – позвонил через неделю Шнауцер, – я подумал: – Всё-таки переезд нелёгкое дело! Вы меня не знаете хорошо, и я вас! И кто знает, может, вы мне не подойдёте, а я вам не подойду! Я посоветовался с моим другом профессором! И он предложил, на мой взгляд, очень интересное решение вопроса, которое, я уверен, вам очень понравится и для вас очень выгодное! Я беру всё на себя: я приеду и договорюсь с Arbeitsamt(ом) (биржа труда), чтобы они продолжали вам платить пособие по безработице! А вы приедете ко мне, и поработаете у нас, ну хотя бы месяц или три, и тогда мы решим, как дальше! Ну как, хорошая идея, доктор! Правда, хорошая идея! Нет, доктор, вы только не подумайте, что я вас хочу дёшево купить! – произнёс он, почувствовав паузу и мое недовольство. – Это просто лучше для вас, доктор, подумайте, не спешите! Я готов подождать ответ!».

«Он договорится с Arbeitsamt(ом)! Что за одолжение! Они мне и так платят! – понял я его приём. – Если откажусь от его предложения, то Arbeitsamt будет меня считать, нежелаю-

щим работать и прекратит выплату пособия! Таким образом, я попадаю к нему в полную зависимость и буду вынужден принять все его условия!». Это меня и рассмешило, и возмутило. «Знаете, херр Шнауцер! – ответил я на его предложение не спешить, подождать, и дать ответ через несколько дней. – Мне не надо над вашим предложением долго думать! Извините, но я вам сразу могу твёрдо сказать – нет!». «Нет?!» – разочаровано, даже перепугано, но в то же время зло, донеслось из трубки. Не желая сжигать мосты для его отступления, я сказал: «Мне очень понравилась ваша клиника, и вы произвели «неизгладимое» впечатление! Но на такие условия я не пойду! Я не безнадежный безработный! У меня есть другие хорошие предложения, у меня есть возможность выбора!». «Ну ладно, – вяло произнёс Шнауцер, – извините, до свидания». «До свидания!» – бодро произнёс я, в душе довольный, что сделка не состоялась, и правильно отреагировал.

«Может зря?» – спросила жена. «Нет, он позвонит и предложит прежние условия, иначе у него будет ощущение, что многое потерял!» – успокоил я жену. Ровно через неделю, в воскресенье, раздался звонок. «Это он!» – объявил я жене, прежде чем поднять трубку! Шнауцер говорил ласковым, добрым голосом: «Доктор, извините, если я вас обидел! Но вы сказали, что клиника понравилась, и меня положительно оценили. Вы подумали, наверное, или вас обидело моё предложение – недоверие? Но дело было в другом, в надёжности решения, но я вас понял! И если вы ещё не передумали, то я готов вас принять на работу на прежних условиях!». «Хорошо», – тут же согласился я. Начали с женой подготовку к новому «великому переселению народов» – в пятую по счёту республику Западной Германии на Север. Точно как и в Союзе: «С Украины на Юг в Таджикистан, а затем на Север в Петербург!».

Силке Кокиш подыскала нам квартиру в городке Швайнбург неподалёку от клиники. Приехав в клинику, съездили с Силке Кокиш осмотреть несколько квартир и остановились на одной в центре городка. По пути Силке Кокиш рассказала про плохого главного врача и хорошего Шнауцера. «А вам Петер Шнауцер понравился?» – спросила Силке Кокиш. «Да очень, только мне показалось, что с ним можно в один раз найти и в один раз всё потерять!». «Той, той, той! (Тьфу, тьфу, тьфу)! – испугалась Силке Кокиш. – Буду надеяться, что этого со мной не произойдёт!». Переходя дорогу на обратном пути напротив вокзала, я, почему-то, споткнулся и безобразно растянулся на асфальте, запачкав свой плащ, ладони и даже часть подбородка, но быстро и бодро вскочил на ноги! Отряхивая меня, жена всплакнула, так жалко ей меня стало, не видала меня ещё в таком виде. «Ничего, – успокоил я жену, – я целый, главное, чтобы это не было предзнаменованием падения». «Тьфу, на тебя! – сплюнула жена. – Ну и шутки у тебя!».

Через неделю все вещи были упакованы в ящики. В назначенный день приехала частная фирма перевозки в составе: владелицы фирмы – толстой 50-ти летней немки, одного худого раба – 30-ти летнего немца и четырёх молодых араба – рабочих. Арабы болтливые, как сороки, небрежно обращались с вещами. «Осторожно», – всё время несмело просила их хозяйка конторы. Она знала, видать, что за ними надо присматривать. «С ними трудно, – пояснила хозяйка конторы, – но что поделать: люблю я арабов! Я чувствую себя как-то притянутой к этой нации, и муж был у меня араб!». «Почему был, он что – погиб?!» – «испугавшись», спросил я с надеждой. «Нет, я с ним разошлась. Он – жестокая сволочь, меня избивал и сейчас угрожает убить, но всё равно люблю я их – арабов! Всегда еду в отпуск то в Египет, то в Тунис!». «В Израиле были?» – не удержался я от глупости. «Вы что-о-о-о! – испугалась «хозяйка арабов». – Евреи самый вредный и опасный народ! Я их очень не люблю – они много неприятностей Германии доставили, а сейчас ещё и Германия оказалась виноватой!». «Чтобы это означало? – спросил я жену. – В Зигхайме на переходе попал на украинца! На новое место перевозят арабы! Опять недоброе предзнаменование?». «Да ну, – сказала жена, – всё будет хорошо, хотя честно, мне туда не очень хочется». «Но у нас выбора нет», – сказал я. До 2 часов ночи арабы нас долго, шумно, но без трудового энтузиазма перевозили и перегружали. «Наверное, они устали и голодные, – сказал я жене, – поставь им фрукты, сок апельсиновый и печенье. «Тогда они

есть будут, а не работать!» – решила жена, но выполнила мое «левацкое» – человеческое предложение. Грузчики с энтузиазмом принялись за еду и питьё, и только худой немец продолжал трудиться. «А вы помогайте ему, предложили мне в один голос «любимцы» хозяйки. Я понял, насколько моя жена умнее меня! Превратив после угощений и отдыха мою мебель в дрова, и разбив потолочную лампу на лестничной клетке, перегрузили лом в квартиру в городке Швайнбург, где нам предстояло начинать новый виток жизни – трудовой цикл. Вот только название городка не нравилось!

На следующий день позвонила и пришла Силке Кокиш с цветами, поздравлениями, как мать родная – заботливая, торжественная! «Желаю, чтобы это был ваш последний переезд!» – пожелала она. «Вы, что!» – испугался я. – «А вам что, не надоели переезды?! И я хочу, чтобы вы у нас были постоянно!». «Но для меня, всегда было страшно знать, что есть что-то последнее!». «Ну, хорошо, – согласилась фрау Кокиш, – тогда, предпоследний переезд!». «Это другое дело!» – согласился и я. – «Знаете, теперь главный врач уже спрашивает, когда вы выйдете на работу! Он уже хочет поскорее видеть вас в клинике, тем более что дежурить некому. Приходите в воскресенье, у нас ежегодный праздник в это время – встреча с бывшими пациентами».

«Знаешь, нам здесь жизнь мёдом не покажется!» – уверенно резко сказал я жене. «Почему-у-у!» – испугалась она. – «Очень много негативных примет следующих одна за другой! Я не верю в их случайность!». – «Тогда давай лучше не пойдём сюда!» – предложила жена. «Нет, это место нам послано для испытаний нас на прочность, постараемся выдержать и не сломаться! Но события здесь будут развиваться по принципу игры оркестра в режиме крещендо! Крепись!». «Да с тобой не расслабишься!» – сделала вывод жена.

В воскресенье, сидя за столиком с Петером Шнауцером, его сестрой и главным врачом Зауэром, оживлённо беседовали. Главный врач ел увлечённо, изредка отрываясь от тарелки, и тогда на его губах, и больше в уголках рта были видны остатки еды. Он этого не замечал и продолжал что-то говорить. Затем ко мне подошла «старая девочка» – худенькая пигалица, оказалась Oberärztin (зам. главврача), и застенчиво спросила: «Можно вас на минутку?». «Фрау Пиппер! – укоризненно пожурил её главврач. – Не сейчас!». «Почему же! – возразила она уже нахально. – Именно, лучше сейчас, чтобы не забыть! Извините, доктор, что я вас отрываю от еды». «Ничего, – сказал я, – дежурство ведь тоже важно». «А вы откуда знаете?» – ещё больше застеснялась Пиппер и мы пошли к ней в кабинет. «Очень интересно, очень интересно, так интересно, – повторяла она, – гипноз, акупунктура! С удовольствием посмотрю, как вы это делаете! У нас вот только такая проблема – два дежурства не заняты, можете помочь?». «Конечно», – согласился я. «Вот вам новый план!» – дала она мне список дежурств.

В первый же день, придя на работу, сразу попал на т.н. «супервизион»! Это, когда один из внешних психологов беседует раз в месяц с командой клиники, коллективом, выясняет проблемы, психологическую атмосферу, трудовой климат. «Мы не должны уступать! – нервно требовал молодой врач по фамилии Оттен. – Он, Шнауцер, не имеет права нас унижать, оскорблять!». «Он хам! – поддержала фрау Ганзен – арт-терапевт (специалист по лечению искусством-творчеством). – И его надо поставить на место! В следующий раз я предлагаю всем покинуть рабочие места, когда он придёт и будет нас оскорблять!». «Надо создать Betriebsrat (трудовой совет), тогда мы его поставим на место! – сказал длинный молодой врач по фамилии Кляйн. – У нас всё готово есть договорённость с профсоюзами, в следующую среду они придут, и мы выберем Betriebsrat! Мы не сдадимся, будем отстаивать свои права!». «Правильно!» – шумели остальные 15 человек. «А что думаете вы?» – обратился ко мне супервизор, полный, с большими будёновскими усами, психолог. «С учётом моего советского опыта, а я, именно, оттуда, я недоверчиво отношусь к революциям и восстаниям!» – объяснил я свой скепсис. «А это не восстание! – возразил молодой врач Оттен. – Это отстаивание наших прав, у нас нет другого выхода!». «Это он восстал, а не мы», – поддержал Оттена телесно, и по-другому, ориентированный терапевт херр Хагелюкен.

«Но наш вождь Владимир Ильич Ленин сказал, что с восстанием нельзя шутить, а надо его тщательно подготовить и решительно брать: почту, телеграф, банки, а затем всё остальное!» – обозначил я задачи восставших. «Почему?!» – как всегда в Германии, не поняли собравшиеся! «Это я немного пошутил, – ответил я. – Это, конечно, в переносном смысле имел я в виду».

«Ну вот, у вас теперь есть в команде и эксперт по тоталитаризму!» – не пошутив, подсказал восставшим «потёмкинцам» супервизор. «Шнауцер предупредил, что если мы будем протестовать, он закроет клинику!» – мрачно произнесла оберэрицтин фрау Пиппер. Только главного врача здесь не было.

«Не закроет, – сказал я, – я уже третий раз переезжаю в другое место работы! И когда я переезжаю, то клиника существует не менее двух лет, но и не более! У вас есть ещё два года в запасе!». Все на меня удивлённо и перепугано посмотрели.

Подготовка к «восстанию» шла полным ходом и открыто! А раз открыто, то это уже не восстание, по ленинским правилам восстания, а бунт! В российской истории самый известный бунт, это бунт на броненосце «Потёмкин» из-за плохой еды. Тогда тоже во главе бунта стоял немец по фамилии Шмидт. Немцы, вероятно, больше, чем на бунт не способны! Конечно же, восстание нужно скрыто, и тщательно готовить! Нужны знания психологии правящего класса его уязвимые места, где и наносятся первые удары! Нужна консолидация и солидарность «трудящихся всех стран» или, хотя бы в одной отдельно взятой стране! В данном случае, ничего этого не было! Поводом для этого «бунта» было то, что Шнауцер обидел телесно-ориентированного психотерапевта Хагелюкена, хорошо сложенного, длинного, лет 35-ти, как сказали бы многие немецкие женщины: сладенький мужчина (er ist sehr sьЯ) – говорят они. Когда немецкие женщины говорят: «Мужчина «зюсс» – это признак глубокой любви и уважения, в отличие от мужчины «мачо» – нахального и в половом отношении наглого, которого как раз глубоко любят и уважают русские женщины, называя их ласково «нахалёнок». Но как говорится: «Что русскому хорошо – немцу яд!» Другое дело, что и русские женщины не всегда распознают: кто «сьЯ», а кто «мачо», которого они ищут! И увидев нашего спортсмена, без сомнения, бросились бы его атаковать своими томными взглядами и телодвижениями! Ну и что в результате б они получили?! То, что и получили многие русские женщины, выехав во Францию, например! «Не ходите русские бабы на Запад! Там не живут злые киргизы! Они не злые, как собаки.! Рядом же есть своя Киргизия!». Вот и этот «телесно-ориентированный», красиво сложенный Хагелюкен, оказался гомиком, как мне по секрету и с осуждением, поведала фрау Кокиш. Она мне это сказала ещё и потому, чтобы меня окончательно перетянуть на сторону власти, поддержать власть, а не бунтовщиков, зная, что в Союзе гомиков не любили! Но я их и без того не собирался поддерживать! – «Не хватало мне участвовать ещё в немецких революциях! Что я, Карл Маркс или Фриц Энгельс?! Были бы дореволюционные евреи умные, хотя бы как я, они бы и русскую революцию не поддержали, а тем более – немецкую! Чтобы к власти пришли настоящие патриоты «правильные немцы» и меня лишили работы! Ведь на работу меня и взял как раз, по немецким меркам, «неправильный немец!». Так вот! Шнауцер обидел спортсмена, обругав его за то, что, уходя в отпуск, тот назначил к себе больных для лечения, а сам ушёл! Он создал, таким образом, недовольство и чувство у больных, что он незаменим, что как раз и больше всего не любил Шнауцер, как и любой большой или маленький диктатор! Только Сталин догадался сказать: «У меня нет незаменимых!».

Восставшие спросили у телесно-ориентированного психотерапевта Хагелюкена: «Как ты себя чувствуешь после обиды? Готов ли ты присоединиться к нам!». Они же сражаются за его и свои права! «Конечно, готов», – сказал Хагелюкен не очень, как мне показалось, решительно. В руководстве «бунтовщиков» выделились главные организаторы два врача: один – это Оттен кучерявый 28-ми летний среднего роста блондин, и другой – долговязый, не блондин и не кучерявый, а, наоборот, полупысый с маленькой змеевидной головой, тридцативосьми-

летний доктор Хинц. Их горячо поддерживала сорокалетняя брюнетка фрау Ганзен арт-терапевт, похожая на представительницу из партии «зелёных», которые склонны к революционным действиям, и по-пролетарски готовы всегда соединяться. Они обычно неряшливо одеты, защищают природу, искусство и «бедных» арабов в Саудовской Аравии от богатых евреев. Отдыхать они едут в Египет, Иорданию, Судан, Тунис, в крайнем случае, Индию! Их лучше не спрашивать, почему они не едут в Израиль! Они хорошо знают, по рассказам родителей, что Гитлер был вынужден убивать евреев! А сейчас евреи показали, кто на самом деле фашисты – это евреи, а не немцы! Потому что, как они измываются над бедными палестинскими террористами, лишая их работы по установлению бомб в Израиле, так даже Гитлер не поступал. Они ограничивают право на передвижение террористов по Израилю, и этим тоже затрудняют работу по закладке и приведению в действие бомб! От всего этого палестинцы всё больше впадают в депрессию, скучают и беднеют, а евреи жиреют и не всегда, почему-то, хотят взрываться, и не все разом! Ещё в группе восставших был, как бы сказали в хрущёвские времена: «и примкнувший к ним Шепилов». В этой группе эту роль выполнял жирный, среднего роста с лицом, как картофельный «блин-дерун» – психолог по фамилии Зибенкотен. Похоже было, что и он, как и телесно-ориентированный психотерапевт Хагелюкен, был равнодушен к мужскому полу! Остальные тоже покрикивали, возбуждались, как например: «музыкантша» – музыкальный терапевт тридцатилетняя, долговязая, плоская и тоже с маленькой головкой – «длинная аскарида» фрау Отремба. Одетая она была немного лучше, чем фрау Ганзен, но тоже по мужскому типу. Она почему-то на меня опасно косилась и всё время бросала подозрительные враждебные взгляды. – «Но «танцорка» у Боскугеля тоже не сразу меня зауважала! В жизни не всегда знаешь, кто тебе окажется врагом, а кто другом! Хотя я и видел, что эта, во всяком случае, другом не будет! Но надо быть полным дураком – ехать в Германию за поиском друзей! В Германию ездят за поиском денег! И если кто-то из евреев говорит обратное, смело плюйте ему или ей, если еврейка, в глаза! Хотя моя мама и говорила: «Плюнь курве в очи – скажет, дождь идёт!» – но плюнуть всё же таким не помешает. А моя мама никогда душой не была, как, впрочем, и папа! И поэтому и мне не в кого было дураком уродиться, даже если б очень захотел! Поэтому я сразу и оценил ситуацию, возможности этих «революционеров» и понял, что ниточки этой команды тянет – управляет главный врач! А он как раз самый большой «мой друг» – кислый, тошнучий, «правильный немец»! Только одна – тридцатипятилетняя, бледная, ехидная психолог фрау Мисс оценила моё высказывание о восстании и мой опыт в русском революционном движении и сказала, что её очень впечатлило моё предостережение! Но она всё равно душой на стороне восставших, т.к. её благородство, любовь к справедливости и прочие гадости не позволяют ей бросить в годину испытаний восставший люд! А так, она со мной почти согласна. Я сразу понял, что фрау Мисс будет держаться в тени, но готова в любой момент перейти на сторону любого победителя! Ещё одной, на словах, активной сторонницей восставших была «танцорка» – танц-терапевт, коренастая с мужским черепом, сорокадвухлетняя блондинка фрау Роллике, которая, несмотря на то, что приехала вроде из Ирландии, ничем по языку и повадкам не отличалась от «тутошних». Она тоже кричала: «даёшь Варшаву, долой буржуев, родина или смерть!». Были и другие «брызги помельче», например, медсестра по фамилии Кичке – шестидесятилетняя «знаток» психотерапии, умеющая и умирающих на тот свет сопровождать, и как и медсестра Кнорр из Зигхайма, самой возвращаться. И ещё одна ассистентка – энергичная сорокадвухлетняя фрау Доброх, которая любила очень больных, но только своих, и за них всегда заступалась – также за своих! В этой клинике главный врач организовал как бы маленькую игрушечную университетскую клинику! Он ведь и пришёл из университетской клиники, из которой когда-то был изгнан! Но продолжал дружить с профессорами и в особенности с профессором Домсом, который в своё время его и изгнал из клиники! Домс мне сразу напомнил доктора Поппу из клиники Зигхайма, внешне, по крайней мере, как брат родной! Этот Домс тоже был очень присосавшийся к клинике и даже свою жену к

ней присосал! Та числилась в клинике супервизором, а неучу-недоучке Шнауцеру хотелось из своей клиники создать, именно, маленькую университетскую клинику! Он, не имеющий образования, хотел править образованными: учёными, профессорами, доказывая себе – правильно сделал, что не учился – в деньгах вся сила, а не в науке! А за деньги, учёный мир охотно продаётся и покупается! «Что вы думаете о нашей клинике?» – с гордостью спросил у меня Шнауцер. А я вдруг, как всегда, взял да и ляпнул, что эта клиника у меня вызывает ассоциацию с маленькой, нудной университетской клиникой, чем Шнауцера очень огорчил и он больше ничего у меня не спросил, а я больше ничего и не сказал. И вот вся эта компания из танцоров, музыкантов, рисовальщиков, психологов и нескольких врачей, танцую, припевая, рисуя, стала готовиться к апофеозу восстания – всеобщему собранию коллектива, на которое была приглашена администрация и лично Шнауцер, в присутствии приглашённого профсоюзного функционера местного значения. Задачей собрания было утвердить производственный совет и провозгласить правление этого совета. Выборы, тайным голосованием, предстояло провести в присутствии этого профсоюзного функционера. Сегодня и произошла эта встреча восставших с трудовым коллективом. Собрались с целью объявить задачи и цели производственного совета.

А что же в это время делала противная сторона: Шнауцер, Кокиш и их сторонники? А сторонники были ими назначены! Это была секретарша главного врача – толстая, веснушчатая в роговых очках тридцатилетняя блондинка фрау Пирвоз: с громким на срыве голосом, жирной физиономией, да еще с сексуальным двойным подбородком и, соответственно, на другом конце жирным задом. Она, чувствовалось, всегда знала, что хочет, другое дело, что у нее не было в настоящее время этого – «что хочет»! Подлые, все почему-то бросили её, поэтому Кокиш и поручила ей всю свою неистовую, неиспользованную энергию обрушить на головы восставших. И она с удовольствием приняла предложение администрации возглавить этот совет! На «тайной вечере» – совещании, сторонники Шнауцера решили выдвинуть её кандидатуру на собрании, а в заместители ей подготовили завхоза в синем комбинезоне «а-ля Карлсон» – сухонького в очках 60-ти летнего хорвата Ковачича с беззубым ртом, похожего на Кощея – Кошу. В общем, «буржуи» во главе со Шнауцером, а главное его «правой конечностью» фрау Кокиш сделали правильную ставку на раскол восставших и подсунули своё марионеточное управляемое руководство. Восставшие были полными детьми и невеждами в вопросах манипулирования и управления массами.

Собрание началось бурно, восставшие сели в президиум и, тем самым, противопоставили себя залу – простому люду и администрации, которая села в зале, как простые смертные, заодно с народом. «Революционеры» объявили, что решили образовать производственный совет и его возглавить, на что получили достойный отпор от сторонников Шнауцера! В особенности отпор восставшим был дан восьмидесятилетним участником невеликой и неотечественной войны (с этой стороны), старым херром доктором Розенкранцем, и его молодухой – шестидесятипятилетней женой, крепкой работницей регистратуры, по-стариковски подстриженной, с лошадиным лицом и, хорошо сохранившимися, вставными лошадиными зубами. «А кто вас, собственно, уполномочил?! Кто вас просил это делать?! Почему не посоветовались с коллективом, вот так же, как сейчас! Никого не собрали, всё тайно организовали, а сейчас объявляете себя руководством?!» – резонно спросили «потёмкинцев» старики Розенкранцы. А секретарша Пирвоз тоже правильно добавила: «Я тоже хочу управлять этим советом! Почему вы, а не я?!». «И я хочу!» – вставила, тоже из команды Шнауцера, медсестра Хайстерс. «И он хочет!» – сказал старый херр доктор Розенкранц, указав на завхоза Кощея – Кошу Ковачича. Коша слабо кивнул в знак согласия. Но трудо-терапевт фрау Ганзен тут же обидела старую фрау Розенкранц, сказав, что ей, вообще, следовало не приходить, она давно пенсионерка! Точно так же в Душанбе таджикский врач на собрании поликлиники обидел русскую старуху – врачиху антисемитку, но не за «это», а за разногласие в лечебно-диагностическом подходе,

сказанув на научно-практическом форуме: «Ты уже, старая, своё отоспала – заткнись!» – даже мне стало стыдно за него. И сейчас услышал нечто подобное про возраст! – «Как можно так человека обижать?!» – донеслось из зала. Но крепкая старуха Розенкранц всё же замолчала и после этого как бы обиделась! Зато старый херр д-р Розенкранц – её муж, подхватил «выпавшее знамя боевое» и бросился в атаку на смутьянов! И даже племянник Шнауцера – сорокалетний одноглазый, как циклоп – Ганс Ханс, тоже в синем комбинезоне, как и Ковачич, высказался! Он числился начальником у хорвата, надзирал за ним и вообще за всем, что делается в клинике. И несмотря на один глаз, всё замечал и всё докладывал Шнауцеру – своему дяде! Для этого и приходил один раз в неделю «побдеть»! «Мой дядя очень тяжёлый человек и мне тоже нелегко с ним! Но считаю, что он все свои силы и энергию вложил в эту клинику, и то, что сейчас происходит несправедливо по отношению к дяде!». «Не дядя ль ему глаз выбил? Если даже сейчас обиду вспомнил?!» – пронеслось у меня в голове. Не было на собрании только одного: главного виновника торжества – самого Шнауцера! Очень его любящая, больше сестры родной – Силке Кокиш запретила ему приходиться и нервничать! С его давлением и слабым здоровьем, ещё возьмёт и помрёт от кровоизлияния в мозг или инфаркта! «Если Шнауцер меня не слушает и всё же придёт, то в случае необходимости, будьте готовы тут же провести реанимационные мероприятия, спасти отца клиники не дать ему помереть!» – обратилась ко мне его «правая конечность» – Силке Кокиш в присутствии медсестры Бюльбеккер! Толстая, среднего роста с голосом фельдфебеля и по-фельдфебельски сложенная и подстриженная, что, как оказалось, было неслучайно! Хотя фрау Бюльбеккер и считалась фрау, но имела дома ещё одну фрау – свою жену! Как ярая сторонница власти – Бюльбеккер с этим всем согласилась и обещала мне помочь вывести из клинической смерти Шнауцера. Всё было, подготовлено, осталось ему только умереть! Но они напрасно боялись! Шнауцер не хотел умирать, пусть даже клинически, и не пришёл! Он и сам не рвался в бой! Но собрание шло и без него и подошли вскоре к главному вопросу – выдвижению кандидатур и голосованию! Как и предлагалось администрацией, председателем совета была избрана секретарша Пирвоз, заместителем – длинный врач Хинц от восставшей стороны и ещё два члена: медсестра Хайстерс и хаузмайстер «Кошей-Коша» – Ковачич. Таким образом, Rat (совет) стал, кроме одного Хинца, весь административно – послушным! Через три дня должен был состояться «второй акт драмы» – собрание с участием профсоюзного функционера, чтобы всё это узаконить!

«Ну что, доктор! Мы победили!» – сказал мне весело на следующий день, Шнауцер. «Да, победили», – согласился я. «Мы им покажем ещё больше!» – резко по-большевистски заявила Кокиш. «Моя правая рука!» – улыбнулся Шнауцер, одобрительно похлопав Кокиш по правой половине зада левой рукой, т.к. он сидел за её столом, а она стояла слева от него. «Доктор нас тоже поддержал! – отдала и мне дань Кокиш, кивнув в мою сторону. – Он и на собрании сел с нашей стороны!». «Конечно, он же не главный врач Зауэр, который их поддержал и на голосовании воздержался!» – поддержал ее Шнауцер. «Уууу, ненавижу!» – скривилась Кокиш. – Он разрушает клинику, всё саботирует!». «Ничего, ничего, Силке! – мечтательно, садистски усмехнувшись, произнёс Шнауцер, назвав Кокиш по имени. – Я ничего не забываю!». «Ах, доктор!» – обратился ко мне, с чувством, он. – Сколько я уже сражений выдержал и битв!». «Как и ваш отец, наверное!» – ляпнул я. «Мой отец погиб под Сталинградом», – безразлично, даже весело сказал Шнауцер. Я попытался скорчить сочувственное лицо. «А что мне до отца! – остудил меня Шнауцер, заметив это. – Я его туда не посылал!». «А моя самая любимая личность в истории – это маршал Жуков!» – специально для меня произнесла Кокиш. И я с ней согласился, добавив сюда ещё и израильского премьер-министра Шарона, но этого немцы не услышали, так как это я сказал про себя! «Ах, доктор! – сентиментально, с чувством произнёс Шнауцер. – Эти дураки ничего не понимают и не знают – с кем они имеют дело! Я им мозги компостирую! Я говорю им, что денег нет в клинике и что закрою её! Они верят, они не умеют считать деньги! Конечно, деньги у меня есть! Конечно, клинику я не закрою, она мне слиш-

ком дорога, чтобы её закрыть! Конечно, я их всех вышвырну, но вначале они будут у меня очень тяжело работать – в поте, страшным трудом им будет хлеб их доставаться! А вы берите меньше больных для психотерапии, больше на акупунтуру и гипноз, меньше дежурств, лучше вообще без дежурств! Ну, в крайнем случае, не больше четырёх! Пусть они дежурят! У них у всех в трудовом договоре стоят дежурства, в том числе и у Пиппер, и у главного врача!». «Он меня сегодня попросил подежурить дополнительно, т.к. некому», – признался я. «Ни в коем случае!» – взорвалась Кокиш. «Но мне было неудобно отказать», – вставил я. – «А ему было удобно вас не брать на работу! Вы что забыли?! Не забывайте кто ваш друг, а кто враг! Скажите ему просто прямо: «Не хочу дежурить, сами дежурьте! Так и скажите!». «Ладно, Силке, сделаем вот что, измени ему трудовой договор! Он новый, ему тяжело, он один, а их много! Нужно его вывести из линии огня! В договоре укажи: – Дежурить, как исключение, не больше четырёх раз в месяц! И не более четырёх психотерапевтических больных вести! И чтобы «этим» показать, что в клинике нет денег, напиши приказ об увольнении фрау Люлинг! Она всё равно идёт в декрет и будет работать два раза в неделю, но им скажем, что на гонорар переводим! Она, доктор, единственный кроме вас, наш друг! Она нас во всём поддерживает! Вы её уже знаете, видели? Она наша ведущий врач общего профиля, очень опытная! Вот, такая! – поднял Шнауцер для убедительности большой палец вверх. – Хоть она и из Ямайки, но мать профессор, училась в Англии! Вот, такая!» – поднял ещё раз Шнауцер большой палец вверх, как будто бы хваля хорошую закуску – маринованные помидорчики! – «Правда, Силке?!». «Да», – нехотя буркнула Силке. – «Нет, нет Силке, она хорошая!». «Её ассистент фрау Сан-дер подала заявление об уходе! – показала Силке, какая эта грациозная “шоколадная” красавица Люлинг хорошая! И добавила: – Не может с ней дальше работать, она её третирует!». «Нет, Силке, Сандер скорее всего из-за “этих” уходит! Ладно, я с ней поговорю! А сейчас, Силке, позови мне Оттена! Посидите тоже здесь, доктор! Послушайте, как я с ним разговариваю! Мне доставляет это истинное наслаждение! Приведи, Силке, нам Оттена!».

«Как дела?!» – спросил Шнауцер Оттена, как только того ввела Силке. «У меня хорошо, – ухмыльнулся Оттен, – а у вас?». «У меня всегда хорошо!» – зло ответил Шнауцер, Оттену. Оттен стоял у двери, Шнауцер не указал ему на стул. «Сколько у вас больных?» – как бы заинтересовался у него Шнауцер. – «Сейчас девять». «Курорт! – ухмыльнулся Шнауцер. – Но, ничего! Будет их больше у вас, значительно больше!». «Если будет, то будет!» – огрызнулся Оттен. «А что не хватает больных? Тогда часов надо всем урезать! Вы что не в состоянии больше вести больных?!». – «Нет, почему же». – «Так в чём же дело?! Главный врач не даёт, вас жалеет или вы перегружены?». «Нет, я даже несколько недогружен», – согласился Оттен. «Хорошо, я поговорю с главным врачом!» – успокоил его Шнауцер. «А для чего вы меня сейчас позвали?» – спросил Оттен. «Чтобы на тебя посмотреть! Это мне доставляет удовольствие тебя видеть, пока ты здесь!». «А я и буду здесь!» – заверил его Оттен. «Вот этого, я тебе не обещаю! Этого не будет!» – заверил его, в свою очередь, Шнауцер! «Вы не имеете права! – взволновано отреагировал Оттен. – У нас сейчас Betriebsrat (трудовой совет), он будет сейчас всё решать!». «И его не будет, и тебя не будет!» – зло засмеялся Шнауцер. – «Это моя клиника, мои деньги! Я в любое время могу ее закрыть! И такое говно, как ты, я терпеть у себя не буду!». «Вы не имеете права меня оскорблять!» – крикнул весь красный Оттен. «Заткнись! – ухмыльнулся криво Шнауцер. – Кто тебя, говно, оскорбляет? Кто это слышит? Пошёл вон, говно!». Оттен выскочил из кабинета. Шнауцер потянулся в кресле и, напряжённо засмеявшись, сказал: «Это я доктор делаю только потому, что мне доставляет удовольствие, и я абсолютно не нервничаю! Мне доставляет удовольствие смотреть, как его перекосило! Вы видели, как у него руки тряслись?! О, доктор! Они ещё не представляют, что я с ними сделаю! А, Силке, что скажешь!». «Я это знаю, Петер!» – засмеялась Силке. «Заходите, доктор, к ней, когда проблемы! Я не всегда здесь, но она всегда здесь, и я поэтому спокоен! Силке, а сейчас позови Сандер! Кто её обидел?!».

Собрание с участием профсоюзного функционера, как я и ожидал, прошло менее бурно, но в том же составе. Хотя восставшие ещё крепились, но не они уже руководили своим Rat(ом) (советом). Профсоюзному деятелю оставалось только объяснить всем великое значение совета для народа и что профсоюзы, в его лице, поддерживают это великое событие – создание в клинике Rat(a), и как только, так сразу профсоюз всегда придёт на помощь Совету! А администрация должна приветствовать, что Совет будет отстаивать права трудящихся! И это только хорошо! «А если мы, вообще, этот совет не хотим?!» – обронила реплику Розенкранц, «молодая» жена старого херра Розенкранца. Это несколько озадачило профсоюзного деятеля, но вскоре он нашёлся и сказал: «Как не хотите, если вы сами выбрали себе членов совета!». «А что, если мы захотим ликвидировать этот Совет, что надо для этого сделать?» – снахальничал – старый нахал Розенкранц. «Это возможно, если члены Совета самораспустятся», – нехотя пояснил функционер. «Или исчезнут», – шепнула мне на ухо Силке Кокиш. «Но, – предупредил профсоюзный функционер, – любые три других сотрудника имеют право опять потребовать создание Совета!» – таким образом, он заключил, что дела у администрации по ликвидации Совета бесперспективны. Всегда найдётся тройка бунтовщиков, которые это сделают. «Первым уйдёт Оттен, – понял я, – он самый шумный и задиристый! И главный врач, так или иначе, обречён! Он не отмежевался от восставших и на конференциях отпускает ехидные замечания в адрес Шнауцера и Кокиш. Шнауцер ошибся, что он слабый и им управляет коллектив, напротив, он манипулирует коллективом и направляет его против Шнауцера!». Это стало ясно из его поведения. Количество больных у меня стало расти, а также дежурств! Я был для главного врача ставленником Шнауцера. «Нет, вы только на полставки психотерапевт и на полставки иглотерапевт и еще гипноз проводите! Пусть больше Оттена своего нагружает! И дежурств у вас не должно быть больше четырёх в месяц!» – решил Шнауцер. У Оттена тоже резко возросло количество больных, а так же у Хинца, но больше у Отте-на. Он уже вертелся, как юла и оставался после работы дорабатывать. «Что вы делаете? – спросил его как-то Шнауцер, видя, что Оттен сидит днём в сестринской и беседует с медсестрой. – Почему не с больными? Что вам делать нечего, вы недостаточно нагружены? Марш, работать с больными! Безобразия! Где главный врач?! Пусть ко мне придёт!». И через несколько минут Зауэр поковылял в общий кабинет Кокиш и Шнауцера.

На следующее утро по указанию Шнауцера я подарил Оттену всех своих больных. «Вы будете заниматься сейчас исключительно акупунктурой и гипнозом! – сообщил мне довольный Шнауцер. – Создавайте центр по акупунктуре! Больные вами довольны, это приносит клинике деньги и известность! Силке, займись рекламой! Пусть газеты напишут о создании у нас центра по акупунктуре, такого, как доктор в Зигхайме вёл! Хочу такой иметь и у нас!».

В отличие от клиники Боскугеля, где каждый больной считался им борделайном (Borderline), по-простому – психопатом! В этой клинике, каждый больной главным врачом определялся, как перенесший психотравму! Это всегда можно приписать кому угодно! Например: Отец напугал ребёнка, когда тот мочился, вот тебе и психотравма! На работе шеф как Шнауцер, например, вот тебе и психотравма! В детстве дядя – католический священник, сексуально приставал к ребёнку и т.д. А т.к. главный врач специализировался по психотравме, то почти все больные были с диагнозом: «посттравматические психические нарушения». Если б он был гинеколог, то, конечно, у всех мужчин находил бы, если не беременность, то воспаление матки и придатков. К тому же, он научился у американской еврейки Шапиро, не у неё самой, конечно, а у других, кто по её книгам или у неё учился, т.н. EMDR. Эта американская еврейка – Шапиро, шла себе, как-то раз, на работу через парк и вспоминала волнующее событие! А когда дошла до работы, успокоилась! Любой бы на её месте подумал: это из-за того, что прогулка по парку успокоила! Но Шапиро на то и была еврейкой и поэтому решила: «Это потому, что, думая о событии, мои глаза при этом бегали справа налево и наоборот! Это меня и успокоило!». И стала еврейка Шапиро с тех пор требовать, чтобы больные, вспоминая непри-

ятные вещи, глазами двигали – за её пальцем следили! И страхи покидали больных! Что и как получалось у еврейки – я не знаю, зато ежедневно получал больных после таких сеансов от главного врача Зауэра и его команды: психолога фрау Мисс, например. Этих больных стало трудно и в гипнозе успокоить! У них, действительно, бегали глаза от страха и не только глаза! Больной Вайнер с приступами страха, после пяти сеансов гипноза успокоился, страхи исчезли! Он радовался, и я тоже! «Надо подключить обязательно EMDR с завтрашнего дня! – решил главный врач Зауэр. – Больной должен травму проработать, иначе она будет его всю жизнь мучить! Мне удалось у херра Вайнера выяснить, что у него была злая доминантная мать! – доложил главный врач на конференции. – А EMDR единственный эффективный метод, кроме беседы и групповой психотерапии!». О гипнозе главный врач Зауэр молчал, этого метода для него не существовало! Он им не владел. Мои ежедневные доклады, что происходит с больными во время гипноза, делали его ещё кислее.

«Доктор, спасите! У меня сердце колотится, задыхаюсь точь-в-точь как тогда, когда тонул в детстве! Я только что от Зауэра, он мне сеанс EMDR сделал!» – прибежал больной Вайнер. – «У вас завтра сеанс гипноза!» – приходите, помогу. «Сделайте сегодня, доктор, а то я до завтра умру! Теперь хорошо, как и до EMDR! – сообщил больной после гипноза. – Что делать, доктор? Я не хочу больше на EMDR! Зауэр меня погубит! Я чувствую – с этим EMDR он меня погубит!». «Я не имею права вас освободить от EMDR! Только ваш терапевт – главный врач это может! Но вы взрослый человек и вы вправе сами отказаться от любого метода лечения! Никто не вправе вас заставлять!» – осторожно подсказал я больному пути выхода из ситуации. «Хорошо, спасибо доктор, я так и сделаю!» – заверил меня благодарный больной. «Больному после сеанса EMDR стало заметно лучше! – отметил на утренней конференции Зауэр. – Я ему планирую 10–15 сеансов! Сегодня проработаю с ним взаимоотношения с матерью! Пусть вступит с ней в конфронтацию, его надо развить!».

Собрался я пойти обедать, сегодня дежурство! Как чёртик опять передо мной больной Вайнер, который не утонул в своё время! На этот раз он вбежал с приступом паники и выглядел, как Гришка Распутин после пирожных, начиненных цианистым калием! А князь Юсупов по нёму из пистолета еще пальнул! Сходство с Гришкой Распутиным усиливали его усы, высокий рост и выпученные от страха глаза! Мне самому стало страшно! «Доктор, он меня убивает! – вопил двухметровый больной. – Он в этот раз меня заставил мою маму, детство вспомнить и как она издевалась, доктор! Я её ненавижу! Хотя она и сдохла, но как я её ненавижу, доктор! И я должен был всё это говно вспоминать и при этом ещё глазами вращать! Послушайте моё сердце, доктор, оно разрывается, сделайте что-нибудь!». Пришлось больного вновь, внеочередной раз, погрузить в гипноз, и предложить ему в гипнозе увидеть мать! Всё ей высказать! И мать попросит у него прощения, а он у неё, и они помирятся! После сеанса больной был глубоко расслаблен, успокоился. «Доктор, огромное вам спасибо, вы меня спасли! – благодарно смотрел больной. – Что мне делать, доктор, посоветуйте?». «Я вам уже советовал, – сказал я больному, – больше я ничего не могу сделать для вас!». «Доктор, я не могу отказаться, он на меня разозлится! Что мне делать, доктор?!» – как ребенок причитал Вайнер. «Делайте то, что и сейчас!» – не выдержал я. – «А что, доктор?». – «Ходите на эти сеансы и приходите ко мне». – «Хорошо, доктор, а вы меня будете спасать после этих сеансов? Да?». «Да, конечно, буду! – успокоил я больного, а про себя подумал: – Я буду тебя спасать, а он будет тебя регулярно топить! И в конце лечения посмотрим, кто победит – я или он! Если он, то тебе и домой не надо будет возвращаться!».

Главный врач всё же заинтересовался гипнозом! От больных наслышался, как это хорошо помогает! «Можете ли вы на следующей конференции нам доложить про гипноз?» – спросила меня его заместитель Пиппер. «Могу», – согласился я. Каждый вторник кто-то что-то докладывал! Что-то научное или менее научное! В России они так и назывались: научно-практические конференции. А в Германии: «Fortbildung (конференции для повышения образования),

что по-русски звучит как «ликбез». Собрались все врачи, медсёстры и терапевты, я хотел уже приступить к докладу, когда фрау Пиппер попросила: «Подождём главного врача, он сейчас придёт! Он попросил его подождать, очень хочет послушать!». «Заинтересовался! – понял я. – А вот и он!» – и меня понесло. После краткой истории гипноза и его методов, техники гипноза! Я объяснил, что мы врачи все им занимаемся, но чаще неосознанно! А зря боимся, лучше осознанно применять гипноз! Если у больного спрашиваем, что у вас болит, а больной отвечает «ничего», но мы настаиваем: – И голова не болит, и живот не болит?! – то больной это так понимает, что с его болезнью это должно у него быть! И голова, и живот начинают болеть! А если врач ещё говорит при этом: – Что вы хотите! Радуйтесь, что вы вообще ещё живёте! И пока живёте, то будет болеть! – То больной уже боится, чтобы боли исчезли! Так как по определению врача: – Он будет жить до тех пор, пока болит! Так давайте же, проводить суггестивный гипноз осознанно!» – заключил я, и все остались довольны. Затем я взял, приготовленные мною, два чистых стакана с остатками жидкостей и демонстративно жидкость выплеснул на пол из стаканов. «А сейчас я проверю у всех уровень обоняния, что зависит от уровня развития определённых центров мозга, врождённых способностей! Прошу определить, в каком стакане был спирт, а в каком бензин!» – предложил я присутствующим. Понюхав стаканы, у психолога фрау Мисс мозги оказались недоразвитыми, и она не смогла различить, где что было! У заместителя главврача фрау Пиппер мозги оказались более развитыми, и она определила стакан со спиртом, но не смогла с бензином! А вот у главного врача, как и положено главному, мозги оказались самыми развитыми! И он определил стакан, как с бензином, так и со спиртом! А затем очень обиделся, когда я сообщил, что это было только мое внушение, т.к. оба стакана абсолютно чистые! Узнав от кого-то о результатах моего доклада, Шнауцер остался очень доволен.

«Но на вашем месте, я бы все же не стал унижать главного врача!» – сказал весело Шнауцер. При этом, его физиономия стала точно такой же, как и у моей учительницы в третьем классе, когда она – антисемитка, притворно пожурила жида – Абрашу за то, что он жида – Гришу обидел. «Абраша, ну зачем ты назвал жида Гришу – жидом! Не надо, Абраша, не надо! Ха, ха, ха, ну не надо, Абраша! Хи, хи, хи, ха, хи, хи!» – сказала учительница. «Когда жид жида бьет, то у хохлов не только чубы трясутся, но и пупы от смеха рвутся!» – ещё тогда в детстве понял я.

Глава 2

Мина под фаворитку

Ведущий врач фрау Люлинг носила фамилию своего мужа-немца! А какая была её девичья? Возможно, Санчес или Куба-нос, или Франческо, или Латиникус – кто знает?! Получёрная или полубелая кожа, изящная, тонкая, но вся в белом: штаны белые, кофточка белая, халат белый! Брюнетка с томными чёрными глазами, которые кого-то звали, привлекали, пока один немец не откликнулся, причём не бедный немец! Люлинг была к тому же очень театральной, даже немного истеричной, громкий гортанный на срыве голос с заметным акцентом! Скорее всего Люлинг была метиской с индейской, испанской и негритянской кровью. Её предки, вероятно, не один скальп содрали, пока профессорами не стали! А став профессорами хирургами, получили возможность сдирать скальпы уже на законных – научных основаниях! Вот и фрау Люлинг занялась общей медициной и тоже стала у больных кровь и другие жидкости отсасывать, ткани отрывать и их прокалывать! А значит, не изменила семейному промыслу. Оторвать у человека орган, или хотя бы его часть, не менее приятно, чем скальп и Люлинг «сдирала шкуру и высасывала кровь» не только у пациентов, но и у своих ассистентов! Не одного ассистента уже «ошкурила» эта хрупкая, изящная женщина. Вот и сейчас она «обесшкурила» свою ассистентку – врача Сандер, молодую двадцативосьмилетнюю, хрупкую, добрую Сандер, которая безропотно вела до 15 больных и ни от чего не отказывалась – ни от какой работы. Она первая, кто мне всё объяснил: порядки, дала все бланки и всё это без моей просьбы, по зову своей души. А Люлинг взяла и «обесшкурила» её – Сандер уволилась, а это значит после года работы, потеряла право сдать на специалиста по общей медицины (Facharzt für Allgemeinmedizin). Для этого ей надо было отработать два года под руководством «шкурницы» – Люлинг. Вероятно, Сандер не захотела лишиться всей шкуры и ушла, унеся с собой уцелевшие её остатки! Люлинг имела еще одну некрасивую привычку: отменять лекарства, которые назначали другие врачи и назначать свои! Хотя ничего не смыслила в психотерапии и психиатрии. Она сражалась со всеми, кроме Шнауцера и его «правой конечностью» – Кокиш! И за это, и ещё кое за что, Шнауцер её любил! Она вполне могла стать его «левой конечностью»! Именно за это её и не любила «правая конечность» – Кокиш Силке! Вот такая была динамика между сексуальным и асексуальным в клинике! Сандер ушла, и было интересно, кто тот очередной, который подставит свою шкуру Люлинг?!

После моего интервью местной прессе, появились больные, желающие амбулаторно лечиться акупунктурой и гипнозом. Результаты были хорошими по сравнению с местными врачами, которые делали деньги на этом поприще. Слухи об иглоукалывании и гипнозе в клинике, расплзлись! Увеличилось количество больных. Государственные страховки за иглоукалывание не платят или платят только часть своим врачам, с которыми у них договор, т.е. «Кто у нас работает, тот и ест!». Нужно мне, в первую очередь, запастись нормальным удостоверением об образовании, решили мы с женой! В моем советском удостоверении, на тонкой туалетной бумажке, было указано: «Прошёл усовершенствование по иглорефлексотерапии» – «с такого-то – по такое-то», – без указания количества часов и то, что экзамены сдал на «отлично». Типично русско-советская «скромность» – что-либо хорошее людям сделать! А затем удивляются, что советско-русские дипломы в мире не признают, специалистов не уважают и всю страну в целом! Вот я и решил исправить имидж Родины! Написал на кафедре, где учился, приложил статьи в немецкой прессе, где меня хвалили и в моём лице советскую школу! «Пусть порадуется Матушка Русь своими нерусскими детьми!» – решил я, и застыл в тревожном ожидании. – А что произойдёт?! Может орден Почёта или хотя бы Дружбы народов пришлют, или, ещё лучше, оба одновременно?! Глядишь, кавалером стану! Но Русь упорно молчала! Молчала она месяц, промолчала два, промолчала до трёх месяцев! Тогда я позвонил на Родину – «пошёл

к горе», но не как Магомед! Возможно, это меня и погубило? С большим трудом и через секретаршу проректора дошёл до зав. кафедры иглотерапии! Конечно, через 20 лет, это был уже другой заведующий! – «Да, да, ваше письмо читал, но ещё не ответил!». «Да, это я знаю», – согласился я. – «Что вы хотите?». – «Я хочу удостоверение, в котором отразилось бы количество часов подготовки и сдача экзамена! И неплохо бы указать, что я имею право после этой специализации работать по иглотерапии, как и было в Союзе!». «Хорошо, – согласился профессор, зав.кафедрой, – только вам следует обратиться к проректору по связи с зарубежными странами, которому я передал ваше письмо». «Здравствуйте, моя фамилия вам уже известна, – начал я осторожно, как и положено в России, – зав. кафедрой передал вам моё письмо». – «Ах да, точно! Есть ваше письмо, читал! Чудное какое-то имя у вас! Кстати, у вас очки точно такие, как и у меня! В них вы в газете с китайцем». – «Да вы что! Может быть!». – «Вот интересно, такие же очки! А какая у вас машина, небось, Мерседес? Нет?! Всего лишь Тойота?! А у меня Мерседес! Правда, не последней марки, но Мерседес! Хотя я уверен, ваша зарплата несравненно больше моей! Вы даже себе не представляете, какую смехотворную мелочь получаю я – проректор!». – «Кстати, я готов заплатить! Ведь я понимаю, что выдача удостоверения связана с большими затратами и пересылкой!» – с готовностью улучшить финансовое положение проректора, тут же откликнулся я. – «Эх, извините, что я вас по имени так зову!». – «Ничего, ничего, это не вы виноваты! Это мои родители виноваты!». – «Да? Ну всё равно ещё раз извините! Во-первых, вам дико повезло, что меня застали! Я собирался уже уходить! Во-вторых, скажу честно, я ваше письмо мог просто – вот так взять и выбросить! И никто бы мне ничего не сказал и не доказал! Я сказал бы: – Не получил!». – «Да, я понимаю! Большое спасибо, что не сделали этого!». «А в-третьих, вы не представляете себе! Вот вы говорите: – Пришлю деньги! – А что мне с этого достанется! Здесь у нас налоги на валюту такие, что нет смысла – останутся копейки и то в рублях!». – «Так может, я вам как-то с кем-то передам? Или, когда вы в Германии будете...?». – «Ну ладно, как вас там по фамилии? Извините, когда-нибудь сочтёмся! Так что вы хотите? Хорошо, про экзамены укажу! Часов больше, чем есть, не могу указать! Что имеете право работать, не могу – это у нас сейчас лицензией называется! И получает её только тот, кто сейчас проучился, а вы давно учились!». – «Но я уже 22 года работаю! И из них 10 лет в Германии!». – «Не могу, не могу!». – «Дайте хоть корочки приличные!». – «Да нет у нас корочек для вас! Сейчас это удостоверение – дипломом называется, и выдаются дипломы!». – «Так дайте диплом, это ещё лучше!». – «Но это сейчас! А когда вы, извините, забыл, как вас зовут, учились, дипломом оно не называлось!». – «Ну хорошо, «подайте» что можете», – согласился я, и подумал: – Как хорошо, что у этого говна нет валютного счёта!».

«Всё, доктор! Хинц согласился уйти! – объявила мне радостно Кокиш. – Я ему предложила деньги за 2 месяца, и он обрадовался и уволился! Хорошо, что Шнауцер в отпуске, он бы не согласился! А я считаю, что лучше заплатить и его не видеть! А как вы думаете?». «Готова на самое высокое благородство, ради самой низкой подлости!» – подумал я. «Вот, Schwein (свинья)! – пожаловалась мне на свинью – Шнауцера через неделю у неё в кабинете, плачущая Кокиш. – Он меня обругал, только за то, что я деньги выплатила Хинцу! А ведь я это сделала, чтобы он не нервничал из-за них! Ему нельзя нервничать! Неблагодарная свинья! Сколько раз я уже хотела уйти отсюда, но что-то меня здесь держит! С другой стороны, я почему-то эту свинью уважаю!». «Да, есть за что, очень сердечный и добрый», – согласился я. «Нет, он очень злой бывает и, как говорят мой отец и муж, непредсказуемый! Он собственник и меня своей собственностью считает. Из-за него у меня и с мужем не ладится, мой муж настаивает, чтобы я ушла отсюда! А я не могу, не в силах! И потом, какое право мой муж имеет мной командовать, что я его собственность! Каждый развивается по-своему, идёт своей дорогой, так я понимаю семейные отношения, никто друг другу не мешает! Но сейчас у меня, действительно, желание уйти! Шнауцер большая свинья не только по отношению ко мне! Я о нём, о свинье, столько всего знаю, что если уйду, то и ему хорошо не будет!» – излила свою любвеобильную душу

Кокиш. «Самые большие враги – бывшие друзья!» – подумал я. «Но он на самом деле бедная свинья, и больше всего я его жалею из-за его сестры – этой змеи, которая и меня ненавидит и знает, как я её ненавижу! У них у обоих общие деньги, так что он от неё зависит! Она тоже много о нём знает! Вы же её видели на встрече с пациентами?!». «Да, видел», – вспомнил я, действительно, неприятную, как у Бабы-Яги физиономию, костлявую с выпученными, как у жабы глазами, и ещё в придачу большой бородавкой на щеке. «Его племянника я тоже не люблю!» – продолжала Кокиш изливать душу. – Он на стороне своей мамы и здесь шпионит! А вот с его племянницей у меня хорошие отношения! Мой муж работает с ней и тоже её хвалит, доволен ею!». «Перекрестное осеменение! Покрыл Шнауцер всю семью, но и его род тоже пострадал!» – промелькнуло у меня. Как раз в это время, «роса на глазах» у Кокиш высохла, и она успокоилась. «А ассистентка Сандер уходит или остаётся?» – улучив паузу в её горестном повествовании, поинтересовался я. «Нет, она уходит, с Люлинг никто не может работать!». «Жалко, – отметил я, – она много больных вела». «Ничего, зато сейчас придётся больных и главному врачу вести, и немало! Я очень постараюсь! Он меня считает за секретаршу и не понимает, дурак, что от меня всё зависит! Но я его заставлю себя уважать! Всё равно я всё решаю, а кто попытается меня посорить со Шнауцером, развести, я того уничтожу!». «А Пиппер ничего?» – поинтересовался я. «С ней у меня были очень хорошие отношения, но с недавнего времени она даже ко мне в кабинет не заходит, как бы дистанцировалась от меня – главный врач ею руководит! Но ничего, мы всех этих наглых уберём из клиники, и тогда надеюсь, наконец, спокойствие здесь воцарится! С тех пор, как я здесь работаю, и одновременно со Шнауцером начала, это вот уже пять лет, ни одного дня у нас покоя не было – только войны, сражения! Но я люблю сражаться! Мои родители это тоже всю жизнь делали! И у моего мужа родня тоже непростая! Но для меня у него нет времени, а сейчас и у меня для него! А вот и Шнауцер приехал!» – кивнула она на проехавшую мимо окна машину. «Пойду работать», – заторопился я. «Хорошо, хорошо, идите, спасибо за советы и поддержку!».

«А, доктор! – приветливо поздоровался, появившийся в дверях Шнауцер. – Как дела? Мне надо с вами посоветоваться! Силке, принеси кофе! Как вы оцениваете ситуацию, и как избавиться от Оттена и этого Совета? Эта зараза мне не даёт покоя, ведь эти профсоюзы будут нос совать во все дела, в том числе и финансовые! Как вы думаете? Мне доложили, что он – Оттен наркотики принимает, а я думаю, что он ещё и сумасшедший, видели, как у него руки трясутся! А что, если его на психиатрическую экспертизу направить! А ну-ка, позвоню нашему юристу: «Здравствуй, Адольф! Рад тебя слышать! Слушай, Адольф, есть у меня здесь один! Помнишь, я тебе рассказывал – один врач? У меня подозрения, что он ненормальный, и в таком случае он не имеет права проводить психотерапию! Можем мы его на психиатрическую экспертизу направить? Да, да! Нет?! Почему?! Незаконно! Ну, как же, а что можно?! Да! Нет?! Ну ладно, спасибо, я тебе позже позвоню, придумай что-нибудь! Говно он! – бросил Шнауцер, положив трубку. – Трус! У него всё нельзя! Зачем я только ему деньги плачу! Силке, знаешь, что я придумал! – объявил ей Шнауцер, когда она на подносе кофе принесла. – Будете, доктор? Вам с молоком или без? Так вот, Силке! Если главный врач это всё затеял, пусть он и расхлёбывает и убирает это говно – Оттена и всех остальных, если сам хочет работать! Или я его самого уберу! А, Силке, как идея?!». «Его надо, так или иначе, убрать!» – бросила Силке. – «Да, Силке, но раньше их – его руками! А, доктор, как идея?! Силке, подготовь-ка приказ о том, что главный врач больше не является экономическим директором фирмы, и я это тут же сейчас, объявлю на собрании! Силке, собери-ка всех, нанесём ему первый удар и посмотрим, как он будет выглядеть при этом!».

«Друзья и коллеги! – начал торжественно и взволнованно, напряжённым голосом – Шнауцер. – Друзья, я вас всех собрал здесь, чтобы сказать, я вас всех глубоко уважаю и ценю и очень рад, что вы решили мне помочь – организовать этот Совет, который, я уверен, поможет мне решить многие проблемы!». При этих словах, все удивлённо переглянулись, а Оттен

заулыбался, как бы говоря: «Ну, я вам говорил, что всё будет хорошо, и мы победим!». «Да, да, доктор Оттен! – заметил это Шнауцер. – Я глубоко рад, что всё это произошло и буду рад, если вы мне и нам всем поможете! Но хочу предупредить – Совета мало! Главное нам всем надо работать! На нас ложится теперь еще большая ответственность за нашу клинику! Надо тяжело работать, трудиться теперь в несколько раз больше и трудом своим доказать преданность общему делу! Если мы хотим вытянуть клинику, а положение, должен сказать, у нас критическое, денег, прямо вам скажу, нет и клиника на грани банкротства, закрытия! Да, скажу вам честно! Сегодня моя сестра мне сказала: – Хватит, больше мы не имеем права швырять деньги на ветер! Мы не должны на старости лет остаться нищими и швырять деньгами на игры неблагодарных работников – паразитов! Они будут говно творить, бездельничать, и на наши деньги заниматься безобразиями! – Друзья, я тяжело эти деньги заработал: потом, кровью, здоровьем, и не хочу нищим умереть! Давайте вместе спасать клинику – наш дом, наш хлеб, наше рабочее место! Давайте работать, тяжело и много работать! И вот мой первый шаг по оздоровлению клиники её финансового бремени! Друзья, с сегодняшнего дня я вам всем объявляю, что главный врач, доктор Зауэр, больше не является экономическим директором! Я его сместил, дорогие друзья!». Все посмотрели на «смещённого», а он весь кисло сморщился, как будто проглотил горькую пилюлю и загрыз её при этом ещё и лимоном. «За что! – выкрикнул Оттен. – Он-то здесь причём?! И вы не имеете права теперь без Совета! У нас теперь есть Совет, который решает все вопросы по увольнению!». «Нет, доктор Оттен, пока я свои деньги вкладываю – я всё решаю! Я могу и, скорее всего, вообще закрою клинику! А ты, Оттен, работай тяжело, если хочешь, чтобы клиника не закрылась, иначе я такое говно, как ты, терпеть не буду! Я знаю, и вот сейчас и Ковачич подтвердит! Ты ему сказал, что клинику разрушишь!». – «Я не говорил, вы врётё!». «А, Ковачич?!» – обратился Шнауцер к сидящему в первом ряду в синем комбинезоне, со шлейками на плечах, как у Карлсона на крыше, только тощому, Ковачичу. Ковачич насупился и молчал: «Говори, говори, не бойся!» – подбадривал его Шнауцер. «Ничего он не говорил», – выдал из себя Ковачич и выскочил из зала. «Ладно, я сам всё знаю!» – заорал Шнауцер, весь покраснев от злости. «А вы не имеете права кричать!» – крикнул Оттен. «Это ты не кричи, – напряжённо, зло улыбнулся Шнауцер, – я совершенно спокоен и не кричу. Ты не кричи, говно! Друзья желаю вам всем успеха, судьба клиника в ваших руках».

«Он не имеет права», – уже слабо возмущался Оттен, когда Шнауцер и Кокиш покинули зал. «Конечно, не имеет права, – тоже слабо согласилась арт-терапевт фрау Ганзен, – и ещё нас оскорблять при этом. Я предлагаю всем в следующий раз, когда он придёт или нас соберёт, всем встать и выйти в знак протеста, не дадим себя унижать. А как все считают? Только всем надо встать и уйти, если кто-то останется, то ничего не получится, согласны?» – поставила Ганзен вопрос перед залом. «Согласны», – вяло произнесла танцовщица Роллике. «Согласна», – ещё слабее произнесла музыкантша Отремба. В знак слабого согласия кивнула головой также психолог фрау Мисс, посмотрев на меня. На утренней конференции все возмущались поведением Шнауцера и Кокиш, и больше всех Оттен, который сказал «кислому» главному врачу Зауэру, что ему жаль, что он его втянул в это дело, но благодарен, что тот на стороне восставших и это благородно. И главный врач Зауэр, кисло улыбувшись, сказал, что это «харизматическое» выступление Шнауцера его не удивило, он это ожидал. «Сегодня же, соберём на заседание Betriebsrat!» – горячился Оттен.

«Всем собраться в конференц-зале! – вошла и объявила секретарша Пирвоз. – Только что пришла с важным сообщением фрау Пиппер!». «Я обязана всем сообщить, – начала траурным голосом зам. главврача Пиппер, – около часу ночи меня разбудил телефонный звонок Шнауцера. Он меня поднял ночью с постели и велел всем передать: он закроет клинику, если мы не распустим Rat (Совет) Это его ультиматум!». «Не ищи наказания – оно тебя само найдёт!» – подумал я. «А, нет, не имеет права! – воскликнул радостно Оттен. – Вот, это и хорошо! Это то, чего мы добивались, пусть только попробует! Сейчас решает всё Совет! Не надо подда-

ваться на провокацию! Сейчас только начинается борьба!». «Скажу всем прямо, – продолжала Пиппер, выдержав паузу ради Оттена, – мне очень дорого моё рабочее место! Я хочу работать! И он, Оттен, больше всего вас имел в виду! Если вы не уйдёте, он клинику закроет, а мне моё рабочее место дорого, мне некуда уйти!». Все посмотрели на притихшего Оттена. «Зайдите ко мне», – ласково после собрания попросил его главврач Зауэр.

– «Оттен уволился», – раздалось на следующий день на утренней конференции, и все посмотрели на оставшуюся арт-терапевта фрау Ганзен, как на ещё слегка живую, но в стадии клинической смерти покойницу. Та молчала, тогда не выдержал я: «Чего я не пойму, так это то, как можно было так шуметь и в один момент разбежаться!». «А если для людей невыносимо стало!» – разъярила Ганзен. «Тогда не надо было начинать! – отрезал я. – А где Оттен?» – спросил я. «Он больше не придёт. Вчера, после просьбы главного врача, он сразу и вещи свои забрал», – горестно произнесла Ганзен.

«Ну что, доктор, я вам говорил! – встретил в вестибюле меня, радостно улыбающийся, Шнауцер. – Зайдите ко мне! Силке, приведи-ка мне секретаршу! Она теперь, как председатель Совета, имеет право его распустить! А нам с доктором, кофе принеси! Пейте, доктор, вот вам и со сливками, вот вам и с сахаром – берите!».

«Ну, как дела в твоём профсоюзе?» – спросил весело Шнауцер у Пирвоз. «Соответственно обстоятельствам», – уклончиво промямлила Пирвоз. «Ну что, давай, ты председатель, нет уже двух у тебя членов, а завтра и Ганзен уйдёт! Распускай свой Совет!» – сказал ей, смеясь, Шнауцер, не предлагая сесть. Пирвоз стояла у двери. «Нет, это сейчас невозможно», – произнесла тихо Пирвоз. «Как, невозможно?!» – возмутился Шнауцер её наглости. «Так ведь это неплохое и нужное дело», – вновь промямлила Пирвоз. «Что! – заорал Шнауцер. – Ты что несёшь! Я их разогнал, а ты! Rat (совет) тебе нужен! Ты что это себе такое позволяешь! А ну-ка, объясни почему!» – стукнул по столу Шнауцер так, что кофейные чашечки зазвенели, а Пирвоз, как собака присела на задние лапки у порога на корточках, как на парашу! Шнауцер поднялся из-за стола, и стоя над ней, как бы рассматривал, что она сделала! «А ну-ка, пошла вон!» – предложил он Пирвоз, которая как собака, не вставая на ноги, так же на корточках выползла за дверь. «В чём дело, доктор?! – спросил у меня удивлённый Шнауцер. – Что этому говну нужно?! Что ей власти захотелось, наверное!».

«В связи с убытием из состава Совета трёх членов, на своём внеочередном заседании Совет постановил: «самораспуститься!» – висело объявление на следующий день на доске объявлений. «Значит, и фрау Ганзен ушла!» – понял я.

«Пусбас», – представилась на очередной утренней конференции пятидесятилетняя коре-настая, коротко подстриженная, но в юбке и кофточке с обилием деревянных и прочих украшений на шее, вновь принятая врач. Заместитель главного врача Пиппер смотрела на неё с гордостью. «Это её кандидатура», – понял я. «Facharzt – специалист общеврачебного профиля, – указала она на Пусбас и добавила для меня: – Она тоже делает иглоукалывание!». «Нет, нет, я только пару семинаров прослушала», – поправила её Пусбас. «Он у нас этим занимается», – неохотно указала на меня Пиппер. «Ой, как интересно будет посмотреть!» – с надеждой, глядя на меня, произнесла Пусбас. «С удовольствием, – без энтузиазма ответил я и подумал: – Не учи врага своего – ремеслу своему!». Эта понимание у меня с детства, она внутри меня, не знаю, кто или что во мне это говорит – предупреждает! Понятно, что это в генах! – Немцы любят подглядывать, – вспомнил я весь свой предыдущий опыт в Германии, – но сами при этом ничего стараются не показывать, если есть что показать!». Вспомнил уже первое знакомство со здравоохранением в Германии в клинике Бюргерхайма, где погостил полтора месяца, больше не позволили и ничего не показали! Даже ультразвуковую диагностику, когда подглядывал не получал никаких вразумительных ответов, всегда было чувство, что путаюсь под ногами! А полуяпонка – врач практикантка, от «учительского тела» – зав. отделением, меня оттесняла!

Своими вопросами старалась его отвлечь, зато купила иглы за свои деньги, чтобы подсмотреть, как я колю.

На очередном Teamsupervision (супервизион команды) все мрачно молчали. «Я многих уже не вижу», – произнёс после томительного молчания тот же усатый супервизор. «Да», – траурно согласились уцелевшие недобитки. «А куда они делись?» – риторически поинтересовался супервизор. «Изгнали из наших рядов», – заявили гордо, уцелевшие от репрессий. «Что меня больше всего поразило, друзья их ещё добивали, втыкали свои ножи! Добивали, как бы уже убитых, наносили им удары в спину! – как реквием пропела танцовщица Роллике. – Это мне напомнило картины, которые нам показывают из нашей истории – как нацисты евреев убивали. Так и здесь, убили как бы евреев», – и она заплакала. «Вот те на! – подумал я. – Вот это сравнение! И причём здесь евреи! Немцы, оказывается, евреев здесь убили! Эти антисемиты: Оттен и остальные, оказывается, евреи! Здесь просто немцы не сработались с немцами! Одни немцы уволили с работы других и совсем не жестоко, даже пособие за 3 месяца вперёд заплатили! Голодом не выморили, не сожгли в печах и в газовых камерах не задушили, могилы не заставили себе вырыть и живьём не закопали! Просто не ладили немцы с немцами! И уволенные не евреи, а даже, наоборот, – «антиевреи»! Помнится, на одной из конференций врача Оттена ярость благородная захлестнула: – Стоит, оказывается, покритиковать Израиль, как тут же евреи объявляют войну честным людям Германии! И в первую очередь их лучшим представителям, как, например, члену партии свободных демократов из Мюнстера! Никак не успокоятся евреи! – гневно, как одна из русских националистических певиц, заявил Оттен. – Никому не дают мирно жить евреи: ни палестинцам, ни немцам, а сами настоящие фашисты! – И эта Рол-лике тогда присутствовала и одобрительно молчала! И вот те на! Это он – Оттен, оказывается, еврей! Это как же надо всё извратить! Все поставить с ног на голову!». Меня распирало от возмущения, но я промолчал, вспомнив, что нахожусь в «тылу друзей»! Все же что-то, видать, изменилось в моём лице! «А что думает эксперт по тоталитаризму?» – обратил на это внимание супервизор, неверно, как психолог, оценив мою реакцию. – Вы, по-моему, такую развязку и предсказывали!». «Да, к сожалению», – постарался я из злого – траурное лицо сделать. «Ну, а теперь, что вы дальше предсказываете?» – спросил он. «10 негрятят! – выпалил я. – Каждый день кто-то из присутствующих будет пропадать, пока все не исчезнут!». Все вздрогнули и глянули испуганно на меня, а больше всех фрау Пиппер. «Опять моя несдержанность и чёрный юмор...!» – мысленно огорчился я. «Пиппер тоже уходит! – радостно объявила через неделю Кокиш. – Осталось убрать ещё главного врача и, наконец, станет спокойно в клинике!». «Это будут страшные для нас времена!» – объявил я жене вечером. «Почему ты так думаешь?» – спросила она. «Потому что каннибалы должны кого-нибудь жрать! Хотя и те тоже небольшие люди, но сожрут их и возьмутся, действительно, за евреев!». «Ты думаешь?!» – усомнилась жена. «Уверен!» – не успокоил я её.

«Ну, доктор, молодец! За пол года развернули у нас иглоукальвание и гипноз, хорошая такая посещаемость! Если честно, я не думал, что вам удастся за такой короткий промежуток времени всё это организовать! А, Силке, какого врача я купил! И это моя заслуга! Правда, доктор!» – через неделю сообщил Шнауцер мне и Силке. «Конечно!» – согласился я. «Это, Силке, лучший врач в Германии!» – похлопал Шнауцер меня по плечу. «Я знаю», – согласилась и Силке. «Да и в России такие на дороге не валяются», – добавил я скромно. «Я вам охотно верю, – и Шнауцер согласился, – но знаете, доктор, жалко, что вы не занимаетесь ещё и психотерапией! Вы ведь лучший психотерапевт, которого я когда-либо встречал! И я вас ведь купил в первую очередь, как психотерапевта и даже ведущего! Жалко только, что вы не Facharzt (врач специалист)! Но мы вам можем помочь через нашего профессора, я с ним поговорю!». «Это нереально», – возразил я. «Ничего нет нереального», – недовольно поморщился Шнауцер. «В Германии требуется много часов самопознания, а это время и деньги!» – попытался объяснить я проблему. «Ничего, всё сделаем! А вы возьмите пока немного: парочку, пять, шесть больных

для психотерапии и работайте с ними!». «Ну, вот и взялись за настоящих евреев!» – понял я. «Нет! – сказал я резко. – Вы же видите, что я целый день занимаюсь акупунктурой и гипнозом, в день более 20 больных! Это всё равно, что танцевать на двух свадьбах одновременно!». «Scheiße (говно)! – буркнул Шнауцер. – А жаль, такой хороший врач!».

«Ну что, доктор, усыпили уже своих больных, а теперь сами гуляете?!» – как бы весело поинтересовался Шнауцер, встретив меня в вестибюле через два дня. «Да, загипнотизировал, а теперь бегу в туалет, чтобы на следующем гипнозе не обделаться!» – так же весело согласился я. «Ну, ну...», – мрачно произнёс Шнауцер. «Доктор, у меня спина болит, можете помочь?» – обратился на следующий день Шнауцер, вновь в вестибюле. – «Могу». «А когда?» – не отставал Шнауцер. «Давайте сейчас», – простодушно предложил я. «А почему сейчас?! Вам что, делать нечего, всегда время есть?!» – ехидно спросил «тяжело больной» Шнауцер. «А у вас что, так сильно болит, что можете ждать?!» – в свою очередь ехидно уточнил я. – «Могу». – «Ну, тогда через два – три дня приходите». – «Хорошо, доктор». «Хорошо», – ещё более добродушно ответил я. «Да, доктор, хорошая у вас работа, хорошо устроились!» – произнёс Шнауцер, придя через три дня, после моего напоминания ему. «Да, неплохая», – согласился я. «И деньги хорошие, а доктор!» – издевался Шнауцер. «Терпимо», – согласился я. – «Я никому, знаете, столько не плачу, сколько вам! Вы почти, как Oberarzt – замглавврача зарабатываете у меня!» – «Я ещё больше зарабатывал в Зигхайме!». «Поэтому и закрылась та клиника, потому что Краускопф так много платил! – отпарировал Шнауцер. – Я не Краускопф, доктор!». «Я это сразу понял», – согласился я. «Пусть ваша жена тоже у меня работает, – предложил Шнауцер, лежа на животе, пока я ему с чувством втыкал иглы в его пошлый зад и жирную поясницу. – Почему она дома сидит, тоже, наверное, хороший врач. Мне её жалко, пусть работает, я её согласен взять на 300 Ъ! Пусть с вами работает, сможете больше больных принимать! Она ведь тоже колет, да? Конечно 300 Ъ немного, но остальное, доктор, вы сможет ей со своей зарплаты доплачивать! Если я ей много дам, то придётся, налоги и страховку ей платить и мало останется! И у меня расходов будет больше. Вас, доктор, что интересует нетто или брутто?». «Нетто», – согласился я. «Вот и будет у вашей жены «нетто»!» – сказал Шнауцер. – Доктор, мне очень было неудобно лежать! – объявил в конце недовольный Шнауцер, после освобождения его от игл. И бодро вскочив с жёсткой кушетки, выплюнул попавшую ему в рот бумагу от гигиенической подстилки вместе с любимым словом Scheiße (говно), добавив: – Как больные это терпят?! Кушетка плохая, не такие должны быть для акупунктуры! И остальное должно быть лучше!». «Я вас всё время прошу купить хорошие кушетки!» – согласился я. – «Хорошо я подумаю, доктор». «И к тому же, когда у пациентов боли, они не замечают таких тонкостей, как «неудобно»! Они рады, когда боли исчезают!» – пояснил я Шнауцеру. «Действительно, немного помогло», – сыграл Шнауцер уже роль благодарного больного.

Главный врач ходил всё больше на фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, потерявшего свою Армию и сдавший в плен! Пришлось и ему отрабатывать своё право на существование! Он вёл уже десяток больных и ко мне относился с почтением, сказав, что с удовольствием хотел бы у меня поучиться гипнозу. Он понял, что я крупный специалист, а гипноз с EMDR (ДПДГ – десенсибилизация и переработка психотравмы движением глаз) очень хорошо сочетать. Через две недели «ушли» жалостливую танцовщицу фрау Роллике, трёх медсестёр, а за ними заботливую медсестру Доброх. Больных главврач Зауэр поделил между собой и врачихой фрау Пусбас. Таким образом, из «10 негрятят» уцелел психолог Зибенкотен и бледная психолог, колеблющаяся фрау Мисс.

Вместо замглавврача фрау Пиппер, Шнауцер и Кокиш взяли на работу фрау Клизман – сорокапятилетнюю, долговязую в мятой, бывшей белой, небелоснежной кофточке, и такой же юбке, после того, как фрау Клизман пропустили через дымоходную трубу на крыше и опустили тут же в клинику! Она без перерыва гоготала прокуренным и, скорее всего, пропитым голосом, закатывая оловянные глазки, и кривя и без того кривой ротик! Клизман на конферен-

ции губки для важности надувала, образуя как бы хоботок, тем самым, изображая глубокую мысль. Чувствовалось, что такой же хоботок у неё одновременно образовывался и на заднем конце! Бровки удивлённо двигались на продолговатом помятом лице! Слипшиеся, окрашенные в ржавый цвет волосы дополняли композицию! «Очень хотела бы с вами поближе познакомиться!» – подобострастно объявила мне Клизман. «Пиппер этого тоже хотела и вот теперь уже другая хочет!» – подумал я. «Много о вас слышала, про ваши таланты», – притворно похвалила Клизман. «Заходите в обед, кофе попьём», – предложил я. «Приготовь для «притворной» кофе, – объявил я жене, – Клизман к нам прётся!». «Ах, как вам хорошо, как я вам завидую! – завистливо произнесла Клизман. – Вас двое, семья, а я живу одна с сыном! О, какие у вас красивые таблицы по акупунктуре, и вы ещё, кроме того, и гипнотизёр! Аж страшно с вами, загипнотизируете ещё – хи, хи, хи! Ужасно хочу бросить курить!» – дыхла Клизман перегаром. «И пить, наверное, не помешало бы!» – подумал я, глядя на помятый её вид. «Только пить буду продолжать! – как бы угадав мои мысли, твёрдо сказала Клизман. – Нужно вас пригасить в гости! – как будто кто-то ей это запретил, произнесла она. – А Шнауцер рассказал, как вкусно было ему у вас в гостях в Зигхайме! Я ведь тоже родилась в тех краях!». «Почти земляки, – согласился я, – только мы из Питера». «А я настоящая Pfdlzerin (пфальцерша – рождённая в Рейнланд-Пфальц)! – как (фарцерша – перд..ья) на идиш прозвучало. Но это еще не все, она к тому же оказалась слаба и на передний конец пищеварительной трубки: – Ich kein Blatt vor den Mund nehme (очень прямая, не держит лист «заглушку» перед ртом – недержание слов логорея)!» – означало это. «Некоторым неплохо было бы держать лист, как перед ртом, так и перед задом – иметь заглушки», – подумал я. «Приходите к нам в гости», – простодушно и лёгкомысленно предложила жена. «С удовольствием! – тут же ухватилась за эту идею Клизман. – Сегодня не могу, давайте завтра!». «Давайте», – согласилась жена. «Она тебе нужна?!» – спросил я жену. – «Да пусть, приготовлю пельмени!». «Думаешь, она тебя за это отблагодарит?! Отклячит зад от избытка пельменей, как муж Вагены в Бюргерхайме, а затем нас дерьмом в ответ накормит!». «Да притворная», – согласилась жена. «Ну и квартира у вас роскошная! – закатила глазки Клизман, вручив нам букетик цветов, придя ровно в назначенное время. – Молодец Силке Кокиш, что вам её нашла, но вы ведь заслуживаете. О! Какие Leckereien (вкусности), schmeckt gut, sehr gut (вкусно очень)!» – только и смогла выдать Клизман, набросившись на пельмени. Выгнув шею, и обвив как змея очередной пельмень, отправляла его в рот и тут же, как лягушку заглатывала. После этого она ненадолго умолкла, пока последний пельмень не затянула в свой ротик. – «Да, это не фрау Муралон – арт-терапевт из клиники Боскугеля, которая одёргивала руки и спрашивала каждый раз «можно, можно», беря очередной пельмень!» – отметил я про себя. Так же легко Клизман расправилась и с колбасой, которую пришлось дополнительно срочно подрезать, и с сыром, и с красной рыбой, не забывая постоянно запивать её вином. «Тренированная!» – понял я. «Ой, как машину после этого поведу?! – угадала она мои мысли. Немного сбавив темп питья, но доев всё, что можно было доесть, заговорила: – Силке Кокиш очень приличная и добрая, но, к сожалению, зависит от Шнауцера, хотя и он очень милый! А вот главный врач – негодяй! И Кокиш очень надеется на мою помощь, поддержку в борьбе с ним!». Что касается политики, то, оказалось, очень любит, вернее, уважает евреев, и даже дочь Сарой назвала, что очень не понравилось её отцу – участнику войны! «Не великой и не отечественной, а захватнической войны!» – пронеслось у меня. «Вот только не могу понять агрессивную политику евреев против бедных палестинцев!» – призналась Клизман еще раз в любви к евреям. «Палестинских террористов», – подправил я. «Вот, и вы тоже...!» – скривилась Клизман. – А я считаю, что эти два народа должны жить в мире! – предложила она дружбу Израилю. – Хотя я очень уважаю и Израиль, но Израиль не прав в этих отношениях, евреи в этих отношениях агрессоры!». «Так считают не только вы, так считают большинство и, возможно, все немцы», – пустился я на дискуссию. «Почему?!» – возмутилась Клизман. «Вы же психолог и должны понимать защитный механизм: «проекция» –

переносить свою вину, свои качества на других! Это очень удобно сказать: – Не мы виноваты, а евреи, что мы их уничтожали! Они это заслужили!». «Да, было очень вкусно, – засобиралась Клизман, – приятно было с вами поближе познакомиться».

«А вы как думаете?» – спросила у меня Клизман на следующий день на конференции, когда главный врач не согласился с её диагнозом у больного. Вопреки обещанию, она «держала листок перед ртом». «Я плохо знаю больного, – «взял и я листок перед ртом» – Больной только что поступил, и ко мне ещё не попал». К тому же не хотелось ей помогать бороться с «уже убитым» главврачом Зауэром. – Кокиш и Шнауцер приняли Клизман на его место!» – уже не сомневался я.

«Зайдите ко мне, – позвонила мне в кабинет Кокиш. – Вас ждёт сюрприз!». Сюрпризом оказалась круглая желеобразная, как медуза, с двойным или даже тройным подбородком – сорокадвухлетняя, мешковидная в полтора-два центнера тётя. Круглые брови, маленькие, моляще-жалостливо глядящие на меня глазки, как бы говорили: «На тебя, родной, вся надежда! Помоги, брат, не забуду никогда в жизни!». У неё было всё жирное, не только физиономия, но и пальцы, кисти, ладони! Голова составляла с туловищем единое овальное целое, затылок переходил в жировой горб на плечах – «холодец в оболочке»! Массивные золотые кольца из красного золота и серьги из такого же металла, окончательно прояснили проблему происхождения и раньше, чем Кокиш открыла рот, понял – землячка!

«Ваша землячка, хотя и не еврейка, а русская немка», – радостно подтвердила Кокиш, как бы сделав мне громадный подарок. «Да, да, вижу», – улыбнулся я, поняв, что землячка себя не за ту продала. «Ой, да! – ещё больше просияла землячка. – Мина Барсук!» – подала она мне скромно пухлую лапу. «Действительно, Барсук!» – подумал я. «Was (что)?!» – вздрогнула Кокиш, услышав: «Мина». «Это после войны такие имена появились!» – успокоил я, как мог, Кокиш. «Прекрасно, взорвём Люлинг! – обрадовалась Кокиш. – Вот и вам будет легче! – добавила она – Будет с кем общаться по-русски! И ей будет легче, вы ей поможете! Если мы её возьмём, – разъяснила Кокиш, – она будет работать ассистенткой у Люлинг. Она тоже врач общего профиля». «Да, я была почти главным врачом!» – застенчиво, но громко сказала Мина Барсук. «Нет, у нас есть главный врач», – засмеялась Кокиш. «Что вы, что вы, где мне! – вновь застенялась Мина Барсук. – Я не смею даже мечтать!».

«Ну что, возьмём?» – спросила меня Кокиш, выставив временно, Мину Барсук за дверь, и добавила: – Скажу вам честно! Я давно, как только вы пришли, мечтала взять ещё хотя бы одного, а лучше двух русских врачей! Русские врачи – самые лучшие, вы меня убедили!». «Как и в Питере, – вспомнил я, – главный врач готова была через пару месяцев всех душанбинских врачей перетянуть в поликлинику!». «Нормальная, – поддержал я её рвение, – можете брать, она производит впечатление работящей и непритязательной, будет работать». «Я вам очень благодарна! – произнесла Мина, зайдя затем ко мне в кабинет. – Ой, какой кабинет у вас красивый! Я так вам завидую, не представляете!». – «Почему же, не только представляю, но и вижу!». – «Как вам повезло так устроиться?! И меня берут! Спасибо, что подсобили, не забуду! Буду очень рада, если ещё и работать поможете! Я, вообще, без опыта работы. В Германии полгода только, немного в практике попрактиковалась. А там у нас в Союзе, больше занималась административной работой, хотя пришлось «посидеть» и на глистах, и на дизентерии, и даже немножечко на бациллах Коха!». «А здесь «посидите» на поносе, на запоре и немножечко на вздутии, это немецкие народные проблемы!» – в тон ей пояснил я. «Да, спасибо, думаю справлюсь! Конечно, там, в Киргизии, я очень хорошо зарабатывала и в диспансере, и в поликлинике. Киргизы разводили стрептомицин водой, и эффекта не было у больных с туберкулезом из-за низкой концентрации стрептомицина. И я, конечно, тоже немножечко разводила, но не так сильно! И ко мне шли! Так что на хлеб, и даже масло, хватало! Как это, как её там – «люляшка» моя!». «Вы имеет в виду фрау Люлинг?» – не понял сразу я. – «Ну да, да, точно – Люлинг!». «Вам нужно будет проявить характер, – сказал я, – с ней не ужились ваши пред-

шественники». «Ничего, справлюсь! – застенчиво заверила Мина, сломав шариковую ручку, как спичку, которую вертела в руках. – Ну вот, и сломала!» – виновато произнесла Мина. «Неужели и Люлинг так сломается?!» – промелькнуло у меня. «Вам придётся заниматься ещё, как и предшественнице, психотерапией. Советую вам пойти в библиотеку и взять пару книг по психотерапии, как я это, в свое время, сделал и прочитал, чтобы на конференциях, хотя бы о чём речь идёт понимать», – посоветовал я. – «Хорошо спасибо, но уже поздно, я ведь уже через неделю выхожу на работу». «Ничего, я за два выходных дня успел прочесть две книги», – посоветовал я Мине. «Хорошо, я подумаю, схожу куда-нибудь, – заверила Барсук, – спасибо, если поможете работать», – на прощание произнесла Мина. «Вы далеко живёте?» – спросил я у неё. – «Да, больше 40 км». – «И много у вас там евреев?». «Да есть, но все из Крыжополя!». – «Это откуда?». – «Да это я так тех, кто из Белоруссии или Украины!». – «А вы откуда?» – спросил я Мину. – «Я?! Я из Оша – ошанка я! А вы ведь еврей, правда». «Чистейшая правда, куда уж больше! Как и вы, я вижу», – подтвердил я. «Ну, я немножко, я немножечко и христианка», – стыдливо призналась Мина. «Вот не подумал бы! Вы и по Галахе (по еврейскому закону), и тем более, извините, по «мордахе» типичная не христианка!».

Как и положено, в понедельник через неделю, Мина приступила к деятельности, и тогда и состоялось её первое знакомство с Люлинг. После обеда слышу, кто-то выламывает мои двери! Пришлось прервать гипноз! «Кто бы это мог быть?! На немцев не похоже, на дверях табличка: «Не мешать, гипноз!». С трудом затормозил Мину у порога. «Ой, здравствуйте! – прогремела Мина. – Можно к вам!». Больной был уже в гипнозе, а значит, реагировал на мой голос! Пришлось Мине молча указать на табличку на дверях! «Ах, простите! – ещё громче прогремела Мина. – А когда можно?». Пришлось пантомимой изобразить, что я позвоню ей позже. «А да, вы позвоните!» – перевела это вслух Мина. В знак согласия кивнул головой. – «Извините, я не знала, что вы заняты!». Молча указал на табличку. «А я думала, что это так просто – для чужих! Ещё раз извините, но мне хочется с вами поделиться первыми впечатлениями! Я только что была у Люлинг!» – уже почти полу-громко произнесла Мина. Воспользовавшись этим, слегка, но настойчиво, оттесняя Мину от двери, прикрыл дверь. «Я жду звонка!» – донеслось уже снаружи.

«Ой, спасибо, что позвонили, я вас буду стараться не беспокоить, но мне просто не с кем посоветоваться!». «Ну и что, Люлинг?» – прервал я её поток. – «Ну, как вам сказать, такая тоненькая, вся такая напояженная – настоящая «люляшка»». – «Да, это я знаю, но как она к вам?». – «Чувствуется, очень такая с самомнением! Много говорила, что я должна всё читать, учить, а она будет меня спрашивать! В общем, настоящая «профессорша»! С другой стороны, конечно, кто мы такие?! Мы ведь ничего не знаем! Но ничего, посмотрим! Мне, знаете, всё как-то безразлично и надоело, будь что будет!». «Да, она непростая, – согласился я, – и с ней нужно быть неслабой, иначе заклюёт! То, что она уже со многими сделала!». – «Да я не боюсь! Кто она такая! Подумаешь, профессорша нашлась! Так получит у меня, что мало не покажется! Это я на вид такая добрая! Я очень добрая, но если меня разозлить, то мало не покажется никому! Ну, большое спасибо вам за поддержку!».

Мой кабинет располагался по соседству со смотровой – перевязочной, которая была первой комнатой в этом «коммунальном» отсеке. Проводил беседу с больными в смотровой и не заметил, как вломилась Мина. «Это мой кабинет, и он мне сейчас нужен!» – как на общей кухне в Питере: «плита нужна», услышал я. Перешёл с больным в другую комнату. «Ничего не знаю, как пробы разные делать! А она – «люляшка» моя, – Люлинг понял я, – не объяснила!». «А вы попросите медсестру», – посоветовал я. «Да, большое спасибо, сейчас!» – энергично припустилась Мина за медсестрой. «Комната превратилась в склад и даже ширму не убрала! Закрывает нам вход! Как когда-то в питерской коммуналке!» – произнесла жена. Ширму ободили сбоку. «Во даёт! – продолжала удивляться жена. – Давно такого не видела!». – «А где ты это раньше могла видеть?» – мы же не с Оша. – «Где-то видела, но уже точно не помню!». –

«Как же, не помнишь! А лагерь в Бюргерхайме?!». «Да, да – точно! – вспомнила жена. – Ну, это вообще...! Я ей скажу, чтобы хотя бы ширму убрала!». «Скажи, но осторожно! – посоветовал я. – Ведь ещё Дарвин сказал: «Внутривидовая борьба – наиболее острая!». «Но пусть не наглеет!» – справедливо отметила жена. «Она ворвалась в поезд Ош – Москва, – объяснил я жене, – и решила, что надо сразу «забить» как можно больше пространства: пару полок, если в общем вагоне! Если это коммуналка, то тоже побольше полок и шкафчиков, поэтому я думаю, сейчас она тебя не услышит! Она сейчас находится в процессе захватывания жизненного пространства! К тому же мы для неё привычная среда обитания, и она знает как со «своими» себя вести! Другое дело чужие – немцы! С ними надо поосторожнее!». «Всё равно скажу, – настаивала жена, – ведь больным пройти нельзя!».

«Вам ещё нужна ширма?» – спросила жена, как можно ласковее, у Мины, когда та опять ворвалась в комнату. «Нет», – буркнула Мина. «Не могли бы вы её убрать», – как можно нежнее поинтересовалась жена. «А зачем? – искренне удивилась Мина. – Это ведь мой кабинет – fгь Allgemeinmedizin!». «Да нет, это не совсем так, – сказала жена, – это общий как бы кабинет». Мина жене, к счастью, ничего не ответила и вышла. Ширма просто так сама и не убралась. «Моя Люляшка становится невозможной! – поведала Мина на следующий день. – Дала задание прочитать какой-то Verdauungsstцrung (нарушение пищеварения)! Конечно, я не читала, что я школьница какая-то! Сегодня мне какие-то вопросы назадала по больным и сказала: – Надо вам больше читать! Да тут, представляете, мне одна из наших землячек позвонила, хочет к нам устроиться! А я сказала: – Нет, конечно, все места заняты! Как вам это нравится! Все сюда прут – мёдом им тут мазано!». «Да, она бы и мне точно так же ответила, если б раньше меня сюда пришла!» – понял я.

Глава 3

Русские для души

Больных было много для акупунктуры и гипноза, но только немцы и меня, по-видимому, из-за Мины, потянуло кроме русских сотрудников иметь ещё и русских пациентов! Русских не только как коллег иметь, но ещё и как больных иметь! И тут очень кстати в почтовом ящике оказалась русская газета! «Позвоню в редакцию, не откладывая, – решил я. – Здравствуйте!». – «Да, слушаю!» – откликнулись на другом конце провода. Объяснил кто я, что я, а главное – очень хотел бы сотрудничать! «Ну хорошо, напишите статью и пришлите! – посоветовал женский голос. – У нас нет, кстати, сейчас сотрудника в редакции здоровья, может, вы им и станете, если ваши статьи нам понравятся!». За пару дней написал статью на выстраданную тему: «адаптация эмигрантов». Подошёл к проблеме с неизвестной стороны для немецких врачей, из-за чего они не имеют успеха у русских пациентов. Основные проблемы русских эмигрантов, по моим наблюдениям, происходят на семейном уровне – перераспределение ролей. Жена, например, мало зарабатывала в Союзе, а её муж больше зарабатывал, в особенности, если, к примеру, в ГАИ служил. И приехав в Германию, она нашла себе работу, а он нет или стал рабочим, а она врачом. В России у него был свой круг знакомых! Здесь никого, только жена, которая работает и тем самым усиливает у него комплекс неполноценности! К тому же, дети отделяются от родителей и это ещё больше усиливают чувство одиночества, ощущение: «отработанной ступени ракеты». Основные проблемы у русских происходят на внутрисемейном уровне! И на плаву остаются семьи, где прочные товарищеские отношения между мужем и женой, а не основанные на конкуренции и перетягивании каната. В статье представил возможности выхода из кризисных ситуаций. «Ваша статья очень понравилась, и через неделю опубликуем! – сообщила довольная главный редактор. – Пишите дальше, если так же будет хорошо, то считайте – мы сотрудничаем! Если согласны присылать бесплатные статьи, то можем ваш телефон указать!». Следующая статья появилась о сексуальных нарушениях у эмигрантов. Затем, проблемы детей – детская агрессивность. Акупунктура и гипноз в лечении болевых синдромов. Стал постоянным корреспондентом газеты, как когда-то в Союзе.

«Можно прийти с шестнадцатилетним сыном? – позвонила его мать, после статей в газете. – Курит ананшу, не слушается, грубит, ничего не могу сделать! Он хорошо говорит по-немецки, а по-русски плохо!» – с гордостью сообщила она. Отец оказался русским немцем, мать русской. «Sie ist hysterisch (она истеричка)!» – объявил гортанно, противнее чем настоящие немцы, парень с явно славянской внешностью и с «гермафродитным именем» Ойген (Eugen) – Евгений. «А вы умеете говорить по-немецки?» – спросила у меня его мама, придя с сыном в немецкую клинику с немецкой табличкой у меня на дверях. «А как вы думаете? Вы где находитесь?» – не выдержал я, почувствовав, что она стесняется за русских перед сыном. – Вы где? В русской клинике? Ваш сын, кстати, первый русский пациент в этой клинике!». «Очень хорошо, а то я плохо разговариваю по-немецки, а он не хочет по-русски!» – «поняла» она меня. «Потому что ему так выгоднее! – объяснил я ей. – Так же студентам, узбекам в России, на занятиях было выгодно говорить: «моя по-русски не понимаю», если они не были готовы к занятиям! – А почему ваш сын не говорит по-русски, если в 13 лет сюда приехал?!». – «Так мы же сами не хотели! Я требовала, чтобы он только по-немецки говорил, тогда ему легче будет здесь!». «Зато труднее вам и ему с вами! Вы его уже тем самым отдалили от себя – русской! А как отец?» – спросил я. – «Он, вообще, не умеет по-немецки!». «Интересно! – сказал я. – Русская мама, не владеющая немецким, требует, чтобы сын говорил только по-немецки, а немец – папа говорит по-русски! Теперь заставьте ещё и мужа заговорить по-немецки, а сами возвращайтесь в Россию за новой партией людей для Германии! – сказал я раздражённо дуре. – Хорошо, подождите в коридоре!» – предложил я немецкой патриотке. «Sie ist hysterisch», –

повторил русский сын «немецкой патриотки». – «А как ты объясняешься со своими товарищами?». «По-немецки!» – удивился вопросу гадкий утёнок, превратившийся, как он считал, в лебедя. – «Они что, все говорят по-немецки?». Ойген ещё более удивлённо на меня посмотрел! «А на каком же ещё?!» – спросил он меня уже как дурака. «На русском же проще!» – для него ещё глупее, объяснил я. «Так они же немцы!» – удивился он моей наивности. – «Так ты, с какими немцами водишься?!». «С нормальными!» – ответил Ойген. «А русские немцы кто?» – поинтересовался я. «Они русские!» – пренебрежительно ответил немец – Ойген. «А мама твоя, тогда ещё хуже!» – предположил я. На его лице прочел, что так оно и есть для него!

Через неделю позвонила мать другого парня – 28-ми лет. Родители врачами в России были. «Помогите, ничего не получается с сыном! Всё шло хорошо, 14 лет ему было, когда приехали в Германию! Учился в гимназии, затем не стал ладить с соучениками! Стал бояться посещать гимназию, и вот уже 5 лет сидит дома никуда не выходит. Лечился в нескольких психотерапевтических клиниках и в закрытой психиатрии был, но ещё хуже стало». «Хорошо, приводите», – предложил я. – «Так в том то и дело, что он не хочет никуда идти – врачам не верит! Мы его водили к психиатру, после этого сказал, что больше не пойдёт!». «А что он дома делает?» – спросил я. «Немного брату помогает, у которого своя фирма – компьютерные работы на дому выполняет, как бы работает у брата! В остальное время у компьютера сидит! Днём спит, а ночью сидит у компьютера и телевизора». – «А что он смотрит в интернете?». – «Этого мы не знаем, он не рассказывает». – «А подруга у него есть?». – «Нет, и не было». – «Может у него гомосексуальные наклонности?». – «Всё может быть, но мы не знаем». – «Так вы ведь сами врачи!». – «Ну, какие мы врачи! Я гинекологом была, а сейчас работаю кассиршей!». «Я как бы немец, был хирургом 25 лет, а сейчас вот рабочий на металлическом заводе», – сказал отец парня, сухой, жилистый, высокого роста, с большими руками, которые резали, а сейчас штампуют! Немногословный, но твёрдый, смотрящий прямым немигающим взглядом, как будто он гипнотизёр, а не я. Сразу понял, что сыну не должно быть легко с таким обиженным и твёрдым папочкой. «Вы с ним разговариваете?» – спросил я отца. «С кем?» – не понял вопроса отец. – «Ну, с сыном!». Жена при этом печально отвернула голову. «Ну, а как же!» – ответил хирург. «А как?» – спросил я. – «Ну, как положено!». – «А как положено?». – «Ну, чтобы перестал валять дурака и взялся за ум! Я ведь работаю, хотя и мне нелегко, и он должен что-то делать!». – «Всё дело в том, что если будете на него давить, то не исключена возможность попытки самоубийства!». – «Он уже предпринимал их», – печально подтвердила мать. Отец продолжал немигающим взглядом на меня смотреть. «Если вы так и на сына смотрите, – рассмеялся я, желая его немного размягчить, расслабить, – то я ему не завидую!» – сказал я. Ни один мускул, не дрогнул у отца! Крепкий оказался сибиряк – сибирский немец! Конечно, в таких условиях только крепкие могли выжить! Это тебе не западные здешние немцы, это даже не русские – это «русаки», как они себя называют! «Ну хорошо, уговорите сына прийти!» – заключил я, поняв, что с отцом и матерью ничего не решишь. – Скажите, например, что русский врач его приглашает на приём, пусть ещё русского врача проверит!». «Доктор, когда наш сын может прийти?» – позвонила мать через неделю. Привёз его отец, но не зашёл ко мне, а остался в машине. «А отец где?» – спросил я у парня высокого роста с приятным детским лицом, говорящим торопливо, слегка заикаясь, словно боясь, что его перебьют, и поэтому хочет успеть сказать, пока его не перебили. «Папа не даёт слова сказать?» – с улыбкой предположил я. «Да, нет», – уклонился он от ответа. – «И ты с отцом можешь свободно обо всём говорить?». – «Могу, но нет особого желания». – «Почему?». – «Потому что он всегда старается победить, оказаться правым, но отец не причём, он не виноват». – «А кто виноват?». – «Просто у меня нет никаких желаний». «Нет желаний или страх – неуверенность в себе?» – уточнил я. – «И то, и другое, в гимназии чувствовал себя отвергнутым». – «Со стороны кого, соучеников?». – «Да, в общем да». – «Что, все были против тебя? Были и те, кто тебя понимал?». – «Да». – «Так почему же, тебе этого мало было? Так не бывает, чтобы все были за

нас, чтобы все нас любили! Надо и с наличием противников считаться, они всегда есть и будут! Кто, – местные немцы были твоими противниками?». – «Нет, у нас в классе было большинство русских». – «Да, но тебе тогда было 14 лет, а сейчас 28 лет! С возрастом люди перестают быть такими открыто агрессивными, вернее, агрессивность не выражается в физической форме!». – «Так я не боюсь никого физически!». – «А чего боишься, плохо выглядеть, не так как все! Или думаешь, что ты странный, и все это видят?». – «Ну, да». «Но это не так, я психолог и замечаю больше, чем многие другие, но никаких странностей у тебя не вижу». – «Но вы же заметили, что я торопливо разговариваю». – «Да, но я психолог, все мы разговариваем по-разному, но это не означает, что мы странные». – «Подростки во дворе тоже отпускают шутки в мой адрес». – «Знаешь почему?». – «Почему?». – «Потому что ты этого боишься и внимательно на них смотришь! В России тебе бы сказали: «Че надо, че вылупился?!». – «Нет, я не смотрю на них». – «Если бы ты не смотрел, то не замечал бы, что они на тебя смотрят! Ты смотришь, и очень внимательно смотришь на всех! Это твоя основная сейчас деятельность, потому что ты стараешься заметить, как тебя воспринимают окружающие, как реагируют на тебя! Не тебя изучают, а ты всех изучаешь! Твоя проблема в том, что ты очень строг к себе и самолюбив! Ты не можешь себе позволить иногда не так выглядеть! А агрессивным подросткам тоже, если это тебя волнует, можешь ответить!». – «Как?». – «Они русские?». – «Нет, турки». «Тогда пошли их по-русски на три буквы!». – «Так они же не поймут!». «Тем лучше, зато ты поймешь! Ты ведь тоже по-турецки не понимаешь! Пусть учат русский, тогда поймут, что сказал!». Впервые за всю беседу он улыбнулся, в отличие от отца. – «Придешь в следующий вторник на очередную беседу?». – «Если надо, то приду». – «Кому надо?». – «Ну, родителям». – «А тебе?». – «Когда шёл к вам, то не хотел, а так приду. Хотя, всё равно всё напрасно. Мне уже пытались помочь». – «Кто?». – «В клинике». – «Кто?». – «Врачи». – «Какие врачи, местные?». – «Да». – «Похож я на местного?». – «Нет». – «А почему ты не знакомишься с девушками?» – поняв, что наклонностей к гомосексуализму у него нет, спросил я. – «Так я ведь не выхожу из дому». – «А через Интернет?». – «Так это же неполноценное знакомство!». – «Почему?». – «Потому что там такие же, как и я». – «Значит, ты себе таким не нравишься, который сидит дома?». – Молчание... «У меня неуверенное чувство среди людей, страх». – «Страх «упасть», чтобы все видели?» – «Ну, да». – «Но, чтобы меньше падать, надо больше ходить! Тебе надо, как ребёнку заново учиться ходить! Упадешь, встанешь и опять пойдешь! А как ты пытался покончить с собой?». – «Из охотничьего ружья пытался застрелиться, но не хватило сил». – «Смотри, как интересно получается, смерти не боишься, а насмешек подростков-турков боишься». – «Так я их не боюсь физически». – «Тем более, кто они такие! Убогие, безмозглые жертвы аборта! А для тебя важны их реплики!». – «Но я всё равно не буду из дому выходить». – «Хорошо, делай для себя что-нибудь дома! Подготовься к учёбе в Fachschule (институт, обучающий профессии)». – «Нет, я хочу в университет». – «Тогда сделай Abitur (аттестат зрелости), подготовься дома!». – Молчание... «А что оно мне даст?» – «А что ты потеряешь? Ты откроешь для себя путь, если захочешь учиться! А главное, ты поймешь, что можешь ходить и не всегда падать!». «Брат меня вынужден уволить, – сказал на следующем сеансе парень, – у него дела в фирме плохие». – «Возьми больничный лист у врача в праксисе. Запишись на приём к психиатру». – «А он даст?» – «Вначале может и не дать, в особенности, если скажешь, что у русского врача лечишься, а к нему пришёл лишь за больничным листом. В жизни надо иногда, вернее часто, быть не таким простым и наивным! Я бы тебе дал, но не имею права, т.к. работаю в клинике, а клиника не выдаёт больничные листы, выдаёт только тем, кто на стационарном лечении. Первый раз придешь к врачу и расскажешь, что с тобой! Скорее всего, он выпишет тебе лекарство! Если захочешь принимать его, попробуй, может и неплохо будет! А через два – три посещения попросишь больничный лист, если добрый, незлой, то выдаст, но ты сразу поймешь это уже с первого раза! Если злой – иди к другому, понял?». – «Понял». «Я и в юности учил товарищей по техникуму брать справки от учёбы у врачей! И это хорошо у них получалось!» – вспомнил я.

«Взял на месяц больничный у психиатра! – с гордостью объявил парень через три недели. – Всё произошло, как вы и предсказывали. Он меня почти ничего не спросил, не более пяти минут всё длилось! Выписал первый раз лекарство, после которого я два дня подряд спал и больше не хочу принимать». «Не надо, – согласился я, – или попробуй половину дозы. Но главное, ты добился первого успеха!». «Какого?» – недоумённо спросил он. – «Взял больничный лист и хорошо сыграл свою роль, проявил артистические способности!». – «Какой это успех! – вздохнул он. – Успех инвалида». – «Но ты не инвалид! Ты себя им хотел сделать, а теперь не будешь им!». – «Почему?». – «Ты унижаешь свои успехи, хочешь доказать, что инвалид! Ты пошёл один к врачу, без родителей, сам всё очень хорошо организовал и роль сыграл!». – «Так я ведь не играл, я ведь такой и есть». – «Как не играл? Ты артист!». – «Почему?». – «Почему ты при первом посещении психиатра не попросил больничный лист?». – «Так вы же так сказали». – «Да, правильно, сценарий мой, но игра твоя! Ты сказал врачу, что ко мне ходишь?». – «Нет». – «Вот, ещё одна удачная сценка! Т.е. ты не такой простой!». Парень, наконец, рассмеялся. – «Иди, и готовься к абитуру (экзамены не аттестат зрелости)! – посоветовал я. – Теперь у тебя благодаря больничному листу будут ещё деньги какое-то время!». – «Так у меня есть деньги, они мне пока не нужны». – «Выбросишь, если не нужны!». «Спасибо, сын стал готовиться к экзаменам на абитур. Просил записать его к вам на приём», – позвонил отец через месяц. «Большое спасибо, учусь в университете, извините, что не пришел к вам на прием. Времени не было», – через полгода позвонил сам бывший пациент. «А ты послал турок все же на три буквы?» – не удержался я. – «Нет, я их больше не видел».

«Здравствуйте, доктор, – очередной звонок из Кёльна, – читал вашу статью про гипноз, очень понравилась, а вы можете помочь моей жене?» – звонил пятидесятилетний русский. – «Что с ней?». – «Да год назад, один, какой-то гипнотизёр, по ней полагал и с тех пор она всё дурее!». «Нет!» – сразу сориентировался я. – «Почему, доктор?!». «Этот случай, скорее всего, требует лечения лекарствами. Обратитесь к психиатру!» – посоветовал я. – «Жаль, спасибо, доктор». Очень не хотелось, чтобы он позвонил после меня третьему гипнотизёру и сказал: «Помогите, два гипнотизера до вас уже по ней полагали!».

«Доктор, здравствуйте! – звонила очередная русская из бывшей ГДР, голос скрипучий, прокуренный, женщины лет 50-ти, наверное. – Мне посоветовала моя хорошая знакомая к вам обратиться». – «Но вы ведь далеко живёте, за 500 км от меня». – «Я, доктор, готова хоть на край света, лишь бы кто-нибудь помог! Я так уже намучилась с дочкой! Ей никто не может помочь! Доктор, я приеду только, если вы будете её лечить и стационарно!». – «Этого я не могу вам обещать! Я не единственный врач в клинике! Другое дело, если амбулаторно, тогда я могу взяться лечить! Но вы же замучаетесь за 500 км много раз приезжать!». – «А сколько раз нужно, доктор?». – «Не знаю! Я даже не знаю, что с вашей дочерью, наверное, не насморк!». – «Нет, к сожалению, не насморк! Она здорова, как бык!». «Уж скорее, как корова...», – промолчал я. «Ничего не делает, – продолжила мать, – не хочет учиться, в общем, паразитка! Я от неё устала!» «Снова закон парных случаев! – подумал я и спросил: – А вы не врач?». – «Нет, доктор! Я милиционер! В Белоруссии служила в детской комнате милиции инспектором!». «Случай тяжёлый!» – понял я.

«Доктор, прошу помочь! – очередной звонок. – Очень, очень для меня важно!» – умолял женский голос из Эрфурта, что тоже составляло 400 км. «А что с вами случилось?». – «Да не со мной, доктор, а с мужем!». «И что же?». – «Он, доктор, извините за выражение – неспособный! Я вашу статью читала про сексуальные нарушения у эмигрантов. Помогите, доктор, на вас только надежда!». «Приезжайте», – сдался я. «Доктор, что только не делали, ничего не помогает!» – возбуждённо объясняла, приехавшая на приём, сорокапятилетняя бабушка, выглядящая на 55, квадратного телосложения, в сером бесформенном костюме с кошелёчкой, неопрятная, потная – пахучая жирнюга! Она указала на «станок», который сломался, вернее, когда «купила», уже оказался неисправным! Но деньги, как говорится, заплачены! Вот вышла

замуж, на вид как будто работоспособная «машина», но буксует. А «машиной» оказался лет сорока азербайджанец – зубной врач, хорошо одет, выбрит, парфюм, на импотента мало похож. Скорее похож на «гулёну», по классификации русских женщин, презрительно, равнодушно слушающий жену. «Подождите пару минут там», – попросил я жаждущую секса мамочку, укавав на дверь. «Да, да, пожалуйста, доктор, я выйду. А ты не стесняйся, всё расскажи доктору!» – по-матерински, строго, велела она своему вожделенному. Он ничего не ответил, брезгливо на неё посмотрел, как гурман на прокисший позавчерашний борщ, отведавший до этого икорки с блинами. «Скажите мне, – прямо обратился я к нему, чтобы не тянуть напрасно время, хотя и так всё понял, – мне нужно знать, что скрыть от вашей жены! Вам от неё только покой нужен, чтобы не приставала?». «Да, да, точно», – улыбнулся «азер». «Вы женились на русской мамочке, чтобы остаться в Германии?». «Ну, да», – слегка испуганно, признался «азер». – «Если её привести в порядок, например, причесать, приодеть и т.д. – будете «кушать»?». – «Нет, ничего не надо». – «Есть у вас другое, что “кушать”?». – «Ну, как вам сказать, доктор». – «Можете не говорить, всё ясно. Теперь последний вопрос: что ей сказать?». – «Скажите, что если будет приставать, то уйду!». – «А если не будет...?». «Она хороший человек и я готов с ней жить, она меня устраивает». – «Хорошо, подождите за дверью, пусть жена войдёт». – «Спасибо, доктор, до свидания». – «Значит так, ваш муж не импотент». – «Нет? Ой, спасибо большое, доктор! А я, так волновалась!». – «Об этом можете не беспокоиться, у него всё в порядке! Он для вас важен?». «Да, конечно, люблю больше жизни!» – возбужденно заявила любительница секса. – «А, если он не сможет этим заниматься, что будете делать?». – «Всё равно люблю и не брошу! Буду лечить!». «Ну, тогда, – сказал я, – наберитесь терпения, у мужчин такое бывает от переезда, например, пропадает аппетит! – объяснил я ей. – И ждите, пока этот «аппетит» не появится, сами не проявляйте никакой активности, ждите, пока сам не захочет!». «Хорошо доктор, буду ждать, огромное вам спасибо, а я так волновалась, думала болен! Я готова ждать сколько угодно, лишь бы здоров был! До свидания, большое спасибо, доктор!».

Следующая пара приехала тоже издалека, и тоже по настоянию жены, которая обошла все клиники, в том числе и университетские в округе, и даже дальше. Приехали вдвоём, оба приехали в Германию из Питера, обоим по 45 лет. Она инженер была, а он там рабочим. Она имела большой круг знакомых и любовников на работе, чувствовала себя в своей тарелке и родственники там! А здесь впала в депрессию, после того как единственная дочь познакомилась с парнем и стала реже бывать дома. Муж там был алкашом, а здесь нашёл работу хаузмайстером, зарабатывает «валюту»! Горд за себя, играет в теннис, перестал пить, приходит поздно домой, а когда приходит, то больше с компьютером возится или телевизор смотрит, с ней мало разговаривает. «Она не умеет спокойно разговаривать», – заявил он. «А ты умеешь! – возмутилась она. – С чего всё началось! Забыл, как ты меня тогда, в машине, обругал?». – «Тогда сама была виновата! Я тебя несколько раз спросил, взяла ли ты с собой адрес знакомых, а когда отъехали за 200 км, то оказалось – не взяла! Кроме того, она живёт только для дочери! Я для неё пустое место, так было всегда и в Питере!». – «Там, ты пил!». – «Да пил, но здесь не пью!». «Когда он пил, он вас больше устраивал?» – спросил я у жены, когда её мужа отправил подождать за дверью. – «Нет, почему!». – «Ну, вы имели больше времени для себя! Он был не на высоте, а вам было хорошо! Он вам просто не очень был нужен, а здесь никого нет, и дочь уйдёт, почти ушла, и вы одна остались». – «А что делать?». «Искать здесь свой путь», – посоветовал я. «Вы что, жене мстите?» – спросил я у мужа, когда его жену отправил за дверь. «Да, – подумав, согласился он, – там она была королева, пусть здесь побудет в моей шкуре! Она постоянно была со своей мамочкой и дочерью, и здесь не даёт дочке покоя!». – «Как у вас с сексуальными отношениями?». – «Да, никак!». – «Почему? Есть любовница?». – «Нет, и не нужны они мне!». – «А с женой?». – «Она последнее время так растолстела, что совсем не хочется». – «А если похудела бы?». – «Тоже не хочется». Я ему поверил – для алкоголиков,

даже бывших, это действительно так. Бывшие алкоголики ещё более нудные, чем настоящие! Но и его жена не подарок. Русские пациенты были как бы для души, хотя с ними не проще!

Немцы приходят чаще для акупунктуры и гипноза, но без психотерапевтической беседы у больных с душевными проблемами никакая акупунктура не поможет, поэтому китайцы здесь не помощники пациентам. Одна такая больная тридцатилетняя местная немка, банковская служащая, пришла для акупунктуры по поводу язвенного колита. У её мужа служебное положение ещё выше. Собственный дом только купили, муж очень хороший, спортивный, по её рассказу, очень заботливый, но не знает, как ей помочь. «В этом вся проблема! – промелькнуло у меня, – Всегда плохо, если муж не знает, как и чем помочь жене, значит, он не знает свою жену – что, где и зачем это у неё!». «Вроде, сейчас всё хорошо: и дом есть, и денег много, и муж очень старается! Но вот только с кишечником плохо, что не поем – понос, вздутие, кожа плохая, вялость, разбитость, в заднем проходе зуд и боль!» – перечислила она все свои «достоинства». – «А детей почему нет?». – «Раньше муж не хотел, а сейчас я не хочу, да и поздно уже». – «Может с мужем скучно?». «Что значит скучно? – не поняла она. – Он очень хороший, это ему со мной, наверное, скучно – надоели мои болезни! Дело не в нём, – сказала она, – дело во мне!». Очень аккуратно, регулярно приходила ко мне на сеансы акупунктуры и гипноза, и краткие беседы – стало лучше. И чувствовалось, что готова была придти очень долго, если не всегда! «Больше всего помогают беседы! Всё очень хорошо помогло! – наконец, объявила преданная немецкая жена, преданного немецкого мужа. – Через месяц хочу съездить ещё на курорт подлечиться, отдохнуть, а затем буду дальше продолжать лечение у вас!».

«Хорошо бы, если больных в клинике побольше было», – мечтательно произнёс Шнауцер. – «Могу русских предложить, многие рвутся на стационарное лечение! И как вы видите, ходят ко мне и амбулаторно!». «Нет, нет, русских не надо! Только если частные, застрахованные, или, ещё лучше, из России богатые!» – размышлял швайнбургский мечтатель, как в своё время Краускопф. «Чтобы русских пациентов пригласить из России, надо съездить в Россию и там провести рекламу клиники, рекламную кампанию!» – предложил я ему, как и Краускопфу.

«Я собираюсь в отпуск через две недели, – объявил Шнауцер, – туристическая путёвка из Москвы в Петербург. Вы мне так расхвалили Петербург, что решил провести там отпуск!». «Тогда пригоните самолёт с русскими больными!» – предложил я ему. – А почему вы не хотите русских из Германии? Ведь иранцы есть в клинике и тоже не приват застрахованы, и не такие спокойные, как, например, Behzad». «Это кто?» – спросил Шнауцер. «Ну, такой тридцатилетний коренастый, как шкаф и весь чёрный, как Хомейни!» – описал я Бехзада. «Хорошо, можно одного, двух русских, если вы будете их вести, но не больше», – «смягчился» Шнауцер. «Да, пошёл он!» – посоветовала жена. – Ещё кокетничает и всё норовит тебя к психотерапии пристроить! Ему ещё мало, что у тебя ежедневно до 20 больных и больше по акупунктуре и гипнозу! Ещё и психотерапию проводить, ты её и так проводишь!».

«Этот Бехзад меня заколебал! – пожаловалась Мина. – Ругает русских за Чечню! А я ему про курдов сказала! Теперь за мной гоняется, говорит, что я не права: Россия жестокая и агрессивная страна!». «Он вам необходим для политических бесед?! – спросил я Мину. – Он ведь пациент, а в Германии не положено проводить политические беседы с больными!». «Ничего, я ему так дам, что мало не покажется!» – пригрозила Мина. Бехзад явно пытался и со мной побеседовать и заинтересованно здоровался! Я тоже любезно ему отвечал. Он спрашивал: «Как дела?». Хотелось и его спросить по-узбекски: «Якши мисис?» или по-таджикски: «Шумо девона аст (ты debil)?» – но я держал его на дистанции. Врачи от него стонали, больные шарахались из-за его вспыльчивости, вранья и агрессивности. Наконец, Бехзад решился, или давно решил: «Доктор, помогите!» – обратился он ко мне, перегородив путь в коридоре. Так что, если бы решил не остановиться, то нужно было б его резко и со всей силы оттолкнуть и проскочить! Натолкнувшись на Бехзада, я остановился. «У меня очень болит, – указал Бехзад на слабое своё место – голову. – Но денег нет, я очень бедный! Доктор, мне акупунктура нужна!»

Я очень много о вас слышал, что вы профессор и большой мастер!». Выражение бехзадовского лица не выдавало наличие у него болей. «И сейчас болит или бывает?» – спросил я Бехзада. «Сейчас, сейчас, доктор! Очень, очень болит, сейчас болит». «А здесь болит?» – указал я на его спину. «Болит, очень болит! Сейчас!». «А здесь?» – указал я на руки. – «Очень, очень болит, доктор, болит!». «А здесь?» – прошёлся я сверху вниз, по всем частям «бехзадовского тела», дойдя до пальцев стоп, и неизменно получал ответ: – Болит, болит, очень, очень, очень болит, доктор! Доктор, сейчас болит!». «Хорошо, я проведу вам сеанс акупунктуры», – сказал я. «Только денег нет, доктор! Нет, доктор, денег, но я потом заплачу, обязательно заплачу, когда деньги найду!». «Заплатишь, но не мне, – сказал я. – Я получаю зарплату. Заплатишь клинике». «Нет, вам, доктор, вам! Клиника фу, нехорошая клиника, в особенности Зибенкотен говно! Ой, какое говно! Он большое говно!». То, что Зибенкотен большое говно, и очень большое, я и сам догадывался и даже был в этом уверен. А т.к. Зибенкотен был терапевтом Бехзада, то нюхать Зибенкотена Бехзаду приходилось по 50 минут во время бесед и, наоборот, Зибенкотену Бехзада, поэтому и он также ничего хорошего не говорил на конференциях о Бехзаде! «Придётся взять, и «исколоть» Бехзада, – сказал я жене, – он рвётся!». Получив солидную порцию игл, Бехзад уснул и прохрапел не менее часа, пока мы с женой его не растолкали, а то, конечно, проспал бы не один день! Всё было мирно и прилично, не считая носков и ног Бехзада! Пришлось открыть все окна, двери и даже щели! Но, так как немцы любят натур продукты и удобряют поля настоящими испражнениями разного вида и происхождения, то и из окна запах шёл не лучше. Вспомнил Бердичев, когда ассенизаторы бочку по городу прокатывали, но там это было редко, когда туалеты совсем заполнялись, а здесь каждый день натурально пахло. В Бердичеве мы говорили: «фуфуфуфуфуу-уу...ух, дали!» – а здесь, немцы, вдыхая аромат, не только не морщатся, а даже радуются! Вот и сейчас, проходя во дворе, наткнулся на Шнауцера, стоящего на крыльце. Светило солнышко, рядом лес, поля. Шнауцер принимал воздушные и прочие ароматные ванны! Он потянулся, как бы с видом: «хорошо в краю родном», и произнёс романтично: «Gut, doktor, ja ja (Хорошо то как, а, доктор)! – имея в виду: – В каком прекрасном месте ты работаешь! А, сволочь! Какие я тебе прекрасные условия труда создал!». «Да прекрасно, – согласился я, – если бы не...», – и я помахал рукой перед носом. «Чего, чего!» – возмутился Шнауцер. «Ну, фу, фу, фу!» – пояснил я – Воняет!». «Нет! – разочаровано произнёс Шнауцер. – Это прекрасно, так обязано быть! Это сама природа – натура!» – усилил он. «Понимаю», – пошел я на компромисс. В это время на улицу вышла Силке Кокиш и присоединилась к Шнауцеру наслаждаться с ним неразбавленным ароматом природы. Но сейчас перед нами лежал Бехзад, а не Шнауцер! И когда мы его растолкали, то первым делом Бехзад стал возмущаться, как воняет из-за навоза, но остался очень доволен лечением: «Никогда ещё не был так здоров, ничего не болит! Хочу так, хотя бы раз десять! А вы, я знаю, из России, как и ваша землячка – доктор Барсук. Она не хорошая, а вы очень хороший доктор, и Россию я сильно люблю! У меня папа родился тоже в Петербурге», – заверил, глазом не моргнув, Бехзад. «Что, папа русский?!» – удивился я. «Кажется да, немножко русский», – уже менее уверенно, поняв, что слегка загнул, сказал Бехзад. «И ты, значит, немножко русский!» – притворно изумился я. Бехзад слегка поморщился, но согласился, что, наверное, немножко есть. «Ну хорошо, земляк! – поздравил я его. – Я тоже русский, но по-другому». «Очень люблю Россию! Очень! Самая лучшая страна! А вы самый лучший доктор!» – подхалимски заверил меня Бехзад. С этим я охотно согласился.

«Бехзад, оказывается, очень много пережил! – печально поведала на конференции психолог фрау Мисс. – Он в группе рассказал про отца, который наполовину немец и его убили евреи, поэтому вырос сиротой и очень бедный!». «Да, конечно, – охотно согласился главврач, – поэтому у него психотравма – РТБС (посттравматические психические нарушения). Надо попробовать провести у него EMDR (Eye Movement Desensitization and Reprocessing – десенсибилизация и переработка стрессовых расстройств движением глаз). «Вы тогда ещё

больше узнаете об его отце! – не удержался я. – Я ему вчера акупунктуру сделал, и он мне признался, что отец у него из Петербурга, узнав, что и я оттуда!». «Как?! Он, оказывается, из Петербурга!» – изумились присутствующие психотерапевты, врачи, психологи, включая главного врача. Пришлось пояснить присутствующим психологам, врачам, включая главного, что такое мелкий восточный подхалимаж: «Если бы вы были китайцами, то и Бехзад оказался бы китайцем! И отец его был бы родом из Шанхая!». «Это очень интересно, и мы в это верим», – согласились психологи, главный врач и психотерапевты со мной. Может быть, я им только чуть-чуть приоткрыл глаза на мир, но Бехзада спас от EMDR.

Через несколько дней телесно-ориентированный терапевт Хагелюкен – душа клиники, за которого в своё время и люд восстал, потерял связку ключей, и он тут же заподозрил иранца Бехзада: «Чуть что, сразу Бехзад!» «Он до этого интересовался ими», – рассказал Хагелюкен. А эти ключи, в особенности один из них т. н. генеральный, подходил ко всем дверям в клинике. В коллективе психологов, психотерапевтов, а главное у главврача психотерапевтической клиники Зауэра возникла паника. «А вы спросите у него», – посоветовал главный врач Хагелюкену. «Давайте его сейчас же вызовем и допросим!» – решительно, предложила Мина. «Давайте завтра, во время визита, я у него резко спрошу и потребую отдать ключи!» – предложил главный врач. «А я считаю, что с ним нужно конфронтировать!» – сказал Зибенкотен – психолог по образованию, и говно, по мнению Бехзада. – Я так всегда поступаю с больными! Прямо и без хитрости ему сказать: – Я знаю, ты украл ключи и отдавай их сейчас же!». И все со всеми согласились! «А кто сегодня дежурит?» – поинтересовался коллектив психологов и психотерапевтов этим несчастным. «Я», – обречённо признался я. Все радостно рассмеялись, кроме меня. «Предлагаю альтернативу, – пояснил я свою тактику, – я скажу Бехзаду, он у меня сейчас лечится, что если он найдёт ключи, то пусть мне их отдаст, или пусть узнает, кто их нашёл и мне скажет. Всё же у него отец тоже из «Питера», и я его лечу бесплатно! Таким образом, он как бы расплатится ключами за лечение и за своё «родство» с русскими! Я уверен, что если он их взял, то мне отдаст! А главное поможет ему и ключи вернуть и лицо сохранить!». «Нет, это не по психотерапевтически!» – сморщили носы упрямые психологи и, в особенности, Зибенкотен – Это вгоняет пациента в регрессию! Это хитрость и нечестно по отношению к больному! Это его никак не развивает, не конфронтрует с его проблемами!». Только Хагелюкен был со мной согласен, он больше остальных хотел ключи, а не чистую психологию! И знал, что Шнауцер ему за утерянные ключи голову, наконец, оторвёт, и правильно сделал бы, т.к. моя жена эти ключи, бесхозно лежащие на столе, в коридоре видела. «Я не взяла их, чтобы отдать в регистратуру, считая, что кто-то специально положил из сотрудников», – сказала мне жена. Конечно, я это не сообщил идиотам! «Вообще-то, я с ним немножко согласен», – произнёс нерешительно главный врач Зауэр, кивнув в мою сторону. «Так, мы ничего не теряем, – успокоил я коллектив, – если у меня не получится, то все ваши варианты ещё применимы! А вот, если вы напугаете больного, оскорбите его, то если он даже взял, скорее выбросит от страха, чем отдаст!». Все как будто согласились с моими доводами. «Быстрее, спасайте клинику! Бехзаду плохо, он сейчас всех убьёт!» – разбудила меня ночью перепуганная медсестра. «Почему – Бехзаду плохо?! Это другим плохо! – поправил я ее. Сбежав по лестнице в вестибюль, увидел сидящего на полу Бехзада. Он стучал кулаком по полу и громко орал, как будто объявил джихад: «Убью, всех убью! Зибенкотена убью!». В углу прижалась кучка не спящих ещё больных, из нескольких немецких мужчин и женщин! Они боялись, что-либо сказать или пошевелиться, чтобы иранец Бехзад не привёл в исполнение свой «джихад». Медсестра закрылась на ключ в сестринской! Один иранец вогнал в страх всю немецкую клинику! Быстро подойдя к Бехзаду, взяв его под руку, сказал: «Пойдём, расскажи, что произошло!». Бехзад поднялся, и пошёл на полусогнутых, как ребёнок в детский сад, продолжая кричать, что всех убьёт. Чувствовалась в нём звериная сила – вес больше центнера! «Откормился на русских хлебах!» – сказали бы в России! Повёл я этого дикого барана в сестринскую! Проходя мимо пластиковой двери, Бехзад не забыл уда-

речь по ней кулаком, да так, что стенка зашаталась, и стекло разлетелось вдребезги. Такой же удар пришёлся и по сестринской двери! Это не успокоило, а ещё больше напугало медсестру. «Откройте, мы к вам хотим с Бехзадом», – попросил я. Перепуганная немка приоткрыла дверь, и ей повезло, что успела отскочить от неё! Бехзад ещё раз ударил по двери. «Всё, успокойся! – сказал я ему твердо. – Завтра я во всём разберусь! Что с тобой случилось?». «Зибенкотен сказал, чтобы я ключи отдал, и он знает, что я их украл! – орал Бехзад. – Я убью его, убью Зибенкотена!». «Да, да, – подтвердила медсестра, – Зибенкотен сказал это в коридоре, когда уходя домой, встретил по пути Бехзада». «Я не украл! Клянусь, не украл!» – плакал Бехзад. «Знаю, что ты не украл! Завтра я с Зибенкотеном разберусь!». «Когда вы меня попросили, чтобы я ключи искал, то клянусь, искал их, но не нашел». «Я знаю, если бы думал что ты их украл, я бы тебя не попросил их найти! – объяснил я Бехзаду. – А сейчас один укол, чтобы ты успокоился, и я сам завтра разберусь во всём!». Медсестре велел набрать в шприц 5 мл диазепама. На расстоянии подала она мне шприц, боясь подойти к Бехзаду, как к раненому зверю. Закатал быстро Бехзаду рукав, и ввёл внутривенно диазепам! Через пару минут, Бехзад мирно храпел в сестринской! Пришлось его в соседнюю комнату – электрокардиографии вынести. Больные видели, как я Бехзада отвёл, а через пять минут его вынесли «мёртвого»! Все были в восторге – завалил такого быка! «Я сразу успокоилась, когда вас увидела! – сообщила мне пациентка, которой проводил гипнотерапию. – Поняла, что вы всё сделаете и нас спасёте!».

«Как вам это удалось, – спросил главврач Зауэр на следующий день на конференции, после доклада медсестры, – одному справиться с Бехзадом!». «Я ведь тоже была!» – напомнила медсестра. Зибенкотен молча отвёл глаза. «Ничего, бывает, – примирительно сказал главный врач, – Зибенкотен не хотел плохого, он хотел как лучше!». Кислее всех был телесно-ориентированный Хагелюкен, который понял, что навсегда лишился своих ключей.

Глава 4

Мина в кресле

«Моя “люляшка” соизволила уйти в отпуск! – радостно объявила Мина. – Фу, терпеть её не могу! Такая вся из себя, но оперирует она хорошо, ничего не могу сказать! Вот только не пойму, почему администрация так плохо относится к главному врачу! Он ведь очень хороший человек! Правда?». «Да ничего, действительно, хороший», – согласился я. «И ко мне очень хорошо относится! Ещё хорошая баба – Клизман, она тоже ко мне хорошо относится! Шнауцера, если честно, боюсь, да ну его к чёрту! А вот Кокиш – хорошая баба! Мне цыганка нагадала на картах, что у меня будет враг – это «люляшка», конечно! – И очень большой друг – человек за тебя будет! – сказала. – Это Кокиш, конечно! Как нагадала, так и сбылось! Вот только не понимаю, что главный врач и Клизман между собой не поделили, никак не могу понять! Оба хорошие, и он хороший мужик! Правда?». «Да, хороший», – согласился я. «И я так считаю!» – подтвердила и Мина.

«Не знаю, что делать, посоветуйте! – радостно ввалилась на следующий день ко мне в кабинет Мина. – Представляете, что Кокиш предложила: – Иди, говорит, в кабинет “люляшки” работать – занимай её кабинет! А вы, что думаете?». – «Я бы не пошёл». – «А почему?!». – «А что будете делать, когда Люлинг вернется и застанет вас в своём кабинете?!». – «Подумаешь, какая цаца! Это что, её собственность?!». «Во-первых, табличка с её именем на дверях! Да и книги, вещи её в кабинете!» – попытался я остановить «локомотив» – Барсук Мина. – «Подумаешь, нужны мне её вещи! Ведь Кокиш права! Мой кабинет внизу, а я хочу наверх на её место, тогда у меня будет своя секретарша – фрау Пирвоз! Она ведь на двоих: на главного врача и «люляшку»! А сейчас будет на меня и главного врача работать! Хочу иметь свою секретаршу!». – «Ну, тогда переходите». – «Да мне, честно говоря, как-то всё равно, будь что будет! Так, всё уже надоело! Ну ладно, потом заскачу!».

«Hallo, das ist Mina (привет, это я – Мина!)» – позвонила тут же Барсук. – «А почему по-немецки?!». – «Так я уже в кабинете у фрау Клизман! У нас к вам большая просьба! Никого, как оказалось, нет для дежурства! Не подежурите сегодня, а?». – «Зайдите ко мне, пожалуйста!» – ответил я. «Я сейчас, через 15 минут. Я тут у фрау доктор Клизман, нам нужно решить один вопрос, что с больным делать!».

«Да, это я! Ну что, подежурите?» – заскочила Мина через 5 минут. «Сядьте, и слушайте меня внимательно! – сказал я Мине, сдавленным от волнения и злости голосом. – Вы что делаете! Зачем вы мне устраиваете здесь Советский Союз в худшем виде?! Что вы меня подставляете?!». – «Ах, это вы по поводу дежурства! Так я же только спросила! Клизман меня попросила, она постеснялась у вас спросить, тогда я ей и предложила, что сама у вас спрошу. Извините, если я вас обидела, я не хотела вас обижать, если не можете подежурить, то мы с Клизман другую кандидатуру поищем». – «Вы что, не понимаете, что творите! Вы меня при ней спросили из её кабинета по-немецки! Если хотели спросить, то вы знаете «мой адрес», могли зайти, так же как сейчас, и спросить! Или если по телефону, то по-русски или из своего кабинета!». – «Да, я как-то не подумала, мне стало жалко Клизман». – «Ну и подежурили бы сами!». – «Так, я не могу!». – «Значит, вы решили меня подставить!». – «Да нет, просто не подумала, извините, если я вас обидела». «Меня нельзя обидеть, меня можно только разозлить! И сейчас вы меня разозлили! Я надеюсь, что вы поняли, и мне не придется с вами ещё раз на подобную тему разговаривать!». – «Да, да, извините. Представляете, а главный врач всё-таки сволочь оказался, оказывается, он меня не хотел! Мне это Клизман сказала, и поэтому Кокиш взяла без него». – «Он даже и не знал, что она вас берёт! Это меня он не хотел принять, он же с вами не вёл беседы перед приёмом на работу!». – «А почему меня взяли?». «Потому что я оказался дураком! – хотелось мне ей ответить, но сказал: – Потому что вас Кокиш решила взять! – объяснил

я ей, не досказав: «Чтобы с вашей помощью досадить Люлинг и одновременно главному врачу, поместив вас – ассистентку в его приёмной, как “таран-вышибалу”!».

«Не знаю, что делать, посоветуйте! – спросила Мина совета через полчаса. – Кокиш предложила мне, за деньги естественно, заниматься еще функциональной диагностикой!». – «Ну и занимайтесь!». – «А зачем?». – «Затем, чтобы Клизман была довольна и, во-вторых, если с Люлинг не поладите, то будете клинике нужны еще и в этом качестве!». – «А причём здесь Люлинг! Может она уйдёт отсюда раньше меня!». «Может быть, но кто вам тогда даст характеристику, что вы прошли специализацию?! Ведь только она имеет право ее дать для Drztekammer (врачебная палата)! Иначе, вам не засчитают один год специализации, и вы не сможете сдать на специалиста – Facharzt(a)! Вы должны быть заинтересованы, чтобы она хотя бы еще год продержалась здесь!». «Так пусть будет, на здоровье! Я никому не враг и мне её даже иногда жалко, когда Кокиш её унижает! Но, знаете, мне как-то ничего не охота, и знаете, я ведь электрокардиограмму не понимаю!». «Тогда зачем спрашиваете? Соглашайтесь на осмотр больных». – «Почему же, я могу почитать об электрокардиограмме! Что, разве это сложно?!».

«Сможете ли вы расшифровывать электрокардиограммы, пока фрау Пусбас в отпуске?» – спросил Зауэр на следующее утро Мину на конференции. Мина «взяла листок бумаги перед ртом», по выражению Клизман, т.е. промолчала. «Можете?» – повторил вопрос главный врач Зауэр. «Хорошо, попробую», – негромко произнесла Мина. «Попробую! Но вы умеете это делать? Работали в этой области, есть опыт?» – спросил Зауэр. «Нет, но постараюсь», – совсем тихо ответила Мина. «Как это «постараюсь»! – не понял главный врач Зауэр. – Умеете или нет?». Мина, натужившись, посмотрела на меня, как абитуриент на вступительном экзамене, жаждущий спасительной подсказки от соседа, а то вот сейчас «случится...»! Но я не знал, что ей подсказать. Наконец, Мина выдавила: «Не умею, но попробую». «Нет, так не годится, так не пойдёт!» – непонимающе посмотрел на неё главный врач и отвернулся. «Ладно, – продолжал он, обращаясь к Клизман, – кто будет проводить осмотр больных при поступлении, пока Пусбас в отпуске?». «Вот она – фрау Барсук!» – указала Клизман на Мину. «Нет! – сказал главный врач. – Кто-нибудь другой!».

«Вот негодяй – сволочь, тьфу на него! – возмущалась Мина после конференции. – Недаром его не любят! Он мне сразу не понравился! И что он ко мне прицепился?! Вот Клизман хорошая баба! А я уже в кабинете “люляшки”! И, конечно, мне там намного лучше, чем в моём прежнем! Сколько пространства! Кресло такое – одно удовольствие! И, честно, мне уже надоело сидеть на стуле в моём прежнем кабинете, такой же, как у вас! Зайдите ко мне, посмотрите какой у меня теперь прекрасный кабинет! Так, честно говоря, всё мне надоело и всё равно – будь что будет! Заходите, пойдёмте сейчас», – обратилась Мина к моей жене. «Ну, пойдёмте», – согласилась та. Проскочив в свой кабинет, раньше нас обоих, Мина тут же забралась в кожаное кресло с большой тесненной спинкой, и сразу стала похожа на свою «люляшку», только толстую «люляшку» – из Оша. «Тут у неё столько хлама, я бы половину выбросила!» – указала она на стол и полки на стене. «Так это же книги!» – удивилась жена. «Ну и что, зачем они нужны, что на работе читать? Только пыль собирают! Я бы лучше цветов побольше понаставляла!». «Здесь же должно быть стерильно – инструменты! Люлинг больных смотрит здесь, в кабинете!» – возразила жена. «Так пусть смотрит больных внизу, подумаешь барыня! – возмущилась Мина. – Кстати, надо сказать секретарше Пирвоз, – как бы вспомнила Мина, – пусть принесёт мне из сестринской истории болезней! “Люляшка” всегда её заставляла это делать, а ну-ка – позвоню сейчас!». «Халлё, это я – фрау доктор Мина Барсук! Ания, принеси-ка мне историю болезни на больного Либиха!». «Посоветуйте, что мне делать, – после указания секретарше обратилась тут же ко мне Мина, – вы ходите, я знаю, на конференции руководящего звена клиники! На них, когда была, и моя “люляшка” ходила, но её сейчас нет! Значит, получается – теперь я должна вместо “люляшки” ходить? Я, ведь, сейчас главная Kцргерarzt (врач по телу, в отличие от Seelenarzt, врача психиатра, психотерапевта – по душе)!». – «Это вам надо?

Я бы сам с удовольствием не ходил, если бы не обязали!». «Но конференции ведь Шнауцер или Кокиш ведёт, а я хочу знать линию руководства! – возразила Мина. – Хорошо, я разберусь – попрошу Кокиш разрешить мне вместо “люляшки” ходить!».

Но что-то сорвалось у Мины Барсук и сегодня Кокиш, в её отсутствие, у всех на конференции по очереди спросила: «как дела», а когда очередь дошла до отделения общей медицины, у Клизман спросила: – А как дела у Мины Барсук?. «Неплохо, даже хорошо, намного приятнее Люлинг! И такая очень активная и общительная!» – заверила Клизман Кокиш. «Да, она очень смешная, – согласилась секретарша Пирвоз, – но в последнее время вытворяет невозможное, ещё хуже Люлинг! Очень стала важной!». «Вот и хорошо! – обрадовалась Кокиш. – Это нам и надо, чтобы она справилась с Люлинг! Может, она единственная, кто справится и вытеснит Люлинг!». «Но Шнауцер очень ценит Люлинг!» – съехидничала Пирвоз. От этих слов Кокиш окосела и крепко сцепила челюсти, как бы захватила ими тонкую травинку – Люлинг.

«Доктор, у меня глаза чешутся и слезятся», – поплакалась восьмидесятилетняя старушка, придя ко мне на акупунктуру и гипноз. Поняв, что это не инфекция, а аллергия и больной, с такими ощущениями, будет тяжело расслабиться в гипнозе, побежал в отделение, где мази хранились. Любой врач имеет право больному немного мази выдать! Набрал немного мази, и я для «слезящейся» старушки, как сзади раздался «милицейский» бдящий глас: «А вы, что здесь делаете?!» – застучала меня на месте «преступления» доктор Барсук. «А, это для фрау Майер, немного мази ей дам», – попытался я свой «поступок» оправдать. «А зачем?». «Чтобы помочь бедной старушке», – пояснил я свой непонятный альтруизм Мине. «А вы знаете, что мази не всегда помогают, и не всегда обязательно мазь давать!» – строго, как её учительница Люлинг, поучила меня Мина. «Да вроде знаю», – улыбнулся я. «Пусть фрау Майер ко мне придёт на приём!» – скомандовала Барсук Мина. «А вы что, и окулист тоже?!» – удивился в свою очередь я. «Мне ведь надо тоже, что-то делать! – возмутилась в свою очередь Мина. – Мне же надо свою работу записывать!». «И когда прийти к вам, несчастной?». «Не знаю, пусть раньше сходит в сестринскую и там запишется в книгу, а я потом назначу ей дату осмотра! Ой, вот эта больная мне как раз и нужна! – обрадовалась Мина, увидев проходящую мимо дверей пациентку. – Фрау Бах! – «бабахнула» ей вдогонку Мина. – Вы, почему ко мне не пришли?! Я же вас назначила!». «Была групповая психотерапии в это время, – оправдывалась Бах, – а нам сказали, что группа важнее “одиночных” методов». «Кто вам такую чушь сказал?!» – возмутилась Мина. – «Главный врач сказал, и такие правила во всех психотерапевтических клиниках». «А ну-ка, ab sofort (немедленно) – в мой кабинет! – прогремела, как гром среди ясного неба Мина. «Вот сволочь, этот главврач, тьфу на него, мешает работать!» – подвела черту Мина и удалилась, забыв про больную с мазью, а старушка у меня всё же мазь получила, чтобы в очередь к «ошанке» не стоять.

«Всё же придется Мину сильно побить! – пообещал я жене. – Побью “ошанку” – эту!». «Да, она заслужила», – согласилась жена.

Но прежде, на рождество привычно досталось дежурство. «Соберёмся вечером в столовой, приходите тоже. Нужно ещё доктору Розенкранцу сказать, чтобы пришёл, и вы приходите обязательно! – сказала Кокиш и лукаво добавила: – Было бы хорошо, если бы и главврач пришёл!». И как бы чувствуя, что его тоже «хотят», пришёл и Зауэр. Человек 15 собралось в столовой: кто-то пил кофе, кто-то что-то ел, кто-то просто что-то пил. Появился один из больных – попик евангелический, которого я не один раз уже исколол и загипнотизировал, но сейчас он пришёл являть своё искусство. Сел за рояль и тут же: «динь-динь, динь-динь, глин-глин, глин-глин, глэк-глэк, глэк-глэк». В общем, хорошая привычная песенка для немецких детей на рождество – «фольклоре». Затем попа немецкого убрали, а вместо него принесли две коробки немецкого вина, по три бутылки в каждой, и ещё зачем-то одну плоскую коробку с детской игрой для общего развития – с разными пластмассовыми чёртиками, гномиками и прочей нечистью.

«Дорогие друзья! – начала торжественно, как Шнауцер, но звонче, Кокиш. – Мы здесь собрались в уютной обстановке и я благодарю тех, кто пришёл! И это говорит о том, что они интересуются клиникой и её жизнью! А сейчас, я хочу всем сделать от имени руководства клиники маленькие подарочки! Вот вам, наш дорогой – доктор Розенкранц! – и старик, получив коробку с вином, расплылся в довольной улыбке, показав свои вставные челюсти. – Вот вам, доктор! Спасибо, что согласились подежурить в такой день! – и я получил «по заслугам» такую же коробку, и сделал то же, что и Розенкранц, но только со своими зубами, и тоже остался доволен. – А это вот, главному врачу – доктору Зауэру, спасибо и ему», – и Кокиш отнесла Зауэру детскую игру для недоразвитых и недорослей. Лицо у главного врача искривилось от неожиданности, как у ребёнка при детской неожиданности. «А это всем остальным!» – закончила обряд дарения Кокиш, и все остальные получили по заслугам: кто по чёртику с ёлочкой, кто по ёлочке без чёртика, а кто и по чёртику без ёлочки! Повертев игру в руках, главный врач встал и поплёлся к выходу, оставив игру на столе. «Он и этого не заслужил!» – вдогонку весело сказала Кокиш, когда Зауэр ушёл. Она осталась очень довольна своей выдумкой, в которой, конечно, поучаствовал и Шнауцер.

«А что вам дали?» – спросила Мина, догнав меня в коридоре, держа в руке одного из чёртиков с ёлочкой. «О! Как вас наградили! И я бы не отказалась от такого дара! А главному врачу, так ему и надо! Знай наших!» – сказала Мина. «Кого это наших?» – спросил я. «Ну, Кокиш и Шнауцера! Бедную Кокиш доводит эта сволочь – главный! – разъяснила Мина. – Так её жалко, такая хорошая баба! Что он никак не успокоится?! Ну ладно, побегу, пока! Счастливого дежурства! Представляете, Пусбас меня попросила на Новый Год подежурить, но я не буду, что вдруг! У нас же это праздник! А вам повезло, что сейчас дежурите, зато не будут приставать на Новый Год!».

Видя, как «легко» мы с женой работаем: много больных, много денег ему приносим и ещё иногда нас встречает в вестибюле по пути в туалет, Шнауцер подсчитал, что много денег упускает! Если бы мы работали, не выходя наружу, в том числе и в туалет, то он бы ещё больше разбогател.

«Как дела, докторэ! Усыпили уже всех больных в гипнозе, и теперь делать больше нечего?!» – назойливо, почти по-итальянски, приставал Шнауцер в вестибюле. «Шнауцер очень примитивен! – специально, признался я Кокиш, так как был не против, чтобы она передала ему моё мнение о нём. – Он, как в Советском Союзе один сатирик сказал: “Если бы к ногам каждой балерины мотор подсоединить, который бы она, танцуя, одновременно и ногой крутила, то могла бы и ток ещё вырабатывать!”» – пояснил я Кокиш мечту Шнауцера. «А вы ему скажите, – посоветовала провокаторша Кокиш, – он любит, когда ему прямо говорят». «В этом я не уверен, но скажу и не далее как сейчас!» – пообещал я Кокиш, увидев через окно у неё в кабинете, что Шнауцер на своей машине подкатил. «А, докторэ, как дела?» – по-итальянски, как он считал, поприветствовал Шнауцер, когда он на кого-то злился. «Очень хорошо, только мне надо с вами серьёзно поговорить!» – остудил я «итальянца» Шнауцера. – «Что, сейчас?!». – «Да, пока больные спят!». – «Слышишь, Силке, доктор хочет со мной поговорить. Где, у меня или у вас?». «Можно у меня», – согласился я. – «Силке, я скоро вернусь. Да, ведь, доктор?». «Я надеюсь», – пообещал я Шнауцеру. «У меня такое чувство, – начал я, – что вы не понимаете, что такое гипноз! Сколько энергии и труда это занимает, если в день до 20 больных и ещё акупунктура, и беседы! Моя мать, как и отец, родом были с Украины, нередко она его упрекала, что он мог бы дома больше помочь ей после работы, так как у него лёгкая работа – учителя! На что, он ей отвечал по-украински: – «Що такэ молотыты?! Цэ ж легко – ланцюг пидняв, ланцюг опустыв... Ланцюг пидняв, ланцюг опустыв...», – перевёл я Шнауцеру, как мог, на его родную мову. «Конечно, доктор, я понимаю», – тупо заверил Шнауцер. – «Но ваши постоянные реплики: «всех усыпили, а сами гуляете», говорят о том, что не понимаете!». – «Ах, доктор, я вижу, вы юмора не понимаете». «Очень понимаю, но ваш

юмор особенный, этот юмор связан с деньгами, а тут бывает не до шуток! Больше, чем я делаю, делать я не могу, будет халтура и больные разбегутся! Сейчас больше врачей для акупунктуры, чем пациентов, и праксисы врачей не ломаются от избытка больных! То, что к нам больные ходят непросто даётся! Завоевать авторитет требуются годы, потерять его – пару дней!». «Да, конечно, я очень хорошо всё понимаю, и поэтому вас купил и очень ценю, жалко только, что вы ещё психотерапию не проводите! Вы ведь лучший психотерапевт, и клиника теряет такого психотерапевта!». «Ну вот, а вы говорите, что шутите! Только что я сказал, что вы считаете, что я могу больше делать, чем делаю, и вы опять за своё, а говорите, что понимаете!». «Вот, доктор, что меня волнует! – сказал глубокомысленно Шнауцер, слегка напрягая узкий лобик. – Если с вами, что-нибудь случится – заболете, скажем, кто вас заменит? Я останусь без врача, ведь вас некому заменить!». – «Во-первых, я не собираюсь исчезать!». – «Но, заболете?!». – «Тоже не собираюсь!». – «Но всё может случиться!». – «Моя жена заменит, или возьмёте из ближайшего праксиса врача для акупунктуры, их тысячи!». «Нет, этой глупости я не сделаю! Во-первых, они, как вы сами сказали, разгонят всех больных, а во-вторых, кто останется – заберут себе! Скажу вам честно, доктор, я очень не люблю, когда от кого-то завишу, я не люблю незаменимых людей!» – зловеще подчеркнул Шнауцер. – «Что же вы предлагаете?». «Чтобы вы, например, подготовили себе ассистента, любого на свой выбор, хотите – русского! Но научите его, как вы работать, делать акупунктуру! Вам же легче будет! А русские, я понял, самые лучшие врачи!». – «Чтобы они со мной сражались, и мне было не до акупунктуры и гипноза, а затем меня вытеснили?!». – «Нет, вас я не уволю, вы будете до пенсии у меня работать! Подготовьте себе замену, тогда сами могли бы психотерапией больше заниматься, или если не хотите русского, возьмите молодого немца и научите его!». – «Я не гомосексуалист!». – «Причём здесь гомосексуализм, можно и женщину!». – «У меня уже одна есть!». – «Сказали, что вы так хорошо одеаетесь! Есть у вас любовница?». – «Есть». – «Да, есть?!». – «Да, жена! Кстати, она мой лучший ассистент и работает ежедневно, и все за 300 евро!». «Ладно, доктор, вы напрасно так подумали, но об ассистенте подумайте!».

«Съездим в отпуск, иначе он пропадет!» – предложил я жене. Январь месяц, везде холодно, кроме одного места доступного и относительно близкого – Канарских островов. Решили: «Отправимся на Канары!» – как сказали бы в России. Очень тянуло с юности в эти загадочные края с вечной весной, где, наверное, много канареек и все при этом поют.

Утром с двумя спортивными сумками сели в такси. «Ой, подождите, я забыла отключить холодильник!» – вспомнила жена. «Плохой признак – вернуться с полпути домой, сказали бы в народе», – подумал я. Таксист повернул ключ зажигания, мотор почему-то не завёлся, он повторил попытку и вновь осечка! «Ничего не пойму!» – тихо сказал он. До регистрации в аэропорту оставалось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы доехать. Перегрузив вещи в другое такси, поехали в аэропорт. Жена молчала, но по её виду понял, думает то же самое, что и я. «Что-то нехорошее может произойти, хотя и необязательно конечно, лишь бы долететь! Неохота в океан свалиться, холодно, а острова именно в Атлантическом океане находятся, даже не в море! Никогда в океане не приходилось купаться!».

Вопреки ожиданиям, в аэропорту всё было без проблем, и доехали до него без проблем! И даже долетели, к удивлению, хорошо, только долго – 5 часов! Как когда-то из Москвы в Душанбе. «Всё нормально, все эти суеверия – ерунда!» – приятно удивился я. «Но ведь впереди предстоит ещё обратный полёт!» – шепнул мне кто-то изнутри, но я его тут же послал к чёрту. Из аэропорта сели в специальный автобус, и поехали к месту отдыха в Гран-Канария. По радио испанская речь слышится как «патриа о муэрте» или «но пасаран». Если б не речь, мог бы подумать: нахожусь в Таджикистане, шофёр тоже чёрный, как таджик, но испанец. – «Всегда нахожу похожесть с виденным ранее, даже если ее нет!». Доехав за полчаса до трёхзвёздочного отеля на берегу Атлантического океана, приступили к отдыху! Было плюс 21 градус и это обычная температура для этого времени. Уже по пути было всё сказочно, красиво и непри-

вычно. Холмы, много кактусов, цветов на склонах, черный песок на побережье – Канарские острова вулканического происхождения. «Хорошие куски отхватила себе маленькая Испания! У русских был один Крым, и то киевляне отобрали! Бедная холодная Россия! А здесь, так всё красиво и тепло! Ощущение было, как будто уже в рай попал – до обратного полёта! Хорошо бы, действительно, не попасть...! Пока жить ещё охота! И отпуск на Канарских островах, вроде бы, заслужил! Как хорошо было бы, если б брат, отец и мать сейчас тоже были здесь! И они тоже заслужили в жизни больше увидеть, чем увидели!» – все это пронеслось у меня в голове. Стоя на балконе гостиницы, представлял себя на балконе нашей квартиры в Душанбе, и казалось, что внизу идёт отец, но это всегда оказывался испанец. Такие чувства, помню, посещали и брата, когда он попадал в какие-нибудь хорошие места. Он старался, чтобы и мы: я, отец и мать это увидели, и организовывал общие поездки в такие места. Отдых проходил приятно на фоне полного расслабления. Старались меньше загорать, больше двигаться. На набережной, обходили стороной местных пристава, которые искали, почему-то только немцев – Deutsche, считая их очевидно лохами. Интереснее всего, что приставали с этим дурацкими вопросами и ко мне: «Deutsch – немец?». Вначале я отвечал: «Да, а что похож?». Дураки соглашались, что похож и, считая нас дураками, предлагали поиграть в лотерею, обещая крупный выигрыш! Тогда я объявлял, что поиграл бы, но, к сожалению, русский, и они отставали. Жена не влазила в игры, Питер её поучил, что такое «лоходром». Каждый день видели русских и одну семью из дружественного Татарстана. Я их сразу «уличил»! Опыт учёбы акупунктуре в Казани пригодился. И ещё один русский, важный, толстый, как барин, расхаживал в халате по набережной. Его сопровождал худой, слуга или крепостной, которому, как удалось по обрывкам фраз уловить, барин пояснял тяжкое экономическое положение России. По его жирной физиономии и важности, было ясно, что чем хуже становится в России, тем лучше ему. Затем увидели двух «братков», которые кого-то или охраняли или, наоборот, приехали кого-то «опустить»! Вот, и все встречи с земляками. Остальные: важные нудные немцы, несколько весёлых итальянцев, и ещё чёрт знает кто! В публике чувствовалась, какая-то агрессия, на набережной никто не сторонился, пёрли прямо, как на буфет!

Все старались захватить хорошие пространства, где меньше людей, но их было везде полно. И мы искали. Ничего лучшего не найдя, увидели маленький островок – участок чёрного песка с камнями, где казалось, можно было посидеть в относительном спокойствии. Только стали приближаться, как из-под какого-то камня выползла «старуха Шапокляк» с собачкой на цепочке. Отпустив паршивую собачку с цепочки и разобравшись, что мы не немцы, Шапокляк решила нас припугнуть собачьей и своей вставной челюстью: «Hund beißt, beißt!» – показала она нам свою вставную пасть, как она и собачка это делают! Пришлось и мне показать, как я это делаю. У себя дома немцы собачек держат на цепочке, боятся, чтобы те кого-то не укусили – платить придётся! А здесь ещё и натравливают на нас «испанцев»! Это их земля, а не они у нас – «испанцев» в гостях! Открыв свой рот, зарычал «по-русски» и, показав свои ещё острые и не вставные клыки, пошёл на собачку в атаку, приговаривая по-немецки: «Ich beiße aber sehr gerne und sehr schmerzhaft (я, однако, кусаюсь очень охотно и очень болезненно!). Ich werde stark zubeißen (я сильно укушу!)». Услышав, а главное, увидев всё это, собачка поджала свой вонючий хвостик! Она и не думала даже кусаться! А вслед за ней и Шапокляк перехотелось нас кусать, и мы отвоевали этот кусочек испанского побережья! Как говорят немцы: «ein bisschen Spaß muss sein (немножко шуток обязательно!)».

Наш трёхзвёздочный отель располагался в центре зоны отдыха, вокруг было много магазинов, и мы их посещали от нечего делать. В одних торговали чёрные испанцы, в других тоже чёрные, но не испанцы, а пакистанцы. У испанцев было все дорого, а у не испанцев на редкость дешево! Видеокамера стоила 150–200 евро. Почему бы ни сделать подарок детям, решили мы. Продавцы, их было двое, очень оживились и мгновенно согласились, вместо 200, видеокамеру за 150 евро продать! Чувствовалось, что и на меньше согласились бы. «Почему так дешево?» –

поинтересовался я. «А здесь свободная торговая зона!» – пояснили торговцы, показывая запылённую камеру с прилавка. «Хорошо, дай нам только новую и в упаковке» – согласился я, заметив, что эта какая-то разболтанная и хлипкая, как детская игрушка. «Давай, плати! Деньги давай!» – как грабитель Мутко в Берлиचेва «на заре моей туманной юности», уже требовал пакистанец. «Дай раньше камеру в упаковке», – вместо того, чтобы в морду, как в Бердичеве дать, культурно предложил я. «Её здесь нет, – наивно объяснили мошенники, – сейчас принесём, через 15 минут, плати!». – «Так, за что платить?!». «Она далеко! – показали пакистанцы в сторону Китая и одновременно в сторону Пакистана, понял я. – Она в другом магазине, мы её сейчас принесём». – «Вот, когда принесёте, тогда и заплачу!». Видя мою несговорчивость, пакистанец стал предлагать другую камеру, тоже без упаковки: «Эта камера намного лучше той!» – показал он брезгливо на ту, которую, только что нахваливал. «А та – предыдущая плохая?» – спросил я. – «Очень, очень плохая – плохо видно, мало пиксель! И к ней нужно докупить ещё многое, чтобы что-либо увидеть!». «Ещё одну камеру – настоящую Sony?» – спросил я. Конечно, пакистанец не понял моей шутки, и продолжал расхваливать это дерьмо, которое лучше предыдущего дерьма, и которое он до этого, как не дерьмо хвалил. «Давай эту купим, хоть и дороже, но лучше!» – предложила жена. «Нет, мы у них уже ничего не купим! – твёрдо сказал я себе, а жене озвучил: – Лохи остались в Питере!». «Давай, давай! Покупай, бери!» – стал хватать меня мошенник за руки. «Через 15 минут приду, только за деньгами схожу! У тебя же нет камеры при себе! – объяснил я ему. – А у меня денег нет при себе!». Пакистанец на меня так же недоверчиво смотрел, как и я на него, когда он обещал камеру через 15 минут принести. Врун вруна понял! После пакистанцев зашли к испанцам в магазин. – «Почему у вас дорогие камеры, а напротив дешёвые?». «Покупайте у пакистанцев, – раздражённо, но тихо, чтобы их не услышали пакистанцы, ответили «бывшие гордые» испанцы, – покупайте их дешёвые подделки». «Вот тебе и колониальная держава! – подумал я. – Сейчас сами превратились в колонию! Боятся своих рабов – бывших! Бедный Колумб, чтобы он сказал!».

Закупив подарки помельче, через 10 дней сели в самолёт, летящий в Германию, и самое странное – он тоже нормально долетел. В этот раз всё было благополучно, доехали нормально! Расслабились ещё два дня и 22 января приступили к работе. И здесь было всё нормально: «О, как вы загорели – хорошо выглядите!» – завистливо воскликнула старуха Резенкранц из Рецепцион (регистратуры) – «Вот и верь в приметы после этого!» – отметил я. Жена ушла вечером домой, а я остался, как всегда, дежурить! Больных ко мне было много. А тут позвонила ещё одна пациентка – «банковская тётка» с колитом и болезненным анальным отверстием: «Срочно прошу принять, приехала! Вернулась с курорта! Срочно нужно обсудить с вами одну проблему! Нужна только беседа, акупунктура необязательна!». «Приходите, раз срочно!» – пришлось согласиться. «Подлечила, видать, свои органы на курорте и муж, наверное, уже не нужен!» – подумал я.

Увидел Шнауцера, решил порадовать и его – «armes Schwein (бедную свинью)», по определению Кокиш, вручил ему сувенир из Канар! Кокиш уже свой дар утром получила! «О, как красиво – «wunderbar (великолепно)!» – восторгалась Кокиш дарами Испании. И Шнауцер, хоть и известная свинья, и небедная свинья, надо сказать, тоже обрадовался, зайдя ко мне в кабинет. Он, по-собачьи, с нетерпением разорвал зубами упаковку и тоже остался доволен. «Ну, как отпуск, доктор?» – резковато, без итальянского «докторэ», спросил Шнауцер! «От злости забыла свинья итальянский, и хрюкать по-немецки будет!» – понял я. «Доктор, вы очень хорошо выглядите – загорели и, конечно, хорошо отдохнули, но я должен с вами очень серьёзно поговорить! Я рад, что вы хорошо отдохнули! Где вы, кстати, были? А, на Канарских островах, а в каком месте? А да, знаю! Я там тоже был, когда-то отдыхал. Вы отдохнули, доктор, а я потерял 5 тысяч евро!». – «Что, украл кто-то?!». – «Мне не до шуток, доктор, 5 тысяч я потерял из-за вашего отпуска!». – «Это говорит о том, что я для вас много зарабатываю, если за 10 дней потеряли 5 тысяч. Но всё равно моя зарплата в несколько раз меньше того, что вы получили за

остальные 20 дней этого месяца». «Я, доктор, вас купил, в первую очередь, как психотерапевта, чтобы главного врача вытеснить! Я на вас большие надежды возлагал! Если бы вы были психотерапевтом, то вас кто-нибудь замещал бы, и не было бы у меня потерь!». «Но тогда, я зарабатывал бы для вас в три раза меньше! И вы же сами хотели в клинике иметь дополнительно два метода – акупунктуру и гипноз, которые привлекают многих больных! Центр просили меня создать и в проспекте клиники, и в Интернете, и в прессе – везде об этом сообщили! Многие больные пришли в клинику только из-за этих методов». «Доктор, мне этого ничего больше не надо! Мне не нужен центр по китайской медицине, ничего не нужно! Мне не нужно от вас быть зависимым, я этого очень не люблю! Больше всего я этого не люблю, доктор! Вы будете делать то, что я вам скажу! Если хотите, пожалуйста, в своё удовольствие, параллельно делайте ещё акупунктуру с гипнозом, но одновременно с психотерапией! Ведите хотя бы 10 психотерапевтических больных!». – «У меня их до 20 и больше!». «Нет, не надо! Подумайте, доктор! Я хочу, чтобы вы работали, но на моих условиях, а за подарок спасибо, доктор!» – подытожил Шнауцер, унося с собой дар с Канарских островов. – «Ну ясно, как я и предсказывал: когда он со всеми врачами рассчитается, то за следующего возьмется! И вот теперь, я очередной – десятый или девятый, хотя и не чёрный негр! Он должен постоянно кого-то жрать – эта «арме швайн (бедная свинья)!». Жаль только, что протянул всего лишь восемь месяцев, до года не дотянул, чтобы нормально по безработице пособие получать!». «На закуску», привалила банковская страданица после курорта. «Доктор! – начала она тоже серьёзно, но в отличие от Шнауцера сама была напугана. – Я не знаю, что делать, доктор!». – «А, что произошло?». Разговаривал с ней уже в восемь вечера, чувствовал какую-то разбитость. «Я не знаю, что с мужем делать?». «На курорте что-то лучшее нашли?» – опередил я её. Перепугано на меня посмотрела: «Ich bin frisch verliebt (Я недавно сильно влюбилась!), но не знаю или новый лучше, поэтому к вам и пришла за советом!». – «Кто он, немец?». – «Нет, словенец». – «Кто по профессии?». – «Безработный». – «Женат?». – «Нет, был два раза». – «И хочет на вас жениться?». – «Да». – «А вы?». – «Не знаю, боюсь». – «Есть его фотография?». – «Да, вот!». На меня с фото смотрел большой «пузатый, как мешок», одутловатый, выползший, очевидно, из канализационного люка. «Пьёт?» – спросил я строго. – «Нет». «Но, пил!» – сказал я. – «А что, видно?!». – «Мне да, и у него цирроз печени». «Да», – изумленно подтвердила колитница. – «А муж знает?». – «Да, я ему сказала». – «А он?». – «Переживает». – «Готов простить?». – «Да». – «Вы этого – нового, любите?». – «Не знаю, но с ним нескучно. Он умеет с женщинами обращаться, то что я никогда не чувствовала от своего мужа, который только или с компьютером, или на спортивных тренировках, или со своими друзьями. Хотя всё для меня готов сделать, все заботы о доме и финансовые дела взял на себя. Я, как за каменной стеной! Построили дом, всё есть, и вдруг почувствовала, что несчастна!». – «Я вас, когда-то вначале спросил: “как с мужем?”. Вы сказали, что никаких проблем!». – «Да, я сама себя обманывала, я, действительно, считала, что всё хорошо». «Но этот не новичок! У него уже побывали две жены до вас! Это только жён и, как минимум, столько же не жен! Не исключено, что и вы очередная, но не последняя, что тогда будете делать? Мужа уже не будет! Если бы тот жил поблизости, то вы могли бы и с ним встречаться – узнать поближе, и мужа сохранять! – И рыбку съесть и на х^{*}й съест! – про себя подумал я, а вслух сказал: – Судя по вашему мужу, с ним это возможно, не заметит! А так, через одну неделю вы купите “кота в мешке”! – Вернее, “мешок с котом”, – вновь про себя подумал я, а вслух сказал: – Любовник всегда лучше мужа, пока не становится мужем!». – «Я всё это понимаю». – «А как с колитом?». – «Знаете, стало лучше». «А с мужем не можете наладить отношения? – (чтобы колит не беспокоил) – про себя уже отметил я. – Пусть муж ко мне придёт, а пока советую не спешить». «Спасибо», – разочарованно произнесла на прощание колитница. «Хоть колит подлечила! Придётся и другим 3 раза в день словенцев при колите назначать!» – понял я.

«Доктор, новый больной поступил, хочет с вами обязательно побеседовать! Впечатление такое, что может с собой что-то сделать!» – позвонила медсестра. «Хорошо, пусть зайдёт», – согласился я и в этот раз. «Беспереывная работа с утра, а сейчас уже девять вечера и это всё на фоне Шнауцера!» – отметил я с внутренним раздражением, но на угрозу самоубийства надо реагировать! Зашёл длинный, худощавый, громко без умолка тараторящий, взбудораженный, как кипятком ошпаренный – сорокадвухлетний мужчина. «В чём проблема?» – спросил я его. «Жену застал с любовником в нашей общей постели! Неожиданно для неё вернулся раньше срока из командировки, и увидел в моей постели четыре ноги! – красочно выразился рогносец. – Она при этом, нагло себя ещё вела и её любовник тоже. У нас общее дело – бизнес, и я так быстро не могу с ней порвать! С другой стороны, видеть её не хочу!». – «Есть мысли о самоубийстве?». – «Есть, но думаю, не сделаю этого». – «А как это осуществить хотели, лекарствами?». – «Нет». – «А как?». – «С балкона прыгнуть». В течение часа беседы удалось убедить, что повезло ему больше, чем его сопернику! Скоро его соперник, как и он, увидит 4 или даже 6 ног в постели! Его жена будет и с третьим, и с четвёртым и т.д. А про себя, отметил: «Опять закон парных случаев! Сегодня, в один день, увидел жену изменницу, и мужчину, которому изменили. Банкиру ещё повезло, что четыре ноги не увидел, две из которых – словенские! В России, наоборот, чаще встречал женщин жертв или, вернее, себя за них выдававших! Русская ни за что не признается, что изменила. А в Германии, пожалуйста, не успела ещё, как следует изменить, только колит слегка подлечила и уже объявляет мужу! Попробуй здесь помощи!». Но этот пациент похож на гомосексуалиста, интересно, похож ли муж банкирши! Или не только похож, но и явный?! Посмотрю если, конечно, придёт! Немки, обычно, изменяют, если уж совсем муж не “кушает”! А русские тётки считают: “Хоть и ест, но может есть – кто получше ест?!” При этом добавляют: – Не “попробамши”, не узнаешь!». В России, как сын любит повторять (даже я этого в детстве не знал): «Не за кудри Васю любят, / Не за белое лицо: / За... с топориче, / И по чайнику...». А этот пациент как раз и кучерявый, и лицо белое, наверное, и у банкира, видать, такие же достоинства?! А, словенец, судя по фото “пиво с раками пьёт”, но чем-то угодил!».

Закончив, пока, все дела, пошёл отдыхать в дежурную комнату, на душе, конечно, паршиво. Всё-таки Шнауцер в душу насрал! Очень хотелось плюнуть в рожу этой бедной, по определению Кокиш, а вернее, убогой и жадной свинье Шнауцеру! «Вот скотина! Когда сражался с главным врачом и его сторонниками, сделал вид, что меня осчастливил! Создай ему центр китайской медицины за пару месяцев! За счёт этого, получил столько больных, столько никогда не имел, а значит и денег! Клиника поднялась! Не хочет зависеть от меня, научи ему ассистента! Идиот! Как будто, всё зависит от образования и можно, как медведя танцевать научить! Акупунктура и гипноз – это те формы, которым меньше всего можно научить, нужна интуиция и многое другое. Кто лечит по заученным схемам, ничего не достигает! Это всё равно, что кого-то научить – умным быть! Во-первых, научить акупунктуре, во-вторых – гипнозу! А в-третьих, научить быть психологом, наблюдательным! Научить разговаривать с больными! Ведь ко мне чаще всего, именно, для психологических бесед приходят! И если даже научу, то он меня тут же вышвырнет, как и до меня уже многих!» – проносилось у меня в голове.

Спал тревожно, на дежурствах, вообще, не умею спать, на утро: разбитость, апатия. После доклада на утренней конференции продолжал делать акупунктуру, гипноз. Первым пришёл вчерашний рогносец, после сеанса сказал, что сегодня намного лучше, хотя уже и после вчерашней беседы полегчало. Пошёл к себе в кабинет записать, что ему сделал, какие точки укол. Что-то мешало в одном глазу, какое-то серое пятно посередине закрывало поле зрения. Протёр глаз, пятно не уходило, понял: «Это серьёзно – острая потеря зрения всегда серьёзно! Причина, чаще – острое нарушение кровообращения, закупорка артерии глаза?! Нужно срочно к главному!». Позвонил в праксис, по телефонной книге! Согласились принять, как только

приеду, а это 15–20 минут! Позвонил жене: «Буду через 15–20 минут в праксисе, можешь туда подойти. Причина – зрение».

«Здравствуйте! – ворвалась Мина. – Как дежурство, как дела, чувствуется, хорошо отдохнули, а мне всё надоело, всё равно, будь, что будет». – «Я сейчас уезжаю к врачу». «А что случилось?» – заинтересовалась Мина. – «Серое пятно в глазу, закрыло поле зрения в центре». «А ну, давайте посмотрю», – предложила она, вспомнив, что себя и за окулиста выдавала, когда я хотел мазь для старушки взять. Или поняла, что раз не разбирается в общих болезнях, и за них взялась, то почему нельзя и за глаза взяться?! Толстые, жирные, неуклюжие пальцы впились в веки! Два дурацких глаза заглянули в мой глаз. «Ничего нет!» – уверенно сказал Мина. – «А что вы искали?». – «Пятно! Но никакой соринки, даже нет!».

Глава 5

В лапах западной медицины

Глазной врач установил тромбоз артерии: «Направлю вас в глазную больницу Дюссельдорфа! Хотя она и далеко, в другой земле, но будете мне благодарны!». Большинство больниц в Германии или евангелические, или католические! В такую меня в Зигхайме на работу взять немецкий поп – бишоф (епископ) не позволил! «Возьми отдельную палату и лечение у главврача, – посоветовала жена, – заплатим!». Отдельной палаты не оказалось, а за эти же деньги дали палату со стариком на пару – участником не «великой и не отечественной» войны. Попал в ситуацию, которую больше всего боялся – попал в руки врачей. Медсестра нудно, и не сразу, стала оформлять бумаги. Час провёл в палате, никто не осмотрел, никуда не вызвали. Надоело это безобразие, пошёл в ординаторскую, где от нечего делать, три или четыре молодые врачихи-бездельницы сидели и болтали! Объяснил им, что у меня не прыщик и требуются срочные меры. «Почему?!» – изобразили искреннее удивление, глазнички передовой западной немецкой школы – потомки Германа Людвиг Фердинанда Гельмгольца. «Потому что это тот же инфаркт, только глаза! И чем больше времени пройдёт – полностью ослепну!». «Вы ошибаетесь, это немного другое», – услышал я наглую ложь. «Я врач и всё это очень хорошо знаю!» – пришлось признаться наглым медичкам, как в Советском Союзе о них бы сказали: «изверги в белых халатах!». «Хорошо, посидите, я вас вызову», – смилостивилась одна. Прошло ещё примерно полчаса, затем «кровопийца» выпустила около литра крови из моей вены. И, наконец, подключили капельницу с гепарином и физраствором. Борьба за глаз или, вернее, борьба с глазом началась запоздало, неохотно и вяло, что и хорошо было в деле борьбы с глазом. С этих пор стал носить на плече капельницу с гепарином. «Пейте минеральную воду, – посоветовало “глазное светило”, – это иногда помогает лучше других методов». «Помогает, примерно, так же, как и эта капельница! – подумал я. – Как мертвому примочки!».

Старик в палате оказался участником войны, попавшим в своё время в плен к американцам. «Повезло вам», – сказал я. – «Почему?». «Потому что, если бы к русским попали, зрение было бы ещё хуже», – пояснил я. «Нет! – уверенно ответил, “жаждущий” русского плена. – Хуже американцев на свете нет! Они к нам в тюрьме, как к собакам относились! Сами жрали, а нам объедки бросали! Будь у меня право и автомат, я бы их и сейчас всех убивал!». «Очень милый такой старичок-добрячок попался!» – понял я. Решил с ним подискутировать немного, от глазного стресса отвлечься: «Почему вы американцев так не любите?». «А вы разве не знаете?! – удивился бывший солдат Вермахта. – Там же всем евреи правят!». – «Вот оказывается, где собака зарыта!». «Почему вы евреев уничтожали?» – задал я дурацкий вопрос бывшему и настоящему фашисту: «почему пожираешь все, что двигается и не двигается», – спросил у «гиены». Здесь, он внимательно на меня посмотрел и, не найдя, очевидно, ничего подозрительного, что подтвердило большую роль украинских полицаев в выявлении нашего брата, подытожил: «Евреи захватили все богатства: банки, заводы, а немцы стали нищими!». «Все евреи были богатыми, не было бедных евреев?» – не унимался я. – «Почему же, были, например, мой школьный товарищ – сын сапожника. Были и бедные, но мало!». Старый фашист оказался заботливым, всё объяснял, где и что находится в больнице, и к жене моей относился очень доброжелательно, сказал, что мы ему не мешаем и можем себя чувствовать, как дома! И моя жена ему помогала, подносила костыли! В общем, вёл себя скромнее советских участников войны и вежливее, что и понятно – хвастать нечем! Утром бывшего солдата Вермахта отвезли на операцию, а меня позвали на осмотр к главному врачу. Там накопилась уже очередь: из «уже ослепших», не «окончательно ослепших» и «начинающих слепнуть»! Все пребывали в надежде, что главный врач им поможет. Сорокалетняя женщина, плача, поведывала про своё горе: «В один момент ослепла на один глаз! Два дня вообще никто не подходил! Затем пришла,

скорее всего, практикантка – фрау Фурц. Она пришла объяснить, что у неё много больных и мало времени!». Рассказывая об этом безобразии, больная с опаской поглядывала на шныряющих вокруг монашек, чёрных как вороньё, с вырубленными физиономиями! «Не сожгли их, как ведьм на костре во времена инквизиции?!» – промелькнуло у меня. Они себя чувствовали здесь хозяевами и, похоже, сами искали, кого сжечь! Наконец, через час-полтора подошла моя очередь к главному врачу. Он оказался, как и у нас в клинике – доцентом. «Важный такой – весь из себя!» – сказала бы Мина. Много не разговаривал, только за руку поприветствовал, что делают все немецкие врачи, и что ни о чём хорошем не говорит! Быстро заглянув в глаз, «успокоил», что лучше не станет, а вот хуже может быть: в 30 % ещё и на второй глаз переходит! Стало ясно, что плохо мне будет – считай калека! И работать не смогу! Пообещав всё это мне, обратился к одной из молодых врачей из нежелающих мне при поступлении оказать помощь. Он назвал её фрау Фурц. «Вот повезло, как всегда!» – отметил про себя я. «Назначьте больному все пробы на свёртываемость крови», – дал он ей указание и тут же потерял ко мне интерес. – «Вот мошенники! Я плачу из своего кармана, чтобы лечиться у практикантки – вездешней фрау Фурц, о которой слышался уже в коридоре!» – мысленно возмутился я. «Вот прочтите», – вручила она мне листок с текстом, где, по-видимому, моя грудь была изображена. В листке указывалось, что со мной могут всё сделать и не ответят за это, а мне надо, всего на просто, расписаться, что они не виноваты будут! «Зачем мне это исследование?» – спросил я у Фурц. – «А вы почитайте у себя в палате, тогда и ясно всё будет! А если нет, спросите у врача». «А вы кто?» – резонно спросил я. «По-доброму», как монашки в коридоре, глянула на меня фрау Фурц и, ничего не ответив, вышла. «Что с анализами?» – не терпелось узнать на следующий день. Утром, аккуратно, в одном лифте с фрау Фурц оказался! Как говорится: «На ловца и зверь бежит!». «Извините, фрау Фурц, – спросил я у “фурцовки”, – как мои анализы?». «На обходе и спросите», – произнесла фрау Фурц и выскочила из лифта, оставив свой след в нём. Я, не привыкший к такому обращению, припустился за Фурц, отдав команду, как в фильмах про войну: «Halt (Стоять)! Фрау Фурц, стойте! Стоять, фрау Фурц, остановитесь! Стоять, когда с вами разговаривают!». Но «фурцовка» – от меня припустилась ещё пуще прежнего, а меня уже это глупое поведение фрау Фурц злило и одновременно потешало. Больные наблюдали, как за врачешкой – как за воровкой гоняется и догоняет мужчина – это я! А «фурцовка» – врач, как воровка от него убегает! Так оба одновременно и добежали до смотровой. «Ну, сейчас уж дам больно!» – решил я. Пристал к убогой, конечно, не потому что хотел её понюхать, а очень опасался за результат одного исследования. Не успел перед отъездом из Питера дообследоваться и не исключал, что с этим заболеванием, возможно, и связана потеря зрения. И вот через девять лет, не терпелось узнать результат. Любой больной в нашей клинике мог меня всегда остановить, где угодно: в коридоре, у туалета, на улице! Где бы меня ни останавливали, я всегда терпеливо отвечал, давал всю информацию, интересующую больного. Не должен больной ждать, он должен всегда иметь возможность обратиться к врачу! Не должен больной жить в страхе! «Что, вообще, мне здесь делать! Плачу как бы за лечение у главного врача, нервничаю, давление подскакивает! Из-за этого и так уже произошло осложнение! На работе нюхаю Шнауцера, здесь фрау Фурц, что, кстати, и переводится как нехороший запах, и еще «нюхаю» чёрных, как смерть, монашек! Давление не контролируется, не назначены лекарства снижающие давление! Тащу за собой капельницу, как будто бы с ней родился! Зачем мне, вообще, всё это надо было?! Неужели для жизненного опыта: вначале в качестве эмигранта, затем в качестве врача и, наконец, в качестве пациента в Германии?!» – с такими мыслями, вошёл в смотровую к врачу – доценту – не хуже, но и не лучше нашего доцента – главного врача Зауэра! Но этому я ещё плачу из своего кармана, чтобы на него посмотреть одним глазом! А он меня передал фрау Фурц, которой я бы тоже заплатил, чтобы она исчезла!».

Как только я на неё глянул, Фурц, видать, почувствовала: «будут бить!» – и сразу же зататорила, назвав меня уже уважительно коллегой: «Коллега интересуется результатами иссле-

дования, но у него нет никаких отклонений». Это меня сразу же «размягчило» и я решил: «Ладно, перди дальше, пусть другие освежают после тебя воздух!». А доценту захотелось, чтобы меня ещё одно светило немецкой офтальмологии – профессорша фрау Опп осмотрела. Как говорят на Украине: «Не кажи г-г-г-о-о-опп, поки не перескочишь!». Предстояло ещё «гооопп» перепрыгнуть! Вернувшись в палату, застал там, уже после операции, участника войны с повязкой на глазу, как после боя местного значения уже на немецком фронте! В этот раз его, как оказалось, подранили не русские, а немецкий Oberarzt (старший врач – зам. главврача)! В палате меня уже ждала жена и букет цветов – моя клиника организовала, «циви (проходящий альтернативную воинскую службу)» привёз! И ко всему ещё и Шнауцер позвонил. «Доктор! – начал весело “весельчак” Шнауцер. – Что-то русские такие слабые! Сколько ещё будете лечиться? Но не спешите, доктор! Мы прекрасно справляемся и без вас!» – что на его капризном бабском языке означало: не выйдешь на работу – уволю!

Медсестра принесла направление к профессорше Опп в соседнем городке. Вызвав такси, разбежался, чтобы перепрыгнуть ещё и Опп. Там была очередь как в советской поликлинике. Всем распоряжалась Arzthelferin (помощница врача) очень похожая, как ее родная сестра, на нашу медсестру клиники фрау Бюльбеккер. Но эта была покруче! Чувствовалось, она своих коллег кнутом стегает и спуску им не даёт! «Фельдфебель» с накрахмаленным воротничком – отчаянная домина для тёток! Было ещё пару медиков: одна похожа на советского клинического ординатора, которую родители по благу устроили, и ещё один медик тоже похожий на клинического ординатора, в халате с разрезом сзади! Для чего, спрашивается?! Возможно, желание подчеркнуть своё усердие – отключенный зад прилежного ученика, но возможно и другое...? На стене приёмной висел большой католический крест, он разделял два туалета: слева от креста для посетителей, а справа для персонала. По ошибке двинулся было направо от креста, но меня тут же остановил грозный рык «фельдфебеля»: «Это не для вас!». Мой оказался слева от креста, стало понятно, что профессорша Опп глубоко верующая. Наконец, вызвали к ней. За столом сидела шестидесятидвухлетняя крепкая, невысокого роста в роговых очках, в мужском пиджаке и джинсах с короткой седой стрижкой, не то старуха, не то старух! Первое, что у меня в голове промелькнуло: «Зачем учёной терпеть у себя такое крепкое и жёсткое создание, как эту “фельдфебель”?!» – от этих мыслей слегка стыдно стало за свою особенность всё опешлять и видеть в неприличном свете реальность жизни, хотя теперь и одним глазом! Тем более пришёл ведь на приём к профессору! А значит, надо доверять, верить, преклоняться! А у меня вечно в голове какие-то глупости! Это мне всегда говорили, правда, это говорили те, кто эти глупости сам совершал, а не только имел в голове.

«Вы муж и жена, да? – указала профессорша мне и жене на два стоящих рядом стула. – Что я должна для вас сделать? (Was kann ich für Sie tun?) – тоже один из немецких штампов, говорящий как раз о желании ничего для тебя хорошего не сделать. «Есть шанс, что зрение вернётся?» – спросил я. «Практически нет!» – приговорила меня, не долго думая, профессорша. – «Обязательно ли мне оставаться в больнице, не лучше ли уйти домой?». «О, это очень хорошая клиника – больница с хорошими специалистами», – заверила она меня. – «Я этого не почувствовал! Я там переживаю больше, чем на работе, где и произошло всё!». – «Хорошо, подождите ещё пару минут за дверью, я вас вызову и мы решим».

Время вновь потянулось мучительно нудно и не пару минут, и я задремал...

И тут такое началось, чёрт знает что! Аж самому страшно стало! Хотя и одним глазом, но ясно вижу: как «активная» помощница профессорши с кнутом гоняется за всем этим коллективом! Они по кругу от нее убегают! Профессорша игриво кричит: «Nur nicht mit mir! Nur nicht mit mir – Только не со мной! Только не со мной!». А «фельдфебельша» за ними с кнутом гоняется и приговаривает: «Эх, догоню! Эх, догоню!». Затем она уже совсем грубо, да еще с ученой – профессоршей, позволила себе орать на неё, ее настигая: «Halt! Du Schwein! Ich kriege dich schon (Стой, свинья, я тебя все равно достану!)». «Нет, это уж слишком! Это черт

знает что такое! Надо заканчивать консультацию у профессора! – и я открыв глаза, не сразу понял, что уснул. – Ну и сон!».

И тут профессорша меня позвала. Она к счастью, чувствовалось, тоже хотела завершить эту консультацию, так её и не начав, и даже не поинтересовалась, как и когда всё произошло! Задала пару никчемных вопросов о состоянии носа, часты ли насморки. Дальше носа её фантазия не пошла! Единственное, что её заинтересовало или я действительно доктор мед, как и того адвоката в Зигхайме! «Нахально», без её вопросов, рассказал про ситуацию на работе, и как у меня всё это произошло. Когда рассказывал, профессорша смотрела больше не на меня, а на мою жену, её как бы изучала! Вначале испугался за жену, но моя жена никогда не вызывала у меня подозрения, что тётки увести могут, и поэтому понял: «Профессорша на неё смотрит, проверяя правдивость моих сведений, ориентируется на реакцию моей жены». «Ну, ясно, – сказала она, прервав меня, – вы всё воспринимаете чрезмерно персонально и глубоко! Вы, конечно, правы, – согласилась она, – в мире очень много несправедливости и хамства! Вы другой! Выход в том, что надо обходить то, что не нравится, не соответствует нам, не надо сражаться!». Понял, почему крест у неё в практике на стене: «Вот только христианка даже за свой туалет сражается! И пометила это место крестом размером полметра на метр!». «Я вам дам почитать вот эту книжку, которая вам очень подойдёт!» – достала она с полки книжку, как оказалось, специально «для меня» написанную американским кардиологом. Он и советский кардиолог – партийный босс Чазов боролись против угрозы ядерной войны – американец по своим пацифистским убеждениям, а Чазов по заданию Брежнева: «Все разоружайтесь!» – был их клич, в то время, когда Советский Союз напал на Афганистан. Эту книжку: «Утерянное искусство врачевания» я читал. Американский хирург описывал свою врачебную практику, психологические наблюдения за разными типами больных. Он понял, в отличие от этой профессорши, что не аппаратура, а расспрос больных – анамнез – главное в постановке диагноза. И что современная медицина утратила способность относиться к больному с сочувствием, психологически глубоко подходить к болезни. Его подход к больному соответствовал принципам гуманистического направления в психотерапии. В одной главе он описал, как по реакции жены больного определил его состояние. Больной сказал, что хорошо себя чувствует и с сердцем хорошо, а его жена скорчилась при ответе мужа, и оказалось – он боялся операции. «Так вот почему эта профессорша тоже больше смотрела на жену, чем на меня! Она была уверена, что научилась у американского кардиолога-еврея искусству врачевания – точно, как и он докапываться до истины! Только тот длительно собирал анамнез, расспрашивая больного, и умел это делать! В общем, профессорша ровно столько же взяла у американского профессора, сколько и главный врач Зауэр от метода американской еврейки Шапиро по EMDR – ДПДГ (десенсибилизация и переработка стресса движением глаз)! И они оба вместе, так же научились, как и подмастерье у врача в болгарской сказке! Где врач установил причину болезни – болей в желудке по яблочной шелухе под кроватью у больного. Больной съел много яблок, что скрыл и подмастерье узнал у врача об его правиле всегда заглядывать под кровать больного, и на всё обращать внимание! И он – подмастерье точно так же заглянул под кровать, когда пошёл к больному один и увидел там седло. «Что же вы врётё, что ничего не ели! – возмутился подмастерье. – Вы же лошадь съели! – за что родители больного его побили и прогнали! – Я же всё сделал, как учитель велел! – ничего не понимал подмастерье. – За что они меня побили?! Ясно – мой учитель врун!». И эта профессорша поняла, что надо смотреть не на больного, а на его жену – на мою жену! Книжку взял, не сказал, что читал, чем бы её очень обидел! Ей надо было для меня что-то сделать, она ведь спросила у меня вначале об этом: что для меня сделать. Затем, не расширив мне зрачок, лупой заглянула в глаз, даже не сообразив, что заглядывают в глаз, хоть и ослепший, но всё же врачебный, который знает, что без расширения зрачка много не увидишь!

«Из больницы уйти можно!» – был ее приговор, но к ней прийти через пару дней на повторный осмотр. «Той же лупой, что и сейчас посмотрит, а её “активная подруга” проверит ещё поля зрения!» – был уверен я. Больше всего обрадовался, что могу покинуть эту богадельню с монашками и фрау Фурц. Вернувшись в этот «монастырь», застал в палате разъяренного участника войны, которому не принесли ужин, несмотря на то, что он до операции его заказал! Посчитали, что ветерану войны будет после операции не до еды, не учли его живучесть! «Безобразие! – возмущался немецкий УВОВ. – Ну, я им завтра устрою! – пообещал ветеран, обиженный когда-то американцами, а сейчас и своими. – Ну, я им завтра покажу!» – еще раз пообещал он, вспомнив, по-видимому, что и американцы его плохо кормили! Не ожидал, что и свои такими же свиньями окажутся!

Утром доцент сказал, что у меня две возможности: или уйти домой, или дальше обследоваться. С радостью выбрал первое – уйти домой! Покидал с женой этот дом со страхом, что ещё когда-либо сюда, или в другое медучреждение попасть в качестве пациента!

«Так, вы уже дома?! – позвонила в понедельник Кокиш Силке. – Я приеду вас навестить! У вас же даже ничего не видно!» – разочарованно произнесла Кокиш. «Мне тоже на один глаз ничего не видно», – пошутил я. «А какой? – спросила Кокиш. – Вот, интересно! – рассмеялась Кокиш. – Даже ничего незаметно, значит, всё хорошо закончилось! А когда на работу выйдете? Больные вас уже заждались!». – «Мне нужно посетить ещё интерниста, окулиста и ещё раз профессора, и думаю, что скоро приду». «Может хоть ваша жена пока поработает?» – посмотрела Кокиш на жену. «Знаете, я ещё пока не привык обходиться одним глазом! Оказывается, второй глаз нелишний! Мне трудно ориентироваться в пространстве, пока не обойду всех специалистов, жена нужна рядом». «Ну, хорошо», – согласилась Кокиш. «А как Шнауцер?» – поинтересовался я. «Он бедный очень переживает, что это как бы из-за него у вас получилось! Я ему сказала, что это из-за него и он, чувствует, очень переживает, советовался даже с нашим профессором!». «О чём? – спросил я. – Есть ли шанс, что смогу ещё работать?». «Ну да, это тоже», – согласилась Кокиш. «И профессор, конечно, много надежды не оставил, да?» – уверенно сказал я. «Ну да, профессор сказал, что вы уже работать не сможете! Он сказал, что это очень серьёзно, что вам теперь нельзя волноваться, никаких нагрузок! И очень хорошо, что он ошибся, как я вижу! У нас сейчас очень много работы, хорошо бы, если б вы, уже сейчас хотя бы пару часов в день поработали! Больные вас ждут и, главное, могут уйти из клиники, а нам очень не хотелось бы терять частных пациентов – это деньги!». – «Хорошо, я думаю, скоро приду». Первым специалистом, которого посетил, был тот, который отправил в больницу – окулист. «Не знаю, что делать дальше с вами? Процесс уже завершился, смысла дальше назначать гепарин не вижу». – «Так я же раньше обычного ушёл из клиники и там бы гепарин ещё недели две-три получал!». «Но я не могу вам его выписать! Я свой бюджет исчерпал, препарат очень дорогой, пусть вам интернист выпишет!» – решил глазник. – «А к кому обратиться, есть в городе добрый интернист?». Недобрый глазник, надолго задумавшись, потянулся к трубке: «Здравствуйте, доктор Шумахер! – «Опять сапожник!» – промелькнуло у меня. – Вот, тут у меня один пациент-коллега! Ему, вроде, нужно дальше получать гепарин, хотя я и не вижу в этом необходимости, но в больнице посоветовали! Он, в принципе, не мой больной, а кардиологический! Может, вы ему выпишите гепарин? Да я тоже так считаю, что ему уже это ни к чему! Но что делать, если профессор рекомендует! Ну хорошо, спасибо». «У меня больничная кончилась, – объявил я в завершение окулисту. – Вы мне продлите его?». «Нет, зачем? – изумился окулист. – Это ни к чему!». – «Вы считаете, что я уже трудоспособен?». – «Так мне что, вам больничная лист пожизненно выписывать?! Всё равно у вас уже ничего не изменится!». – «Да, лучше не станет, но хуже стать может!». – «Ну хорошо, я дам освобождение ещё на сегодняшний день, а завтра вы пойдёте к интернисту!».

«Завтра» я оказался в практике интерниста. Один день прошёл уже без инъекции гепарина! «Вот вам упаковка гепарина, – сказала медсестра, – а к доктору придёте через три дня,

он сейчас занят». – «Не мог бы я с ним пару слов переговорить? Я сам врач и знаю, что гепарин надо принимать под контролем анализов крови! Мне так же нужны гипотензивные препараты, больничный лист, и некоторые вопросы есть к врачу! Я не займу у него много времени». – «Но он сейчас очень занят! Завтра я вам позвоню, когда прийти!».

Целый день, «завтра», ждал звонка от медсестры! На следующий день пошёл туда сам и спросил: «Почему мне не позвонили и не сказали, чтобы не ждал?!». «Да, это плохо, – согласилась уже другая медсестра, – но врач не имеет времени». – «Знаете, скажите врачу, что я не признаю заочного лечения, заочных диагнозов! Или он меня сегодня примет, или я буду искать другого врача!». – «Хорошо, сейчас узнаю, – испугалась моего скандального вида медсестра, – подождите в приёмной, врач вас примет». Врач оказался длинный, медлительный, заторможенный, говорил не спеша, не перебивая, но и не задавая вопросов. Понял, почему у него толпа в коридоре и времени не хватает!

Затем пошли ещё раз профессоршу навестить. В этот раз просидели с женой в приёмной ровно пять часов, хотя пришли раньше других! Поняли, что она в первую очередь принимает больных с частными страховками, они ей намного больше денег приносят! Профессорша выскакивала из своего кабинета в коридор, как старая кукушка! «Отключенный медик» и вторая ученица, докладывали ей очередного больного и она себя, таким образом, могла почувствовать профессором как бы в университетской клинике! Затем, глянув больного тут же в коридоре, обычно отправляла его ещё что-то доделать, и только редких «счастливых» заманивала к себе в кабинет. Через 5 часов подошла наша очередь: «А вы прошли поля зрения?». «Нет, никто не предложил», – горестно признался я, поняв, что проиграл. «Исследуй больному поля зрения», – обратилась профессорша к своей помощнице! Бесцельно и непродуктивно «смотрел» ослепшим глазом в окуляр прибора, и должен был нажимать на кнопку, заведя промелькнувшую где-нибудь светящуюся точку, как на небе метеорит заметить! Я и свет экрана с трудом различал, а не то что – точку! Дурацкая процедура заняла полчаса, не меньше! Ещё через час, вновь выскочила «кукушка» из кабинета. «С полем зрения, у вас ничего непонятно! Надо ещё раз повторить!» – «обрадовала» она меня. – «Я ничего не вижу, и результат будет тот же!». «Вы очень нетерпеливый! – объявила она мне через 7 часов ожидания-томления. «Ну ладно, приходите через неделю!» – «смягчилась» профессорша.

Не стал ждать неделю, вышел на работу вопреки предсказаниям «шнауцерского» – еще одного «доброего» профессора! «Как дела, майстер!» – впервые обозвав майстером (высшая степень квалификации), что хотя и справедливо было, но насмешливо, злобно и презрительно встретил меня в вестибюле клиники мрачный Шнауцер. «Так же», – сказал я. «Видите уже?!» – вглядываясь своими дурацкими глазами в мои, прорычал Шнауцер. – «Нет». «А будете видеть? Нет?! Scheiße (говно!) – выругался Шнауцер. – Профессор это тоже сказал!» – гавкнул барбос Шнауцер и, резко отвернувшись, удалился.

«Ах, ах, вам же нельзя ещё работать! – сочувственно скривилась фрау Клизман. – А дежурить, вообще, противопоказано! Да и возраст у вас уже не молодой!».

«Ну что слышно, – как бы спросила Мина, не интересуясь ответом, ворвавшись в кабинет. – А я не знаю, что делать! Как всё надоело, ничего не хочется».

На работу вышел раньше всех моих больных, они ещё были в клинике и с нетерпением ждали продолжения лечения! Даже Бехзад ещё был в клинике, после уже полугодичного лечения, а я вышел через две недели. «Видите?» – спросил Бехзад, подбежав ко мне, завидев в коридоре. «Тебя вижу», – успокоил я его. – «Поколите, а?».

Больных для акупунктуры и гипноза было больше 20-ти ежедневно. Ставя иглы, старался не промахнуться, не чувствовал глубины, это чувство даёт только наличие двух глаз. На следующий день, как всегда во вторник, пошёл на совещание руководства клиники. Там собралась вся компания: Клизман, Кокиш Силке, секретарша Пирвоз вела протокол, председательствовал сам главарь – Шнауцер. «Некому вести психотерапевтических больных, их много стало!

Некому проводить беседы с поступающими больными!» – заявила Клизман, глядя в мою сторону и приглашая Шнауцера меня боднуть, понял я её приём. «Мне всё равно, кто это будет делать, главное, что должно быть сделано!» – заорал Шнауцер. – А кто будет вести больных, это вы решайте! Вот он, например, будет!» – указал Шнауцер в мою сторону. «Нет!» – ответил я твёрдо и почувствовал, что в груди стало тесно от возмущения, как и тогда, когда с глазом случилось, и про себя подумал: – Я вышел работать с незакрытым больничным листом! Не предъявил Шнауцеру никаких претензий, в том числе судебных, как любой нормальный немец это на моём месте сделал бы: оформил бы себе инвалидность, побыв на больничном листе до года у интерниста кардиолога! Затем долечился бы амбулаторно у психотерапевтов по поводу психотравмы на рабочем месте с потерей зрения, затем в клинике, как наша, с диагнозом: реактивная депрессия и посттравматические нарушения адаптации вследствие моббинга на рабочем месте. Я бы такому больному всё правильно оформил, да так, что работодатель немало бы заплатил! Затем больной немец долечивался бы год на кардиологическом курорте! Затем опять у психотерапевтов и интернистов амбулаторно с диагнозом гипертоническая болезнь, депрессия, моббинг на работе, посттравматические психические нарушения! Больной, т.е. я, получал бы лечение в виде ДПДГ, где представлял бы себе рожу Шнауцера с заданием в неё харкнуть, а какой-нибудь доктор Зауэр водил бы пальцем перед глазами, чтобы я успокоился, как американка Шапиро делала! А он мне: – Работай в полном объёме и даже больше, чем до болезни! – Очень за вас переживает! – бедная свинья Шнауцер, уверяла Кокиш. – Работайте хотя бы несколько часов в день, предложила она, чтобы выманить меня на работу!» – всё это пронеслось у меня. «Как это, нет!» – заорал Шнауцер. «А вот так – нет!» – ответил я. – Этого не будет!». «Тогда!» – обратился Шнауцер к Силке. – А ну-ка, Силке, измени ему трудовой договор! Он всё будет у меня делать!». «Даже не мечтайте!» – заверил я Шнауцера. «Вы что, ещё больной?!» – тоном потише бросил Шнауцер, давая мне возможность, таким образом, «дать задний ход» – объяснить ему мой резкий тон, и ему «сдать назад». «А вы что не знаете?!» – резко ответил я. – «Ладно, Силке, пока не надо, пока пусть работает, как работал, – «сдал назад» Шнауцер. – А как у вас, вообще, дела?» – примирительно, фальшиво заботливо, поинтересовался Шнауцер. «Хорошо», – ответил я, не желая перед ним унижаться, прибедняться.

«Знаете, доктор, – сказал на следующий день Шнауцер, позвав меня в свой кабинет, – профессор сказал, что вы уже не будете работать! Это ведь у вас серьёзно? Но я вас уважаю, доктор, любого другого я бы вышвырнул! Но, в отличие от случая с главным врачом, все встали на вашу сторону и меня даже поругали! И в первую очередь – она вам самый большой друг! – указал Шнауцер на Кокиш. И Силке печально головой кивнула, в знак глубокого согласия. – Может, всё же возьмёте парочку психотерапевтических больных, а, доктор?!». – «Я писать ещё не в состоянии, у меня острый период болезни, вышел только потому, что жалко было больных. И фрау Кокиш попросила хотя бы несколько часов в день поработать». – «Доктор, так и работайте пару часов, скажем, на 50%! Я могу вам это устроить, если не можете больше работать! Будете меньше денег получать, мне всё равно, доктор! Мы без вас обходились до того, как я вас купил, и неплохо было! И сейчас обойдёмся! Действительно, зачем вы вышли на работу, не понимаю!». – «Чтобы больные не ушли из клиники». – «Ну и что, если б ушли! Зачем пришли?! Не надо было выходить на работу! Scheiße! – (говно!). Ну ладно, «майстер»! Вам необязательно работать каждый день! Работайте, сколько можете: два раза в неделю, один раз в неделю, если мало больных, то можете не высиживать время, уходите домой! Зачем вам высиживать, если больных нет!».

«Сходим к профессору, срок подошёл», – напомнила жена. В этот раз «фельдфебельша» сразу же проверила поля зрения, помня, что профессоруше не понравились мои плохие показатели: якобы плохо вижу, после успешного лечения в святой евангелической (или католической?) клинике. Нажимал на кнопку, как только что-то чудилось! Просидели в приёмной в этот раз пять с половиной часов. Наконец, дождались, когда «кукушка-профессорша» и по мне

кукукнула, выйдя в коридор в очередной раз, выслушала доклад её ученика с отключенным задом. Посмотрев на результат полей зрения у меня, «кукушка» осталась еще более недовольной. «Надо повторить!» – сказала она и удалилась в своё гнездо. В этот раз, я ничего не нажимал, как и в первый раз, т.к. ничего не видел, как и в первый раз. Через час «кукушка-профессорша» наконец выглянула. «Вот сейчас хорошо!» – удовлетворенно сказала она. – «Так я ведь ничего не вижу!». «А вы что хотели?! Так и должно быть!» – осталась довольна добрая учёная. Я понял: «Ей мои показания нужны для какой-то научной статьи! Ей нужны такие образцы как я! Что с ними происходит! Как они не видят! Лучше не становится, что и соответствует результатам её труда! Возможно, я вхожу в т.н. контрольную группу её исследований, доказывающих, что если больного никак не лечить, слупцевав с него большие деньги, то ему лучше от этого не становится!». «Ну, хорошо! – удовлетворённо сказала учёная – профессор Опп (по-русски Ёбб). – Больше ко мне вы, в принципе, не должны приходиться!». «Можно к вам на пару минут в кабинет?» – попросил я её. Кругом было много слушателей. Посетители стояли и сидели, и «фельдфебельша» была у регистратуры, и эти оба её ученика. «Говорите здесь!» – как юрист в Зигхайме, предложила она. «На пару минут!» – настаивал я. «Ну, хорошо, – недовольно сказала профессорша Опп, – что случилось?!». «Дайте мне справку, что мне вредны перегрузки на работе, – попросил я её, – владелец клиники не хочет этого понимать». – «Я не даю справок, я профессор, понимаете?! Попросите у вашего домашнего врача или окулиста». – «Но ваше заключение весомее! Кроме того, вы ведь согласны, что мне нельзя подвергать себя стрессам, перегрузкам, или это не так? А окулист мне даже в больничном листе отказал». «Ну хорошо, – еще раз смягчилась профессор, – вы получите её через неделю. Мы вам домой пришлём справку. Желаю всего хорошего, не принимайте всё персонально. А книжка вам понравилась?». «Да очень, спасибо, вот она! Я её прочитал, – протянул я ей книгу, – только я не согласен с автором, что искусство врачевания утеряно! Искусство врачевания осталось – врачи исчезли!». Но учёная меня уже не слышала, выйдя раньше меня из своего кабинета.

«Ну что?» – спросила жена. «Всё хорошо, – ответил я, – две вещи отлично, первое – я вышиб из неё справку, и второе – больше к ней уже не надо!».

Мы с женой не исключали, что за время нашего отсутствия больные сменяются в клинике и новые, уже нас не зная, будут недоверчиво идти на акупунктуру и гипноз. Наши тревоги оказались напрасными, наше временное отсутствие послужило дополнительной рекламой, новые больные сами рвались к нам. Новый больной узнаёт, прежде всего, у старых: кто хорошо лечит, а кто плохо, и т.к. старые больные ждали нашего возвращения в клинику, то это передалось и новым. Недостатка в больных не было, ощущался недостаток времени, приходилось задерживаться на работе, чтобы всех желающих принять. «Они не умеют работать как мы! – сказала Мина, имея в виду остальных. – Нас больные любят и уважают, а вот “люляшку” больные ненавидят! Они слышат, как она ко мне относится, как к ученице! Задаёт вопросы, говорит читать книги надо! Кто она такая?! Пошла к чёрту! Все больные меня жалеют! Всё надоело, будь, что будет! Мне знаете, как-то всё равно! Вот только, характеристику мне от неё надо. Кокиш хорошая баба – обещает у неё вытрясти характеристику, а так, наверное, в клинике не оставят, договор только на год. Ну, а как у вас дела, что слышно? Ну ладно, потом забегу. Ой, знаете, мне как-то всё равно и всё надоело, будь что будет! Не даст характеристику, ну и чёрт с ней! Мне только жалко бедную Клизман, хорошая баба! А этот – главный врач её не считает за специалиста и меня не считает. Он против того, чтобы я больных смотрела, скорей бы уже ушёл, всем надоело! А Кокиш очень хорошая баба и ко мне очень хорошо относится, а Люляшку ненавидит! А кто её, вообще, любит! Сейчас она прицепилась, что я пропустила одного больного, герпес, видите ли, на туловище не заметила, но все на моей стороне! Ну ладно, будь что будет, мне всё равно, всё надоело! Как-нибудь, потом забегу».

«Зайдите, дохтур! – по-новому, нехорошо, назвала меня Кокиш, встретив в вестибюле, сделав ударение на слове “дох-тур”, почти как таджики, но она, видать, у турок научилась! –

Как дела мастер? Садитесь! – уже у себя в кабинете обратилась она очень серьёзно, почти как Шнауцер». «Почему, мастер?! – спросил я. – Мастер – Шнауцер!». «Нет, он обер-мастер! – “вывернулась” Кокиш. – Вот главный врач, тоже мастер. Ладно, не хотите мастер, тогда – дохтур! Возьмите хотя бы семь-восемь психотерапевтических больных». «Тогда мне придётся сократить количество больных для акупунктуры и гипноза или, вообще, перейти только на психотерапию, т.к. тем и другим невозможно заниматься! Я и так занимаюсь психотерапией! Акупунктура в психотерапевтической клинике, как наша, и есть психотерапия! Я ведь не только колю, как китаец! Я с больными беседую, без этого никто бы ко мне не ходил! У наших больных душевные боли и меньше физические! Если решите, что клинике не нужна акупунктура и гипноз, то хорошо, надо это ликвидировать, и тогда буду заниматься только психотерапией!». – «Но в договоре вы должны всем заниматься!». – «Но вы же видите, сколько сейчас больных для акупунктуры и гипноза! И амбулаторных у меня ещё больше, чем стационарных! Тот, кто был на стационарном лечении, продолжает затем лечиться амбулаторно, приезжают из дальних городов и местностей». «Амбулаторию мы решили ликвидировать!» – объявила злорадно Кокиш. – «Значит, никого больше не принимать?». – «Нет, долечивайте старых, а новых не принимайте! Я уже дала указание секретарше, больше никого не записывать! А как у вас здоровье?». – «Так же, не лучше и не хуже». – «А глаз видит?». – «Нет, этого уже не произойдёт!». «Scheiße! – как Шнауцер зло произнесла Кокиш. – Есть у вас страх ещё заболеть?». – «Что, вдруг?!». – «Ну, или вы теперь, может быть, пациент со страхами, как наши больные! Ну ладно, с вами сегодня Шнауцер хочет поговорить! А вот и он, как раз и приехал! Подождите, не уходите!». «А, мастер!» – поприветствовал Шнауцер, ставя свой портфель, и заняв место, на котором только что сидела Кокиш. Это место было ещё, вероятно, горячим от выпущенной ею энергии «Чи», по-китайски. «Почему «мастер»? – так же, как у Кокиш спросил я и у Шнауцера. – «А, как же? Вы же – мастер!». «Это зловещий признак», – пояснил я. – «Почему?». – «Майстером называете главного врача, а он уже почти ушёл». – «Но вы же тоже почти главный врач – руководящий! А как вас называть?». «Называйте лучше «докторэ» по-итальянски – это, когда вы уважаете! Когда меньше уважаете, можно «доктор», а когда совсем плохо, то и «мастер» пойдет! «Ну ладно, докторэ, – продолжал Шнауцер, – скажите, вы здоровы? Могу я с вами разговаривать, с вами ничего не случится, как в тот раз? Я уже боюсь с вами разговаривать! Я, знаете, очень доволен, что с вами это случилось! И знаете, почему? Потому, что вы оказались не таким сильным, как я думал!». – «Рады тому, что произошло со мной?!». – «Да, скажу вам честно, значит вы не такой сильный!». «Наверное, – согласился я, – хотя и нашёл в себе силы, вопреки вашему профессорскому прогнозу, через 10 дней приступить к работе после инсульта! С гриппом лечатся пару недель!». «Знаете, доктор! – прервал меня Шнауцер. – Я вам прямо скажу, мне не нужно больше китайской медицины, акупунктуры! Я не хочу китайской медицины! – сказал он с усмешкой, наблюдая за мной, за достигнутым эффектом, наслаждаясь, что попал в цель – больно уколол! – Мне не нужен центр по китайской медицине, ничего не нужно! Я создал этот центр, чтобы вывести вас «с линии огня» главного врача! Я спас вас от него, чтобы он не нагружал вас психотерапией, чтобы сам работал! Теперь он уходит, а вы лучший психотерапевт в Германии и жалко, когда такой психотерапевт не занимается психотерапией! Вы должны ею заниматься, потому что вы это умеете!». «Я ещё инженером в прошлом был и обувь могу ремонтировать!» – вспомнил я почему-то наше с братом «рукоделие» в Душанбе. «А что вы думаете! Вы будете и это делать, всё, что я скажу! Поймите, я вас очень ценю, вы лучший врач в Германии! Если бы не ценил, то давно бы выгнал! Я, вы же видите, ни к кому так хорошо не отношусь, как к вам! Чувствуете это?!». – «Да, уже почувствовал!». – «Я, конечно, сам не хочу закрывать центр по китайской медицине. Если вам доставляет удовольствие, а я это вижу, то делайте и то, и другое! Вы должны и то, и другое делать! Я вас для этого и купил! Вот только, амбулаторных больных не хочу у нас видеть! Лечите только стационарных! Вы же видите, что с другими я так не разговариваю как

с вами! Фрау Люлинг мы перевели на 15 часов в неделю, и от выработки! Хочет деньги – пусть работает больше! И она стала больше работать, и вынуждена еженедельно работать не 15 часов, а больше сорока, чтобы заработать! Мы ей стали меньше платить, а она больше работает! А вам я много плачу, больше, чем другим, и вы не перегружены! Вы можете больше делать, чем делаете, я же это понимаю! Вы же еврей, а евреи хитрые! Очень хитрый, умный народ! Так что, подумайте! Я хочу, чтобы вы работали до пенсии у меня! Как, кстати, глаз? Уже видите? Нет! Будете видеть? Нет. Страхи есть?». – «Страх чего?». – «Ну, что хуже станет! Нет. Ну хорошо, берегите здоровье и подумайте! Я с вами не раз ещё буду говорить! Я, кстати, хочу такой же центр организовать и у себя, где живу. У меня есть много пустующих помещений, нужны только хорошие врачи! Подготовьте мне парочку, а лучше трёх врачей, ассистентов для меня, не для клиники! Но они и здесь вам смогут помочь, заменить, когда надо! Ну ладно, мы об этом ещё поговорим! Надеюсь, мы остались друзьями, да?».

Глава 6

Доцента на убой!

«Аллё, это я Мина! Можно к вам на пять минут? Ну что, как дела, я видела, что вы только что были у фрау Кокиш, а затем и херр Шнауцер с вами о чём-то разговаривал! Что нового, что они хотят? Этот Шнауцер, его не поймёшь, хотя он со мной хорошо здоровается! Хвалил вчера, спросил даже, как дела, и сказал, чтобы я больше работала, и что ему всё равно кто работает, и что я не хуже “люляшки” для него! Но всё равно, как-то боюсь его, он какой-то непонятный! А вот Кокиш, хорошая баба! Да ладно, мне как-то всё уже надоело и всё равно, будь что будет! Не даст характеристику, и не надо! Хотя, как она может не дать?! Если напишет, что я ничего не умею, то чему она меня научила? И у неё тогда Drztekammer отберет право учить! А пока, я на неё материал собираю! Очень много больных ею недовольны и готовы за меня заступиться! Они говорят: – Если надо, мы за вас в огонь и в воду пойдём! – Но честно скажу, мне как-то всё равно, всё надоело, будь что будет! Ладно, пойду, потом ещё, как-нибудь заскачу! Вы сейчас куда, на конференцию руководящих кадров? Да, вот там у вас, наверное, интересно! Потом расскажете, о чём говорили! Ну ладно, побегу».

«Ну, что наш “майстер”?» – обратилась Кокиш к секретарше Пирвоз на конференции «высшего руководства», по классификации Мины. В этот раз, Кокиш имела в виду не меня, а главного врача, и «майстер» относилось уже к нему. «Furchtbar, furchtbar (Ужасно, ужасно!) – затараторила Пирвоз, понимая, что от неё хотят. – Он занимается безобразиями, в рабочее время у себя в кабинете пишет научные статьи! Когда он вышел в туалет, я успела подсмотреть, что он пишет, вот его тема: ДПДГ и диссоциативные расстройства». «Мы ему платим, а он пишет!» – вставила Клизман. «Он занимается саботажем!» – злобно подытожила Кокиш, щелкнув челюстями саранчи. «Вчера поступил новый больной, но он его не посмотрел», – добавила Бюльбеккер. «Пришлось мне смотреть!» – возмущённо сказала Клизман. «Ну что будем делать с ним?» – спросила Кокиш. – По мне пусть бы сейчас уходил! Вся беда, что полгода после увольнения имеет право ещё работать! Пусть с ним разговаривает Шнауцер, он с ним сегодня должен поговорить! Так что, Ивона, – обратилась Кокиш к Клизман, – бери больше на себя руководство клиникой! Я не хочу вмешиваться, пусть Шнауцер с ним говорит! А как «майстерин» Люлинг?» – спросила Кокиш у Пирвоз. «Furchtbar, furchtbar! – вновь затараторила Пирвоз. – Эта, вообще, командует как профессор!». «Да, да – подтвердила Бюльбеккер, – то ей историю болезней принеси, то больного пригласи! А я ей сегодня сказала, что мне некогда!». «Правильно, – согласилась Кокиш, – мы её перевели на 15 часов в неделю!». «А сейчас работает больше, чем раньше на сорок часов работала!» – захихикала Клизман. «Да, вот видите! – сказала Кокиш, глянув попутно и на меня. – А раньше говорила, что у неё всё времени не хватает! Я всегда говорила, что чем работник меньше счастлив, тем он лучше работает! Ей деньги не нужны, у неё богатый муж! Она говорит, что работает из-за удовольствия, а не из-за денег!». «Эх! Где мне найти, хоть какого-нибудь мужа! – захихикала Клизман, завистливо покосившись на Кокиш, и добавила: – А я работаю для того, чтобы прокормиться!». «А как доктор Мина?» – поинтересовалась Кокиш у секретарши Пирвоз, переведя разговор на другую, безобидную тему. – «Она в последнее время невозможной стала, очень беспокойная, раньше была лучше, а теперь пациентов настраивает против Люлинг, её только тема “Люлинг” беспокоит!». «Ну, неудивительно, – возразила Кокиш, – с Люлинг непросто работать». «Да, да, – согласилась Клизман, – Люлинг очень заносчивая и на конференции редко ходит». «А почему главный врач, вчера, перевёл приват больную в психиатрию?» – спросила Кокиш у Клизман. «Он считает, что она может покончить жизнь самоубийством», – криво улыбнулась Клизман. «Это саботаж! – возмутилась Кокиш. – Приват больных он разгоняет! Мы их с трудом достаём, а он разгоняет! У нас всего 45 больных, а надо хотя бы 70 иметь! Но с этим главврачом столько

никогда не будет! Что, Ивона, надо было эту больную в психиатрию отправлять?!». «Конечно, нет, вполне можно было оставить у нас», – согласилась Ивона. «Таких больных, Ивона, бери себе!» – распорядилась Кокиш. «Может, и доктор возьмёт немного?! – подбросила хворосту в мой “костер” Ивона. – А то у меня их и так уже много!». «Да, он тоже будет брать! – заверила её Кокиш. – Все будут брать, сейчас никому поблажек не будет!». «Шнауцер приехал!» – доложила «разведка» из рецепцион (регистратуры). «Ну посмотрим, о чём он договорится с главным врачом: – Ни пуха ни пера!» – заинтриговала всех Кокиш.

«Здравствуйте, докторэ!» – поздоровался со всеми Шнауцер, вновь, как итальянец. «Мы тут обсудили, в том числе, и главного врача!» – предложила «больную» тему Кокиш. «Ну и что будем делать, докторэ?» – спросил Шнауцер. «Убирайте, и как можно быстрее!» – закатила глазки, хихикнула Клизман. «Справитесь?!» – обратился к ней Шнауцер. «Я всю жизнь справлялась! – захихикала Клизман. – И никогда “листок перед ртом не держала”!» – и в подтверждение своих возможностей выдохнула в сторону Шнауцера. Эта акция заметно его перекосила! Он как бы отпрянул-отскочил от Клизман, как от Змея Горыныча, но удержался на стуле, и продолжал: «Ну хорошо, я сегодня же поговорю с Зауэром: или он работает, как положено, или идёт! Да?». «Нет, пусть идёт!» – сказала бескомпромиссно Кокиш Силка. «Хорошо, позовите мне его!» – уже решительно сказал Шнауцер, мол: «козлёночка буду резать»! Через пять минут увидел в вестибюле согбенного в три погибели «козлёнка Зауэра» – главврача, доцента! Потасился доцент на убой к убойщику Шнауцеру! Хотя он и сам тасился, но ощущение было, что его кто-то тасит туда на верёвке! Вспомнил мединститут, учёбу: точно так выглядели собаки, которых вели на опыты над ними.

«Ну что?» – спросил я, спустя полтора часа у Шнауцера, встретив его в вестибюле. Вид у него был в этот раз нерадостный, поэтому и спросил. «Может, “опыт” сорвался? – пришло мне в голову. – Собака, например, сбежала, как тогда в мединституте, которую я выпустил! Хотя здесь, как будто бы, никто не хотел, чтобы “собака” сбежала». «Он, идёт», – то ли разочарованно, то ли расстроено проворчал Шнауцер. «Ну, так вы же этого хотели! Это ж, хорошо!» – то ли «уколот», то ли спросил я у Шнауцера. «Не любой ценой», – мрачно проворчал Шнауцер. – «Покусал его, что ли, Зауэр перед погибелью своей?!». Зато Кокиш и Клизман, облизываясь и сияя от удовольствия, вышли из столовой как бы закусив Зауэром – отметили победу над ним!

«Аллё, можно к вам на пять минут, это я Мина». – «Хорошо, на пять минут приходите». – «Что слышно, что сказали на конференции руководящего состава кадров?». – «Вас хвалили». «Да? Конечно, почему меня не хвалят! Знай наших! Но знаете, мне как-то всё равно, всё надоело, будь что будет! А кто похвалил?». – «Все». – «А “люляшку”?». – «Все ругали». – «Так ей скотине и надо! Тьфу, терпеть её не могу, сволочь, чтоб она скапустилась! Вы знаете, я никому зла не желаю и иногда мне, честно говоря, её даже жалко, хотя сама виновата! Ладно, пойду к этой “люляшке”, она меня хочет сегодня поспрашивать – профессорша! Конечно, я книги не читаю, но практики больше, чем у неё! Пять лет вела больных и с туберкулезом, и с дизентерией, и на других гадостях сидела! На чём только, не сидела! Вы же знаете нашу Среднюю Азию! Плохо только операции не умею делать, а ей, надо сказать, очень хорошо это удаётся – что есть, то есть! Конечно, кто мы такие?! Нас этому не учили! Ну, спасибо за поддержку, пока, потом как-нибудь ещё забегу».

«Зайдите ко мне на минуту, – попросил на следующий день главврач, после конференции. – Я просто хотел узнать, как у вас здоровье, как зрение? С глазом ещё плохо, а какой? – при этом Зауэр болезненно прищурил свой глаз. – А я уйду скоро!». «Жалко», – сказал я. «Да, мы с вами неплохо вместе работали, но останемся в контакте. Я с удовольствием готов с вами сотрудничать, у вас есть чему поучиться!» – сказал Зауэр, как бы на прощание. – «Вы уходите в клинику?». «Пока не знаю, – задумчиво произнёс Зауэр, – может, праксис открою», – неуверенно сказал он. «После вашего ухода здесь будет хаос», – хотел обрадовать я его. «Да, вы думаете?! – с надеждой спросил Зауэр. – А я всё же думаю, что Клизман справится». «Думаю,

нет! – уверенно успокоил я его. – Критиковать легче, чем работать!». «Спасибо», – сказал Зауэр. «Спасибо», – сказал и я.

«Уважаемые коллеги, – прискорбно объявила Клизман на следующий день на конференции, – к сожалению, главный врач Зауэр решил раньше времени уйти! Нам будет тяжелее, придётся его больных разделить». «А где он?!» – спросили перепуганные «недобитки»: телесно-ориентированный терапевт Хагелюкен и музыкантша Отремба. «Сегодня мы его с почестью проводим всем коллективом! Торжественная панихида, тьфу извините, церемония прощания состоится в 12 часов! Все кто знает, и знал доктора Зауэра, тьфу извините, кто с ним работал – приходите! Херр Шнауцер приглашает всех в конференцзал, можете не идти сегодня в столовую! В конференцзале будет небольшой Имбисс (в рот получите – перевел я для себя), перекусите Kleinigkeiten (мелочи) и, конечно, немножко Лекераен (Leckereien) – вкусностей. Бывший главный врач Зауэр всё же заслужил, чтобы мы его подобающим образом проводили!».

«Друзья! – начал свою прощальную речь Шнауцер по “убиенному” главврачу Зауэру, держа в руке бокал дешёвого игристого вина. – Мы собрались здесь, чтобы проводить нашего бывшего главного врача, доктора Зауэра! Всё было у нас с ним: было и хорошего немного, и плохое было, и даже очень плохое! Но сегодня всё позади! Так сложилось, что доктор Зауэр должен идти! И вот, он уже идёт! Я желаю новому руководящему составу клиники, чтобы они работали лучше, чем доктор Зауэр! Я уверен в том, что они всё сделают лучше, чем он! Почему он не сделал, что должен был сделать – совершил ошибку! Мы все понимаем, что организация так называемого производственного совета принесла много вреда клинике и материального ущерба! Я не забываю тех, кто это поддержал, и тех, кто это организовал! Основных организаторов уже нет с нами и это очень хорошо! Они себя выдавали за борцов за народные права, но очень охотно приняли откупные деньги! А это наши с вами кровные денежки! Деньги взяли и ушли легко! Не все ещё из них ушли! Так что скажу чёрным юмором: впереди нас ждут ещё новые проводы “достойных”. Как кто-то из сотрудников сказал: будет история “Десять негрятят”! Ну, это я шучу, не принимайте всё так мрачно! Я люблю шутить! А теперь в знак благодарности за труд нашего бывшего главврача я хочу ему вручить – вот это!» – и Шнауцер достал с полки набор вин из трёх бутылок, которые старый доктор Розенкранц и я уже получили на Рождество. А главному врачу Зауэру тогда досталась детская игра для недоразвитых детей на развитие соображения! Тогда он в знак протеста покинул зал! И вот наконец свершилось! Ему вручают, хотя и перед уходом, такой же набор! Награда хоть и поздно, но нашла героя! «Вот, это да! Вот, это да! Вот, за это спасибо!» – как ребёнок, при виде вождельной игрушки подскочил от радости доцент Зауэр! И бросился сам к Шнауцеру, не дожидаясь, когда тот ему вручит подарок, и стал у него нетерпеливо из рук его отнимать! «Спасибо! Вот за это, действительно, спасибо!» – не мог успокоиться Зауэр. Шнауцер насмешливо на него смотрел.

«Огромное спасибо! – начал свою ответную речь изгнанный – очередной – “негрятёнок” Зауэр. – Мне было очень приятно с вами работать, и я сохраню в памяти, эти приятные и хорошие, плодотворные годы совместной работы! Жаль, что нам приходится расставаться, но всё равно всем спасибо, и я всех приглашаю завтра в ресторан на мои проводы в 19 часов! Прошу всех желающих прийти!». «Ой, спасибо! Вот это, да! – громче всех воскликнула Клизман. – Обязательно придём!» – но осеклась, уловив на себе презрительный взгляд Шнауцера. «Ну, всё, – заключил он, – теперь, работать!». «А, Лекераен (вкусности)?!» – испугалась Клизман, схватив второпях бутерброд с колбасой и огурцом сверху! И поднеся его сбоку и обвив вокруг него шею, отправила глубоко весь в рот, натянув рот на бутерброд, и окосев при этом от удовольствия! Затем она закрыла томно глазки и тут же всё мигом проглотила, выдохнув: – Аааа, оооо, lecker!». Все последовали её примеру, не у всех, конечно, так получилось, как у неё, вернее, больше ни у кого, но всё равно было вкусно. Шнауцер Петер удалился, за ним Кокиш Силке, и мы с женой. Нас ждали уже нетерпеливые больные.

«Ну, как? – остановил меня Шнауцер в вестибюле. – Ваше мнение, хорошо я всё организовал?». – «Да, очень». – «Пусть радуется подарку, дурак, для меня это мелочи – дешёвка, дешевле, чем его здесь держать! Он знает, как я его люблю! Силке, что мы ещё хотели сделать? Ах да, позвонить!».

На следующий день утреннюю конференцию проводила уже одна Клизман! Она заметно повзрослела и посерьёзнела, а то всегда хохотала, слушая доклады главврача Зауэра. Сейчас она, слушая доклады терапевтов, важно вытягивала губы вперёд, образуя трубочку-хоботок! Про себя отметил: «То же самое у неё произошло и на другом конце пищеварительной трубки!». Клизман ещё и своей маленькой головкой при этом в знак согласия кивала! А при затруднениях изображала мысль, двигая бровками и ставя их то на разном уровне, то под разным углом. Она периодически посматривала на меня, интересовалась моим мнением: «А, что думает доктор?». Мина Барсук очень восторженно и с обожанием на нее смотрела. Весь её вид говорил: «Молодец баба! Молодец, во даёт!». Несколько раз Барсук даже зааплодировала, как в Средней Азии хану бухарскому: «Мне бы так высоко взлететь!» – читалось по лобику Мины. Правда этот восторг улетучился, когда Клизман в конце конференции сказала, что главный врач её пригласил сегодня в ресторан на проводы – «поминки свои», и ей обязательно надо пойти, но, к несчастью, у неё в плане сегодня ночное дежурство. Не мог бы кто-нибудь её выручить и за неё подежурить? «Так он всех, по-моему, пригласил! – перепугано воскликнула Мина Барсук. – Я тоже пойду, а так, я бы с удовольствием за вас подежурила!». «А доктор не сможет?!» – спросила осторожно Клизман, не глядя в мою сторону, уже забыв, что обещала никогда не позволять мне дежурить, пока она жива. Как сказал немецкий коммунист-антифашист Бертольд Брехт: «Erst kommt das Fressen, dann kommt die Moral (Сначала жрать, а мораль затем)»! «Пока нет», – ответил я. Бровки Клизман, совершили круг, так и не став больше на свои места! «Я подежурю», – выручила всех врач-практикантка. «Очень вам признательна!» – искренне сказала Клизман, проглотив при этом слюну. Данное ею слово, что я никогда не буду дежурить, пока она жива, означало – пока она кушать не захочет!

Мина Барсук, правильно сказала, что главный врач пригласил не одну только Клизман, поэтому и мы с женой пошли его проводить. Виновник торжества встречал всех у входа в зал ресторана. «Спасибо, – сказал Зауэр мне и моей жене, – проходите, пожалуйста, очень рад!». «Спасибо», – сказали и мы, не сказав, конечно, что и мы очень рады, и ещё больше радовались, если б и другие ушли. Пришли не первыми, лучшие места уже были заняты! Нам осталось место рядом со старым доктором Розенкранцем. Он уже что-то ел. Чуть подальше сидела психолог фрау Мисс, напротив – «телесно-ориентированный» Хагелюкен. Были среди провожавших и пара «уже убиенных» медсестёр. Ближе всего к торжественному телу находились его гробовщики: Клизман сидела рядом по правую руку от него, по левую руку – секретарша Пирвоз и, наконец, очень энергичная тридцатипятилетняя работница регистратуры фрау Шлотке. Когда она размашисто топала по клинике, то стены тряслись. Шлотке была ответственной в клинике за доносы – за донесение всей информации Кокиш. Она доносила все, что передвигалось, как в зоне регистратуры, так же в примыкающем к клинике пространстве, и даже на улице! И когда одна из моих больных – восьмидесятилетняя немецкая бабушка-инвалидка своей машиной, отъезжая от клиники, слегка царапнула старый заборчик во дворе и, не обратив на это внимание, поехала дальше, то за 100 км от клиники, у неё дома, её уже с нетерпением ожидала бравая, вооружённая до зубов немецкая полиция. Бабушка была задержана, как пытавшаяся сбежать с места преступления. Бдящая из окна Шлотке доложила Кокиш, и тут же была дана команда на операцию «Перехват». Шлотке не было на торжестве, когда Шнауцер произнёс реквиемную речь по «убиенному», а в ответ доктор Зауэр пригласил всех на свою «панихиду»! А значит, вроде и не была приглашена «убиенным» на его «поминки»! И то, что всё же она пришла, означало: пришла со специальным заданием от Кокиш: ещё и на прощание пошпионить за «бывшим» и за оставшимися: кто пришёл на поминки, и кто что сказал! Кто

добрым словом убиенного помянул, и недобрым словом помянул его убийц! Опытные следователи-криминалисты всегда посылают агентов на похороны. Там многое слышишь и видишь, много полезной информации об уже совершённых и готовящихся преступлениях! И вот, эта троица могильщиков, взяв убиенного под руки, а Шлотке ещё захватив спереди за шею, провозжают убиенного в вырытый им самим яму – опускают тело. Конечно же, и хихикающая бесформенная секретарша Пирвоз была здесь с этой же целью! А заодно, почему бы еще и не поесть lecker (вкусно) за счёт того, кого активно помогала убить. Ну и, конечно же, Клизман была с главной целью Leckerbissen (вкусностей) отведать, а правильной: «от пуза» нажраться за счёт покойника! После Кокиш и её заслуга была в том, что покойника сейчас хоронят! Она была очень весёлой, возможно, даже самой весёлой: много ела, пила, смеялась и даже прижималась, от счастья, к покойнику! А он – психолог – хлопал ушами и тоже веселился, как будто бы, это были похороны Клизман, а не его собственные! Эта троица его полностью отделила от его как бы друзей и сторонников. Они смешили и подбрасывали труп, ковырялись в нём! И даже, когда мы с женой в 11 вечера ушли, пожелав покойнику крепкого здоровья и долгих лет жизни, а до нас ушли почти все остальные – эта троица осталась дохоронить покойника, продолжая себе заказывать за его счёт халявную еду.

«Ну, как вчера погуляли?» – спросила на следующий день Кокиш. «Очень весело было», – сказал я. «Знаю, моя разведка: Клизман, Пирвоз и Шлотке мне рассказали! – сияла от счастья Кокиш. – Вы только, я знаю, сидели далеко от Зауэра и, конечно, многое не слышали». «Всё равно было весело!» – успокоил я Кокиш.

Не удалось Клизман долго править одной! Пришёл её противовес – доктор Дегенрат.

«Знакомьтесь – это наш новый руководящий психотерапевт, доктор Дегенрат!» – представил Шнауцер на конференции руководства длинного в зелёном пиджаке с попугайским пёстрым галстуком, красных брюках в белую крапинку, прилизанного, похожего на шахматиста, в круглых очечках для близоруких, прыщавым лицом и рябым носом. Доктор Дегенрат глупо улыбнулся и уставился на меня. «Это наш лучший специалист, – указал на меня Шнауцер, – мастер китайской медицины и гипноза, который не хочет заниматься психотерапией, но будет!» – уверил всех Шнауцер, зло ухмыльнувшись. «А вы давно этим занимаетесь? Чувствуете, какой я любознательный!» – как бы самокритично, но больше: «вот какой я умный», спросил Дегенрат. – «22 года». – «Где учились?». – «В Советском Союзе». «Давайте, поговорим лучше о деле!» – раздражённо перебила его Клизман, не желая из меня центр внимания делать. «Давайте! – согласился Дегенрат. – Нам нужно с вами обсудить разграничение власти, чтобы не было конфликтов! Что я делаю, а что фрау Клизман?» – подытожил Дегенрат, вопросительно посмотрев на Шнауцера. «Вас теперь три руководящих врача, – пояснил Шнауцер, – вы с Клизман, и он! – указал на меня, не называя по фамилии, Шнауцер. – Он очень хороший психотерапевт и должен тоже заниматься психотерапией, хотя он этого и не хочет, но будет!».

«Хорошо, – согласился Дегенрат, – но давайте разграничим власть!» – обратился он вновь к Клизман. «Этот будет очень за власть бороться! Берегись, притворная! Этот тебе не главный врач Зауэр! Хотя и трусливый, и не уверен в себе! “Уверенные” не договариваются, а власть захватывают!» – промелькнуло у меня. «Хорошо, хорошо, это не проблема! – перебил его Шнауцер. – Об этом мы договоримся! Нам нужны пациенты – это главное! Вы должны своим приходом этот процесс активизировать!» – определил его «власть» Шнауцер. «Это я могу, меня многие знают, я известный!» – заверил Дегенрат. «А что вы думаете о профессоре Эркене? Мне его наш профессор Домс отправил, он ему уже не нужен! Я хочу, чтобы он был как бы почётным представителем нашей клиники! Это будет хорошо для авторитета клиники! Он не будет иметь власти, только так – почётное место, представлять клинику! Может иногда визиты делать?» – спросил, а вернее объявил Шнауцер. «Ох, ох, это смешно! – закатилась в истерическом припадке смеха Клизман. – У нас будет сейчас профессор с высоким профессорским колпаком – учёный!». «Зачем он нам нужен?! – поддержал её Дегенрат. – Мы сами

можем!». «Нет, власть будет у вас двоих, ну и он тоже, – небрежно отдал дань и в мою сторону Шнауцер, и еще раз успокоил: – У вас двоих будет власть, но и профессор, думаю, нужен!». Дегенрат и Клизман недовольно промолчали. «Нужен! – заключила Кокиш. – Он очень хороший человек и знающий!». «Да я о нём слышал! – возмутился Дегенрат. – Он больше теоретик, чем практик!».

«Зайдите! – обратился Шнауцер ко мне после конференции. – Ну что, докторэ? Ваше мнение о Дегенрате?». «Будет сражаться за власть!» – предсказал я. «А мы этого как раз и хотим! Правда, Силке?» – хитро прищутив глазки, рассмеялся Шнауцер, Силке хитро промолчала. «Мы не хотим больше главных врачей иметь! Мы его взяли, чтобы сдерживал Клизман, для конкуренции между ними! Чтобы она не чувствовала себя главным врачом! – объяснил Шнауцер свою задумку. – Я знаю, – добавил он, – что от Дегенрата многие больные плачут!». «Зачем же вам тот, от которого больные плачут?» – резонно поинтересовался я. «Зато у него есть другие хорошие качества», – загадочно улыбнулся Шнауцер. «Ну понятно, подавлять Клизман! – понял я. – На каждую жопу свой мастер! – вспомнил я мою любимую детскую поговорку. – Как только ситуация ухудшается и Шнауцер чувствует свою неуверенность, то сразу нуждается в моём совете! Чтобы мне было хорошо – ему всегда должно быть плохо! Что еврею хорошо, то немцу яд!». «Силке, принеси мне и докторэ кофе! – обратился Шнауцер, как всегда в таких случаях, к Силке Кокиш. – Будете пить кофе, докторэ? Вам с молоком и сахаром, или без?». «И с тем, и с тем!» – не отказался я – надо брать пока дают! «Как вы думаете, докторэ, справится Клизман или нет? Помогите ей, а то боюсь – ей одной трудно будет справиться с Дегенратом!». – «Так вы же его для этого и берёте!». – «Да, но не для того, чтобы он её совсем зашиб!». «Хорошо, я буду следить, чтобы она чуть-чуть была жива», – согласился я.

«Как у вас здоровье?» – необычно для последнего времени приветливо обратилась ко мне после конференции «пока ещё слишком живая» Клизман. – «Хорошо». – «Всё собираюсь вас с женой пригласить к себе, вот только ремонт сделаю... У вас так всё было вкусно! Никак не могу забыть “Лекераен (вкусности)” ваши!». «Ничего, придётся забыть!» – подумал я. – «Что к вам Шнауцер всё пристаёт?! Он что, не понимает всей серьёзности вашего состояния?! И, главное, вам противопоказано дежурить! Лучше я буду вместо вас дежурить! Что скрывать, в вашем возрасте уже не дежурят! Но обещаю вам, пока я руковожу и руководить буду, вы не будете дежурить! Конечно, я с вами согласна, что невозможно делать и акупунктуру, и гипноз, и психотерапию одновременно! Вам надо, я считаю, отказаться от китайской медицины! Зачем вам всё это нужно?! Возьмитесь за психотерапию, вы опытный психотерапевт!». «Я опытный и по китайской медицине», – скромно уточнил я. «Как вам Дегенрат понравился?» – ответила мне Клизман, на мой опыт в области китайской медицины. «Будет бороться за власть – это не Зауэр!» – пообещал я ей «спокойную» жизнь. «Ничего, с вашей помощью справимся, правда? – захихикала Клизман. – Только вы будьте смелее, меньше молчите на конференции, больше говорите! – подтолкнула меня в бой с Дегенратом, Клизман. – Я очень ценю ваше мнение и прислушиваюсь к нему!». «Когда есть что сказать, я всегда говорю», – объяснил я. «Да, да, я знаю», – нехотя согласилась Клизман.

«Я Facharzt fыr psychotherapeutische Medizin, Psychoanalytiker, Psychotherapeut, Neurologe, член общества психоаналитиков Германии, член многих других обществ! – объявил Дегенрат уже на утренней конференции коллектива. Перечень его титулов и званий был впечатляющим. – Меня пригласили быть в клинике руководящим врачом – руководить клиникой!». При этих словах бровки Клизман совершили несколько хаотичных кругов и, сильно изогнувшись, на свое место уже не встали, а глазки забегали, как у белой крысы, ищущей помощи – воздуха! Точно такую же картину я видел в Бюргерхайме, когда врач Клопс уморил в машине свою помощницу: «дёрнул, как дикобраз, да так, что свет погас!». А впервые в жизни увидел на занятиях по медицинской военной токсикологии в мединституте, когда наш советский майор

угостил крысу нервнопаралитическим газом, и она также металась, а потом затихла! И только, когда он сделал ей спасительную инъекцию атропина, крыса очухалась! И вот, 3-й раз сейчас вижу то же похожее, но этот «атропин» уже не от советского майора, а от меня – ст. лейтенанта Советской Армии – требует Клизман! Шнауцер мне и советовал дать ей, при необходимости, его! Но я этой необходимости не почувствовал и мне почему-то было жалко тратить на неё «атропин»! И поняв, что от меня она его – атропин – не получит, Клизман стихла. А Дегенрат запел свою сольную соловьиную песню и пел её до конца конференции. Он всё объяснял и разъяснял, обобщал, делал выводы! Всё говоря и говоря, глядя перед собой, как слепой. Как и положено психоаналитику, всё объяснял с позиции всеильного полового инстинкта! Чувствовалось, что был плохим теоретиком в этом вопросе и совсем никудышным практиком. «У больного Ренц насморк», – доложила медсестра. «У него половая слабость! – мгновенно распознал симптом Дегенрат. – Нос – символ полового члена!» – приоткрыл тайну насморка Дегенрат. Это очень рассмешило Клизман, и теперь уже ей открылась возможность проявить и свои знания психоанализа! И она, весело задвигав бровками и задёргав ножками, подтвердила это немецкой народной мудростью: «An der Nase des Mannes, erkennt man seinen Johannes (по носу каждого мужчины распознают его член!)». На эту пошлость Дегенрат никак не отреагировал, и Клизман опять замолкла. Она, чувствовалось, была поражена и подавлена эрудицией психоаналитика. А он всех исправлял, подправлял и все явления объяснял! Он был против всяких пенсий, инвалидностей, поблажек для больных: «Они все социальные паразиты, лгуны! Они высасывают всё из страны! – объявил всем Дегенрат и добавил: – Mobbingopfer sind Tdter (жертвы плохого отношения к ним на работе – моббинга – сами преступники!)». Одна такая «преступница» – учительница – прибежала ко мне на следующий день после групповой психотерапии у Дегенрата. Конечно, она никогда ангелом не была, но ей стало слишком больно, когда Дегенрат в группе в ответ на её жалобы на шефа сказал: «На самом деле вы и есть преступница, а ваш шеф – жертва!». Никакой больной этого не признает, другое дело больного подвести самого постепенно к пониманию, что и он совершает ошибки, чтобы понял, что ему выгодно изменить своё поведение, что-то в себе исправить. Этого как раз и не умеют делать Дегенраты, Боскугели, Поппы, Клизманы! Они оскорбляют больных, они их ненавидят, они и есть те плохие – злобные шефы! Больной ещё больше в их власти, чем на работе у шефа. Больные считают их психологами и верят, что только они могут помочь или приговорить их. «Он сказал, что это я виновата, – плакала у меня на сеансе больная, – что это за врач! Вся группа возмущалась, я больше в группу не пойду к нему!». «Вы, конечно, можете не пойти, но он для вас не шеф и, вообще, в клинике нет для вас шефов! И почему вы должны так же в клинике кого-то бояться, как и на работе? Тренируйтесь здесь, как себя защитить, радуйтесь, что здесь вы нашли похожего на своего шефа и бейте его! Тренируйтесь здесь, тогда и на работе сможете!» – объяснил я больной ситуацию. Больная на меня скептически посмотрела. «Сделайте так, чтобы врач вас боялся, а не вы его! И, вообще, в клинике никого не бойтесь, через пару недель вы всё равно отсюда уйдёте!». «Что же мне надо сделать в группе?» – перестав плакать, спросила она меня. – «Ну, во-первых, подготовьте речь и произнесите её! Я в гипнозе вам помогу, укреплю уверенность в себе! Скажите, например, прямо врачу, когда в группе случай представится, что он напоминает вам вашего шефа! Дальше можете сказать, что вы бы хотели от него больше такта и терпения, а также эмпатии! Скажите то, что вы сами ещё желали бы сказать! Давайте, играйте его роль, а я – вашу!». – «А, если он мне опять скажет, что жертва, как раз и есть преступник?». – «Тогда вы ему скажите: да так бывает, но это не правило, если бы так было всегда, то надо всех насильников, убийц считать жертвами, а их жертв – преступниками, в том числе и во время второй мировой войны нацистов – жертвами, а евреев – преступниками!». Здесь больная несколько скривилась, это сравнение ей явно не понравилось! Вероятно, будучи учительницей и зная историю, сама так считала, что как раз и говорило в пользу теории Дегенрата. – «А, если он скажет, что я своим поведением это провоцирую!». –

«Скажете ему, что и это может быть. Так и жертва, боясь убийцы, может его спровоцировать на лёгкость добычи, но это не означает, что убийца – жертва! И как он за одно занятие, не зная вас, может такое заявить?! Это говорит о несерьёзности его подхода и его агрессивности! – А теперь, давайте закрепим это в гипнозе, и вы всё это будете говорить спокойно, уверенно и при этом не испытывать какого-либо страха! Я это с боксёрами и другими спортсменами делал, помогал им избавиться от скованности и страха! Бой проигрывают или выигрывают в голове!».

«Всё очень хорошо получилось, спасибо вам! Я всё в группе сказала, что задумала, и вся группа мне заплодировала!». – «А терапевт?». – «Он, действительно, был перепуган и растерян и группу в этот раз вёл очень осторожно». – «Вот, видите! – сказал я. – Значит, вы умеете себя защитить и можете собой гордиться!».

«Какая-то агрессивная группа! – сообщил на конференции Дегенрат. – Вчера я сам испытал настоящий моббинг со стороны этой группы! Вся группа какая-то агрессивная и деструктивная, в особенности эта учительница! Она меня в чём только не обвинила!». Дегенрат был подавлен и безрадостен на конференции, как побитый школьник, чувствовалось, ему в детстве, да и позже, доставалось, поэтому решил себя психоаналитиком сделать – с другими расправляться! Лучше я помогу больным с ним сражаться, чем Клизман, решил я, это намного благороднее задача! Ему не пришлось с Клизман долго бороться за власть, она сразу «взяла толстый лист перед ртом» и замолчала на конференциях навсегда! А Дегенрат пел свою «соловьиную песню»! Клизман он исправлял, как только она пыталась что-то своё вставить – меня пока не решался. Но удовольствия не было с ним что-то обсуждать, всё равно, что с глухим! Он пел свою «соловьиную трель»! «Пусть поёт, – решил я, – во-первых, он Клизман зашиб! Зачем я буду его на себя отвлекать?! Не разнимай врагов своих! А, во-вторых, пусть разгонит больных и “опустит” Шнауцера Петю и Кокиш Силку! Они этого заслужили!». А больные тем временем уже волновались, шумели, возмущались, грозились уйти! И через пару недель, действительно, многие стали покидать клинику. Это уже мне было знакомо, как история с доктором Поппой в Зигхайме! Дегенрат стал для больных злым «отцом», а Клизман безразличной, ничемной «матерью»! Я – высшим судом справедливости (не израильским), но пришёл ещё добрый дедушка Айболит – профессор Эркенс! До этого состоялась ежегодная встреча с бывшими пациентами. Это было такое же обязательное мероприятие, как Первомайская демонстрация трудящихся в Союзе. Для нас с женой это была уже вторая в этой клинике. Пришли все врачи и персонал, кроме «убиенных», в их числе и бывший главврач Зауэр не пришёл! Даже профессор Домс, «наш профессор» по классификации Шнауцера, был здесь и, съев много грильных колбасок и побродив немного, – исчез, удивляясь, конечно, что я уже и ещё работаю вопреки его прогнозу! Дегенрат приехал с женой и чёрным сыном – африканцем лет десяти, это был его единственный ребёнок, что не говорило о его больших сексуальных успехах, а, скорее, о хроническом «насморке». Шнауцер, как и в прошлый раз в прошлом году, приехал со своей сестрой и племянником, а тот со своей подругой. Сестра Шнауцера в этот раз была с нами не такой приветливой, как в первый раз! Она обходила нас, а мы старались в неё не «вступить»! Чувствовалось, старик Шнауцер ей наябедничал на меня! Даже косою племянник, отвёл косою глаз ещё больше в сторону от меня! Пришло около 30 больных. Они чувствовали себя, как выпускники университета прошлых лет, пришедших на встречу! Они приветствовали друг друга, обнимались, рассказывали друг другу, каких успехов добились. Встреча выпускников «дурдома» проходила вкусно: грилилось мясо, напитки, стоячие и сидячие места за столиками. Хозяином «бала» был сам Шнауцер, негласной хозяйкой – Силке Кокиш, выполняющая здесь роль старшей как бы официантки. Она командовала прислугой, сама разносила еду и зло щёлкала «челюстями саранчи» и косилась в сторону сестры и племянника Шнауцера. Наконец Шнауцер изготовился речь произнести! Оркестр, состоящий из уличных украинских музыкантов, которых полно на каждой улице в Германии, и хотя им по сорок – шестьдесят лет, они кроме ящиков и шапок для денег выставляют таблички: «студенты из Санкт-Петербурга», –

проиграл: «слушайте все!» и наконец умолк! Петербург пользуется бóльшим уважением в Германии, чем Киев и более известен, чем Жмеринка или даже по классификации Барсукской Мины – Крыжополь, и даже её метрополии – Ош.

Так вот, Шнауцер изготавился к речи, и Кокиш сделала хохлам, которых Шнауцер, как и всё остальное, дёшево закупил, знак замолчать: «Барин будет говорить!».

И «барин», произнёс речь: «Друзья! – привычно начал Шнауцер. – Я очень рад вас приветствовать и видеть в полном здравии! Желая всем здоровья, и милости просим всегда к нам на лечение!». «Как говорится: – Будьте здоровы, приходите к нам болеть! Милости просим на кладбище!» – это я уже про себя отметил. Но всё же все захлопали и громче всех – Клизман. Она обвила сестру Шнауцера, как до этого вилась вокруг грильной колбасы! Она хохотала, веселила сестру Шнауцера и совсем даже «не держала листок перед ртом!» Одетая Клизман была, как всегда, в бывшую 10 лет назад чистой, но сейчас мятую длинную юбку, и вновь, видать, вылезла из дымоходной трубы! Шнауцер на неё посматривал без энтузиазма, даже брезгливо! Именно за это и ценили её Кокиш и, наверное, сестра Шнауцера, одновременно! Такая не может быть соперницей! Она может быть врагом, но не соперницей! «Пойдёмте, докторэ», – обратился ко мне Шнауцер, как я ему и советовал по-итальянски! Или потому, что его друг – жирный итальянец здесь жарил-грилил для всех! А помогал ему, как всегда, хаузмайстер Ковачич, который засовывался во все дыры: в том числе и когда туалет загаживался, именно он должен был его всегда прочищать, очищать! Пришлось мне со Шнауцером и Дегенратом распить дешёвое игристое вино. Шнауцер не позвал Клизман, а меня, очевидно, решил поближе с Дегенратом познакомиться! Утомительно было слушать Дегенрата ещё и здесь – его планы: «как клинику нам обустроить!» Он может, оказывается, ещё больше сделать для неё, чем уже сделал! «У меня много планов, – пообещал Дегенрат, – и в первую очередь надо улучшить ведение документации! Я теперь этим в первую очередь и займусь! Врачи, в особенности Пусбас, отвратительно пишут выписные эпикризы! Пусбас безграмотна! Также я займусь повышением уровня квалификации сотрудников, буду конференции проводить, вести их! Больных буду поменьше вести, чтобы больше иметь свободного времени и исправлять ошибки других!». При этих озвученных идеях Шнауцер на меня глянул, желая по мне понять, верны ли идейки Дегенрата! Не выдал я своего желания рассмеяться.

«Как дела с антисемитизмом в России?» – поинтересовался Дегенрат, когда Шнауцер вышел, возможно, в туалет. – «Очень хорошо – есть! И в достаточном количестве! Конечно, во время войны Германия была впереди всех, Россия значительно отставала! Но сейчас и в России немногим меньше, чем в Германии! И даже есть надежда, что Россия скоро обгонит в этом вопросе Германию!». «Да, – согласился печально Дегенрат, – у меня тоже кто-то был евреем в роду». Продав Шнауцер своё еврейство! – понял я. – Всем хвастает, что и такой в его коллекции есть!». Наконец настала трогательная минута расставания. «Будьте честным!» – пожелала мне сестра Шнауцера, вероятно, под впечатлением его донесений. Не задумываясь, машинально выпалил: «И вам того же!». «Шнауцершу» перекосило и она такой и села в машину, где за рулём был её Шнауцер! А за это на неё хищно глянула Кокиш: «Что б тебе скукожиться!» – говорил её взгляд. «Сама проститутка!» – ответил ей взгляд Шнауцерши. «Да помиритеесь вы, бабы, наконец!» – говорил бладушный оскал Шнауцера.

«У больной Берг плохие отношения с мужем, – сказал я на следующий день на конференции. – Она рассказала мне об этом после сеанса гипноза. Хочет, чтобы её мужу помог от половой слабости». «Да, да! Я это заметил!» – согласился Дегенрат. «Что заметили?» – спросила его Клизман. – «То, что доктор сейчас рассказал! Эта больная вчера во время встречи с пациентами на меня очень призывно, как самка смотрела! Так призывно, что меня, скажу честно, аж страх прошиб!». Презрительно отвернувшись от него, Клизман глянула в мою сторону, подталкивая меня как бы к реакции, чтобы я что-то сказал нелицеприятное Дегенрату! И не найдя у меня поддержки, ещё раз отвернулась, уже – от меня. Появились положительные

у Клизман моменты: из-за нелюбви к Дегенрату, Клизман вдруг стала терпимее для больных! Они были готовы уже скорее к ней ходить, но не к нему! «Больная Келлер хочет ко мне, – нерешительно приоткрыв ротик и сделав из него “хоботок-трубочку”, объявила Клизман на конференции, – она к вам почему-то не хочет», – притворно виновато, объявила она Дегенрату. «Нет, нет! Этого мы не допустим, нельзя! – отрезал Дегенрат. – Это потому, что я попадаю точно в проблемы больных, и они сопротивляются психотерапевтическому процессу – своему развитию!». Клизман скептически посмотрела на Дегенрата, а затем на всех остальных. «Вы поймите! – продолжал возмущаться Дегенрат. – Это всегда так! От настоящего психотерапевта больные бегут! Они его боятся! Я не делаю никакой импотентной терапии! Я работаю, как хирург, а это больным не нравится! Они ленивы, они не хотят развиваться! Они стараются терапевтов разделить на “добрую мать”, – и Дегенрат посмотрел на Клизман, – “и злого отца” – это я у них!». Отметился вкус Дегенрата отбирать себе молодых, привлекательных пациенток, от которых его «аж страхом прошибает», а вот Клизман он подсовывал старух! Но хотя Мину Барсук молодой не назовёшь, Дегенрату она чем-то понравилась! А от фрау Люлинг страхом почему-то его прошибало! «Люлинг очень опасная нарциссическая личность! – объявил Дегенрат на очередной конференции Кокиш. – Мы должны её убрать!». «А кем заменить?» – мечтательно спросила Кокиш. – «Как – это, кем?! У нас ведь есть такая прекрасная работница, как доктор Мина! Вот её и надо вместо Люлинг!». «Да, не плохо бы, – согласилась Кокиш, – но она не Facharzt». «Так надо её сделать! – сказал Дегенрат. – Надо заставить Люлинг дать ей хорошую характеристику, а экзамен я беру на себя! У меня в Dzttekkammer все хорошие друзья, сдаст!». «Да, действительно, – согласилась Кокиш, – у доктора Мины, кстати, скоро кончается срок учёбы и срок действующего трудового договора». «Да, вы что! – подскочил Дегенрат. – Этого никак нельзя допустить, потерять такого ценного кадра! Люлинг надо гнать!». «Да, надо», – в раздумье, согласилась и Кокиш. «Отвратительная, а считает себя больно красивой и, по-моему, у Шнауцера в любимчиках ходит!» – вовремя добавила Клизман. «Да вы что! – побледнела, а затем и покраснела Кокиш. – Он её ненавидит!». «Ой, ой, – захихикала Клизман, – вы плохо знаете мужчин! Не слушайте, что они говорят, посмотрите лучше, как и на кого они смотрят!». Щёлкнув челюстями и окосев, Кокиш перевела разговор на другую тему. «Повезло Мине, – подумал я, – попала в струю! Люлинг уже не жилец, другое дело – возьмёт ли Кокиш Мину? А почему не взять?! Она, как и Клизман, не соперница ей!».

Глава 7

А куда больные подевались?!

«Алле, а мне можно к вам? Я заскочу!» – позвонила Мина сразу же после окончания конференции. «Ну что, как у вас дела? А что слышно? А что говорили на конференции?». – «Вас хвалили». «Да?!» – засмеялась Барсук. – «А кто?». – «Все». – «Да? Ой, как интересно! И что сказали?». – «Что вы очень хорошая». – «Знай наших! – рассмеялась Мина. – А почему меня хвалили?». – «Потому что Люлинг ругали». «Ой, она ужасная! И больные её тоже не любят! Я у всех, кого не спрашиваю – все её терпеть не могут, кого бы я ни спросила! Я список даже составила таких больных! А меня очень жалеют за то, что она так унижает меня перед больными! Как будто я ученица, а она профессорша!». «Но вы же, действительно, у неё ученица», – не удержалась моя жена. «Ой, можно подумать! Кто она такая?! Профессорша! Если бы я училась в Америке, то тоже знала бы не меньше! Я бы вот больным, например, назначала бы наши мази советские, они бы скорее помогли! А при ячмене лучшее средство настойка чая и плюнуть в глаз хорошо помогает, а она смеётся! Вот только, чтобы характеристику дала!». «Дегенрат обещал из неё её вышибить», – обрадовал я Мину. – «Да? Вот молодец и, кстати, очень умный и хороший мужик! Правда?». «Немножко есть», – сказал я. «Конечно, было бы хорошо здесь остаться работать, в практике не смогу, т.к. я операции не умею делать, а она это умеет. Что да, то да, ничего не могу сказать, хорошо оперирует. Ну, оставят, так оставят! Мне знаете, как-то всё равно и всё надоело, будь что будет! Ну ладно, спасибо за поддержку, потом как-нибудь забегу. Моя Люляшка уже, наверное, пришла».

«Вот уже три месяца, как нет главврача, – сообщила на конференции Кокиш, – а больных не то, чтобы больше стало – меньше стало! У нас сейчас 35 больных, а было 45, такого никогда не было! В чём дело, куда больные подевались?!» – поставила Кокиш вопрос в пространство. «Я вам объясню, – засуетился Дегенрат, – надо делать рекламу! Без рекламы ничего не будет! Я считаю, что нерационально используюсь в клинике! Я, конечно, с удовольствием веду больных, но клинике нельзя использовать меня, вот так – нерационально! Нельзя упускать возможности больных приобретать! У меня везде куча знакомых врачей, больных! Мне нужно реже бывать в клинике, а больше вне нее – общаться с врачами! И я гарантирую, что за месяц-другой, так заполню клинику, завалю больными, что девать некуда будет!». «Проблема не в том, что больные не приходят! – сказала Кокиш. – Их за эти три месяца пришло больше, чем обычно! Сейчас у нас в Verwaltung (администрации), новая работница появилась фрау Сила, которая активно достаёт больных». «А, – это та огромная с два мешка! – понял я. – Вместо кого бы это её, неужели вместо фрау Шлотке? Это же её задача, кроме шпионить, была! Это же её обязанность больных добывать!». «Проблема в том, – подвела итог своего “научного” исследования Кокиш, – что больные покидают клинику досрочно! В чём дело? А, доктор?» – обратилась ко мне Кокиш.

«Зайдите ко мне, доктор, – грустно попросил Шнауцер, завидев меня в вестибюле. – Как дела? Как здоровье, докторэ? Будет глаз видеть? Нет! Жалко, ну ничего, вы хорошо выглядите и, по-моему, похудели даже. Силке, принеси мне и доктору кофе! Как будете пить, доктор, со сливками и сахаром или без?». – «И с тем, и с тем!». – «Силке, налей доктору! Берите, вот вам кофе! Вот вам сливки, вот вам сахар!». «Вот вам штапель! Вот вам тюль! Вот вам яйца! Вот вам х^{*} й!» – как всегда в таких случаях, пришла мне в голову глупость, и опять из раннего детства! «Слушайте, доктор, вы умный человек и я вас очень ценю! Куда больные делись? Главного врача Зауэра и его многих друзей нет, но и больных нет! Более того, их стало меньше, чем было! Может спортсмен Хагелюкен или музыкантша Отремба, или эта новая танцовщица фрау Шлуп саботируют?!» – раздав «штапель и тюль», спросил Шнауцер. Прежняя танцов-

щица Роллике привела, эту новую, танцовщицу Шлуп, конечно, такую, чтобы жалели об её уходе. Шлуп отличалась фигурой «парнишки» 45-ти лет, с маленькой головкой, но большим апломбом: не говорила, а изрекала, и только Дегенрат мог её зашибить. «Знаешь, Силке, – не дожидаясь моего ответа, сказал Шнауцер, – точно, это танцовщица виновата! Пейте, доктор! А, Силке?! Позови-ка мне эту танцовщицу!».

«Дорогие друзья, мы собрались сегодня все, чтобы проводить нашу самую лучшую танцовщицу Германии! – начал Шнауцер свою очередную заупокойную речь в конференц-зале по поводу “кончины” танцовщицы. – Прошло всего три месяца, как мы проводили доктора Зауэра, и вот теперь новая потеря! Я тогда, на проводах доктора Зауэра, помните, сказал, что нас ждут новые проводы, расставания! Очень жаль, но надо уметь вовремя расставаться со старым, чтобы строить новое, прогрессивное! Да и кто-то из вас предвидел и пошутил, назвав нашу клинику историей про “Десять негрят”! Но я вам честно говорю, в этот раз мне очень жаль, что мы расстаёмся! Но она заверила, что мы расстаёмся друзьями, и она останется для нас навсегда, как супервизор! Она нам даже, свою преемницу порекомендовала – фрау Бомбик, если не ошибаюсь, её фамилия. Надеюсь, что Бомбик будет ещё лучше работать, чем фрау Шлуп! Ну вот, видите, она растрогалась и даже плачет! У нас очень хорошая клиника, и теперь с новым руководством, руководящими врачами и, прежде всего, доктором Дегенратом, да и Клизман, и он... – указал Шнауцер и на меня, – я спокоен, как никогда! Никогда у нас не было такой сильной, хорошей команды! А теперь, в знак нашего большого уважения к танцовщице Шлуп – этот маленький букетик ей! Заодно вот ещё один букет нашей уборщице – у неё день рождения сегодня! Поздравляю и желаю, чтобы у нас было чище, чем сейчас!». Букет приняла и радостная уборщица фрау Штибле, толстая 42-х лет словенка, знающая всё, что делается в клинике и даже больше. Её тележка с тряпками и мётлами всегда стояла посередине вестибюля, все об неё спотыкались, но зато видели, что словенка постоянно, как пчёлка, в труде, не она, конечно, а её тележка! Социалистический опыт ей пригодился, создавать видимость «кипучей деятельности»! «Боюсь, друзья, что и это не последние проводы, расставания!» – заверил Шнауцер и по-доброму оскалил вставные челюсти. А уцелевшие психолог Зибенкотен, музыкантша Отремба и спортсмен Хагелюкен одновременно втянули головы в плечи. Они были всё, что осталось от германского «революционного» движения 21-го столетия. «Ещё рад, друзья, вам объявить, что для усиления нашей команды в понедельник приходит профессор Эркенс, который будет осуществлять контроль за качеством! Он будет у нас критерием качества лечебной работы – супервизором! А заодно, он будет своим именем представлять нашу клинику вовне! – Дегенрат и Клизман в очередной раз поморщились при этом сообщении. – Прав я?» – обратился к ним Шнауцер, и они с готовностью закивали головами, как будто всю жизнь ждали этого сообщения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.